

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А.И. Герцена
Институт иностранных языков

*70-летию
Великой Победы
посвящается*

STUDIA LINGUISTICA

**ЯЗЫК В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИУМА
И КУЛЬТУРЫ**

XXIV

Санкт-Петербург
Политехника-сервис
2015

Печатается по рекомендации
Ученого совета Института иностранных языков
РГПУ им. А.И. Герцена

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор **Е.Г. Хомякова** (СПбГУ);
доктор филологических наук, профессор **Е.А. Гончарова** (РГПУ
им. А.И. Герцена)

Редакторы:

доктор филологических наук, профессор **И.А. Щирова** (ответ-
ственный редактор);
кандидат филологических наук, доцент **Ю.В. Сергаева**

Редактор английских текстов:

доктор филологических наук, профессор **О.Е. Филимонова**

Члены редколлегии:

доктор филологических наук, профессор **Н.Н. Кириллова**;
кандидат филологических наук, профессор **И.П. Шишкина**

Технический редактор:

инженер-лаборант **Е.А. Скрипкина**

**STUDIA LINGUISTICA. Вып. XXIV. Язык в пространстве
социума и культуры. Сб. научных трудов. – СПб.: Политех-
ника-сервис, 2015. – 231 с.**

ISBN 978-5-906

В очередном выпуске серии **STUDIA LINGUISTICA XXIV** актуальные проблемы языка рассматриваются сквозь призму познания, культуры и социума, через язык осмысливается роль и место человека в мире. В фокусе исследовательского внимания оказываются актуальные вопросы когнитивной лингвистики и гендерной лингвистики, лексикологии и лексикографии, теории и интерпретации текста, лингвостилистики и лингвокультурологии, перевода и межкультурной коммуникации. Представленные научные статьи предназначены специалистам-филологам, студентам филологических специальностей и более широкой аудитории, интересующейся проблемами языка, текста и культуры.

Сборник выходит в знаменательный год – год 70-летия со Дня Победы нашей страны в Великой Отечественной Войне и посвящается герценовцам-преподавателям факультета (ныне Института) иностранных языков, сражавшимся за победу в тылу и на фронте.

**ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ:
УЧЕНЫЕ НАШЕГО ИНСТИТУТА¹**

Воспоминания о Великой Отечественной войне – это память о тех, кто отдал жизнь за Победу, о тех близких и любимых, кого мы потеряли, о миллионах не вернувшихся.

Память – как незаживающая рана в сердце народа, писать об этом очень тяжело. Но надо рассказать о том, что довелось увидеть, о том, как шли к Победе.

И.В. Арнольд «Как шли к Победе»²

Сборник **STUDIA LINGUISTICA XXIV** выходит в знаменательный год – 70 лет назад закончилась Великая Отечественная война, самая кровопролитная война в истории нашей страны и человечества: советский народ одержал победу над фашизмом. Великая Победа ковалась руками многих героев, и среди них были наши коллеги – преподаватели бывшего факультета, а ныне – Института иностранных языков, более известные нам сегодня по достижениям в сфере образования и науки. Они сражались на фронтах, обеспечивали жизнь Ленинграда в суровые дни блокады, самоотверженно трудились в тылу, переносили тяготы и лишения эвакуации, приближая тем самым победный конец войны. Представленные ниже материалы, включая сведения из архива музея РГПУ им. А.И. Герцена, лишь намечают

¹ Редакторы сборника выражают искреннюю благодарность за консультации и предоставленные архивные материалы директору музея РГПУ им. А.И. Герцена, Е.М. Колосовой.

² Арнольд И.В. Как шли к победе // Вестник Герценовского Университета, № 5(79), 2010. С. 49.

контуры этой общей картины, которая нуждается в дальнейшем изучении, однако, уже сегодня мы можем с гордостью называть некоторые, известные нам имена Героев Великой Победы, вложивших в неё все свои силы, знания и энергию.

★ **Арнольд Ирина Владимировна, профессор кафедры английской филологии.** В годы Великой Отечественной войны готовила военные кадры для авиации. За 1941–1945 годы Военно-воздушная академия Красной армии, где в то время преподавала И.В. Арнольд, подготовила более 2000 инженеров военно-воздушных сил. Возглавляемая ею кафедра радиотехники сыграла важнейшую роль в создании радиолокационной защиты страны. С открытием второго фронта и поступлением на вооружение новой техники ускорились темпы подготовки квалифицированных радиоинженеров, владеющих иностранными языками. Слушатели академии жили на казарменном положении, занимались по 8 часов в день с преподавателями и по 6 часов самостоятельно. Как писала сама Ирина Владимировна: *«Никогда ни до, ни после у меня не было такой серьезной аудитории. Понимая, как они нужны фронту, они всеми силами старались быстрее освоить программу, чтобы идти защищать Родину»*.¹

Награды: медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейные медали в честь Великой Победы.

★ **Белоусова Нина Андреевна, старший преподаватель кафедры французского языка.** До ноября 1942 г. – Секретарь Президиума, затем референт Исполкома Фрунзенского райсовета г. Ленинграда. Участвовала в оборонных работах в пос. Шушары. За подготовку жилого фонда района к зиме 1942–43 года была награждена грамотой Исполкома Ленгорсовета. Занималась эвакуацией ленинградцев в тыл страны. С ноября 1942 по август 1944 г. служила в действующей армии в должности машинистки-стенографистки Особого отдела 54-й армии Волховского, а затем 1-го Белорусского фронтов. С марта 1945 г. – стенографистка Особой инспекции при Союзной Контрольной комиссии в Румынии.

¹ Арнольд И.В. Как шли к победе // Вестник Герценовского Университета, № 5(79), 2010. С.50.

Награды: орден Красной звезды, орден Короны Румынии, юбилейные медали в честь Великой Победы.

★ **Бергельсон Григорий Юльевич, доцент кафедры немецкого языка.** Участник Великой Отечественной войны и Нюрнбергского процесса, переводчик. Воевал на Карельском фронте, где был инструктором отделения по пропаганде среди войск противника. Все годы войны осуществлял политическую разведку, переводил трофейные документы, вёл передачи на немецком языке с радиоустановок в Мурманске и на Соловецких островах. Как вспоминает Григорий Юльевич, *«эта работа явилась неким дополнением к боевым действиям наших войск и, вне всякого сомнения, приносила свои плоды, хотя они, конечно, далеко не всегда могли быть увидены простым глазом»*.¹

Награды: орден Красной звезды, медали «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейные медали в честь Великой Победы.

★ **Гитлиц Анна Марковна, доцент кафедры испанского языка.** С июня 1942 г. и до конца войны находилась в действующей армии в 126 отдельном дорожно-эксплуатационном батальоне 2-й Ударной Армии. Сражалась на Ленинградском и 2-м Белорусском фронтах.

Награды: медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», «За оборону Ленинграда», юбилейные медали в честь Великой Победы.

★ **Дмитриева Валентина Тихоновна, доцент кафедры немецкого языка.** Направленна на военную службу по призыву комсомола в 1944 г. Последнее место службы – аппарат Уполномоченного МГБ СССР в Германии (переводчик) (до 1952 г.).

Награды: медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

★ **Златогорская Ревекка Лазаревна, старший преподаватель кафедры немецкого языка.** Вела большую и трудную работу с детьми в блокадном Ленинграде: работала завучем в детдоме на Подольской

¹ Цит. по Афанасьева А.Л., Андреева Н.В. Хранители традиций: триумф над временем // Педагогические Вести, № 24, 2005. С.4.

улице. После его закрытия стала одним из организаторов детского дома 55/61 на ул. Правды, просуществовавшего с 1942 по 1945 гг. По воспоминаниям Р.В. Златогорской, «у всего коллектива была одна общая главная задача – вернуть к жизни блокадных ленинградских детей с подорванным здоровьем и надломленной психикой»¹.

Награды: юбилейные медали в честь Великой Победы.

★ **Ильиш Борис Александрович, профессор кафедры английской филологии.** Когда началась Великая Отечественная война, Б.А. Ильиш, декан факультета английского языка в 1-м ЛГПИИЯ, выезжал вместе со студентами на оборонные работы в Тосненский район Ленинградской области. В 1942 году, после эвакуации института, добровольно поступил на службу в Краснознаменный Балтийский флот. В звании майора административной службы возглавил группу переводчиков. Переводил с английского, французского, немецкого и шведского языков, редактировал информационный бюллетень в отделении специального радиоперехвата Берегового радиоотряда КБФ. Не менее важной в годы войны была преподавательская деятельность Б.А. Ильиша. Из воспоминаний М.М. Перельман: «Зима 1944. В Москву в Военный институт иностранных языков Красной Армии приезжает молодой стройный майор административной службы Борис Александрович Ильиш. На нем черная шинель морского офицера. Он каждый месяц приезжает из Ленинграда в Москву и читает нам, слушателям 3-го курса педагогического факультета, лекции по теоретической грамматике английского языка. Как живо и интересно он читал! Он умел показать, сколько есть ещё неисследованных проблем в теории языка и щедро делился со своей аудиторией своими взглядами на эти проблемы. Его лекции были сплошными праздниками»².

Награды: боевой орден Красной Звезды, медали «За оборону Ленинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.»

¹ Цит. по Разумовский Л.С. Дети блокады. Часть вторая. Детский дом № 55/61. [Электронный ресурс] URL: <http://www.lev-razumovsky.ru/rus/books/blokada2/nachalo.htm> (дата обращения 10.04.2015)

² Цит. по Военные и послевоенные годы Б.А. Ильиша. [Электронный ресурс] URL: <http://ephil.herzen.spb.ru/wp-content/uploads/2008/05/ilyish-1941-45.pdf> (дата обращения 19.04.2015)

★ **Кобленц Александра Кононовна, старший преподаватель кафедры французского языка.** В августе-сентябре 1941 г. работала с группой студентов на окопах под Кингисеппом. Осенью-зимой 1941–1942 гг. выполняла работы по оборудованию бомбоубежища в доме по месту жительства. С 5 мая 1942 г. по направлению Военкомата Октябрьского района работала в МПВО (местной противовоздушной обороне). С июля по сентябрь 1944 г. участвовала в ремонте ЛГУ в связи с предстоящей реэвакуацией университета.

Награды: медаль «За оборону Ленинграда».

★ **Пинкевич Альберт Альбертович, доцент кафедры испанского языка.** В 1941 г. в 17 лет ушел добровольцем на Ленинградский фронт. В 1942 году закончил Рязанское артиллерийское училище. Служил начальником разведки. Сражался в боях под Москвой, в Коломне, Костроме, на 1-м Украинском фронте, в Польше. Участвовал в освобождении Праги и штурме Берлина, встретил победу в Чехословакии.

Награды: орден Красной звезды, медали «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», юбилейные медали в честь Великой Победы.

★ **Резникова Инна Павловна, ассистент межфакультетской кафедры английского языка.** С 17 декабря 1941 г. по 20 декабря 1944 г. юнга, воспитанница II отдельного артиллерийского дивизиона Кронштадтского сектора Береговой обороны Краснознаменного Балтийского флота (БО КБФ). II отдельный артиллерийский дивизион БО КБФ находился на форту Первомайском (ф. Тотлебен), входил в состав действующей армии и принимал участие в обороне города-героя Ленинграда.

Награды: медаль «За оборону Ленинграда», медаль «За боевые заслуги».

★ **Сегаль Марк Маркович, доцент кафедры фонетики английского языка.** Когда началась война, М.М.Сегаль уже служил в армии на Украине, ведя наблюдение за воздушным пространством и оповещая о нападении самолётов. Воевал в составе 2-го и 3-го

Украинского, а также Воронежского и Центрального фронтов, был командиром артиллерийской батареи. Прошел всю войну, освобождая Россию, Украину и Европу от фашизма. Как вспоминает Марк Маркович, *«весть о Победе я встретил в Праге. Очень запомнился момент, когда мы ехали из Брно, а навстречу нам – немцы. И мы, и они поднимали руки в приветствии, вместе радовались окончанию войны»*¹. Из Европы военную часть, в которой служил М.М. Сегаль, направили в Манчжурию и он ещё почти год после войны с Японией находился недалеко от Порт-Артура.

Награды: Орден Красной Звезды, два Ордена Отечественной войны I-ой степени и два Ордена Отечественной войны II-й степени, 20 правительственных медалей, в том числе две от правительства Монголии и Чехословакии.

★ **Тураева Зинаида Яковлевна, профессор кафедры английской филологии.** Окончив с отличием школу перед Великой Отечественной войной, перенесла первую блокадную зиму со всеми её тяготами. В своих мемуарах Зинаида Яковлевна описывает блокадный Ленинград: *«Холодный, заснеженный город всё глубже погружался в ужас и безнадежность осады, твердым кольцом сковавшей его. Казалось, и природа ополчилась против людей. Небывало холодная зима 1941–1942 гг., морозы, доходившие до 30–40 градусов, усугубляли мучения обессилевших от голода людей. Многие десятилетия Ленинград не видел таких холодов. Остановился транспорт. Запорошенные снегом трамваи стояли на путях. Лишь по ночам, во время бомбежек, кровавое море разбомбленных, горевших домов освещало город»*². Семья покинула Ленинград по «дороге Жизни» через Ладожское озеро в начале февраля 1942 г., а в мае 1942 г. З.Я. Тураева пошла добровольцем в действующую армию. Работала секретарём-машинисткой в оперативном отделе штурмовой авиационной дивизии на Сталинградском, Воронежском и Волховском фронтах. В 1943 г. после реформирования дивизии воссоединилась с семьей в Боровичах, где позже была назначена секретарем политотдела воинской части.

¹ Цит. по «Сегаль Марк Маркович. Война. Университет. Встречи» // Литейный округ. № 2(109), март-апрель 2012. С. 3. [Электронный ресурс] URL: <http://shatunovsky.ru/admin/files/file111.pdf> (дата обращения 1.05.2015).

² Тураева З.Я. В поисках прошлого. 2012. С. 19.

Награды: орден Отечественной войны II степени, медаль «За оборону Сталинграда» и юбилейные медали в честь победы в Великой Отечественной войне.

★ **Шатилов Сергей Филиппович, профессор кафедры методики преподавания иностранного языка.** В июле-августе 1941 г. служил стрелком 3 отдела Краснознамённого Балтийского флота. В августе 1941 г. попал в плен, провёл 3 года в лагерях на территории Эстонии. В сентябре 1944 г. бежал из плена. С сентября 1944 г. по июнь 1945 г. служил переводчиком в Отделе контрразведки СМЕРШ 9-й штурмовой дивизии ВВС.

Награды: медаль «За победу над Германией».

★ Сложную и нужную работу военного переводчика выполняли в годы войны и другие герценовцы: **Галина Николаевна Путилина, доцент кафедры второго иностранного языка,** работала в осажденном городе в административном здании на Литейном; **Олег Дмитриевич Вейцман** освобождал Берлин и позже работал с немецкими коммунистами; **Ефим Григорьевич Эткинд, профессор кафедры французского языка,** вел пропаганду среди войск противника.

Война коснулась не только взрослых. Свыше четырехсот тысяч детей и подростков оказалось в мучительном кольце блокады. Вспомним строки из «Ленинградской поэмы» Ольги Берггольц:

О, мы познали в декабре –
не зря «священным даром» назван
обычный хлеб, и тяжкий грех –
хотя бы крошку бросить наземь:
таким людским страданьем он,
такой большой любовью братской
для нас отныне освящен,
наш хлеб насущный, ленинградский.

Новелла Александровна Кобринна, Раймонд Генрихович Пиотровский, Нина Витальевна Баграмова, Софья Ивановна Блинова, Алла Леонидовна Афанасьева, Генриетта Петровна Кузнецова и многие другие наши коллеги были жителями блокадного Ленинграда, получали скудный хлебный паёк, укрывались от обстрелов и бомбежек.

Чтобы восстановить данные обо всех преподавателях Института (в прошлом – факультета) иностранных языков РГПУ им. А.И. Герцена, переживших вместе с Родиной горечь войны и радость победы, безусловно, нужно специальное научное исследование.

Память о важных страницах истории сохраняет преемственность поколений. Сейчас, когда Великая Отечественная война становится всё более далёким событием, особую ценность обретает «живая память» её очевидцев. Дни войны остаются запечатленными в личном опыте, в опыте родных, близких и друзей, и поэтому в первом разделе сборника мы с благодарностью представляем слово одному из таких очевидцев, участнику войны и постоянному автору STUDIA LINGUISTICA – профессору Зинаиде Яковлевне Тураевой.

Щирова И.А., Сергаева Ю.В.

С ПРАЗДНИКОМ, ДРУЗЬЯ!

Сменяют друг друга годы, десятилетия, века, но память людская живет, и в ней будут жить воспоминания о войнах XX столетия, самых опустошительных и кровопролитных в истории человечества.

Война... 22 июня 1941 года. Мы, дети двадцатых, еще юные люди, влюбленные в жизнь, неожиданно оказались на пороге смерти. Да, мое поколение полегло на полях войны, но как мы умели дружить, никогда не предавать друг друга и всегда были готовы подставить плечо другу.

Я не буду много говорить о войне. Все сказано. Тяжелые первые годы отступления, блокада нашего родного города, сражение под Сталинградом, во многом определившее судьбы человечества, и победоносное наступление наших войск, «прошагавших пол Европы, пол земли». Все это хорошо известно вам, к счастью, лишь по книгам и фильмам. Мне довелось провести самые тяжелые месяцы в осажденном Ленинграде, а затем участвовать в Сталинградской битве в качестве секретаря – машинистки в штабе штурмовой авиационной дивизии.

Чувствовали ли мы себя победителями? Боюсь, что не это волновало нас тогда. Жизнь в разоренной стране после войны была непроста. Но это также стало сигналом к сплочению. Я, естественно, не занимаюсь ни сравнениями, ни противопоставлениями. Хочу лишь отметить некоторые черты моего поколения: это способность дружить, прийти на помощь в трудную минуту, отсутствие равнодушия и показной любви и дружбы; это способность ценить образование вне прямой зависимости от того, какие материальные блага оно приносит, и это стремление к познанию окружающего нас мира, вечно меняющегося и живого.

Я высоко ценю своих коллег, друзей-ровесников, к сожалению, в основном уже покинувших этот мир. Их имена, словно маяки, для меня: И.В. Арнольд, М.В. Никитин, В.Г. Вильюман, М.И. Оссовская, В.Г. Адмони, А.И. Домашнев, Р.Г. Пиотровский, Л.М. Скредина и многие, многие другие. Работа с ними была интересной и означала требовательность к себе и окружающим. Университет – для моего уха привычнее звучит «инсти-

тут», был больше, чем местом работы для нас. Здесь определялось, состоялся ли ты, каковы твои деловые, человеческие и научные качества.

Дорогие мои коллеги, друзья, учителя и ученики. Светлая память тем, кого нет сегодня с нами. Говорю эти слова в год 70-летия Великой Победы. Доброго здоровья, успехов в жизни и творчестве тем, кто трудится сегодня и продолжает традиции, заложенные в ушедшем веке.

*Профессор,
доктор филологических наук*

З.Я. Тураева

I.K. Arkhipov (Saint Petersburg, Russia)

ON SEMANTIC AND COGNITIVE STRUCTURES

The present paper deals with descriptions of the patterns, role and scope of interactions between the individual speaker and language system to deliver every actual word. A distinction is made between semantic structures of mental representations and cognitive structures of communicative behavior ("languaging"- H.Maturana). Perspectives for the development of relevant methodology in theoretical research and ESL teaching are discussed.

Keywords: cognition, semiosis, sign situation, reconstruction, consensual

As the cognitive turn in linguistics continues to deliver new data, the latter make both scholars and practitioners re-think their views on language and its functions. Hence, it becomes possible to realize to what extent certain "new" ideas are grounded in "old problems" of ontology as well as which issues of fundamental knowledge on the nature of language still need to be tackled.

The phenomenon of lexical polysemy is regarded as one of the well-known features of numerous words in all languages. Different senses of a polysemous word are sometimes considered to be its inherent characteristics. However, it is rather embarrassing because, unlike other **things**, this category appears to disobey a rule that "words are dialectical unities of content and form".

Besides, with the arrival of new concepts, certain linguistic terms have become ambiguous vis-a-vis "(almost)-synonymous" words co-occurring in their constantly-changing domains. These phenomena are discussed in the present paper against the backgrounds of the code theory and that of biology of cognition [Maturana, 1970]. The subject is provided by two phenomena – semantic and cognitive structures – which may seem identical. However, perhaps, they are not as they are referred to in connection with the use of unspecified analytical procedures designated as "semantic", "cognitive" and "cognito-semantic" [Moskalenko, 2015, с. 7]. The nature of the latter reference looks rather dubious, particularly, with regard to the category of "cognito-semantic structure". It looks like a sort

of mix between “form” (processes of cognition) and “content” (thoughts) which is inadmissible *per se*. On the other hand, there is a point which simply dismisses an idea of identifying any additional structures because “no extra level of strictly linguistic semantics is necessary” [Jackendoff, 1997, p. 547].

The rationale for the suggested project is borne out by the common confusion about a stereotype that since everything “semantic” and “cognitive” occurs “in the mind” the latter term may be a novel, more sophisticated substitute for everything semantic. A failure to identify distinctions or variations of lexical meaning seems to be another vestige of the code theory which is still going strong.

Hence, when reading an excerpt like:

(1) he walked straight to me and said: “ Let’s go fishing. “ I walked with him...It was dusk and I wondered if it was too late to go to *sea*₁ (= go for a passage on water), and I had not seen him carrying fishing rods, and I wondered if he had forgotten them [COCA]

it is generally believed that the reader simply substitutes all the lexical forms with relevant meanings retrieved from the “language system”. The latter is thought to be either “out there” or in the brain, depending on the theoretical bias of the researcher who, in turn, handles them according to his understanding of the context.

Ontologically, a meaning is a semantic structure, or “that which is or is intended to be expressed by a sentence or a word, dream, symbol, action, etc”. According to the theory of code, lexical meanings are thing-like entities transferrable from writer to reader by means of containers, or linguaforms. In turn, code is a systematic modification of information into letter, figure or word groups or symbols for the purposes of brevity, secrecy, or the machine-processing of information [Shorter OED]. As far as the content of every item is concerned, the encoded meaning, or “input” is supposed to be identical to “output” – a decoded one – as terms of an 1:1 relationship. All of them may be construed as the “mirror images” or the respective systemic meanings except for *sea*₁. It is different from the literal one “the continuous body of salt water that covers the earth’s surface and surrounds its land masses” which is supposed to be associated with the lexical form, first and foremost. This deviation can’t help suggesting some

kind of intervention on the part of writer or reader, or both. It definitely cannot be otherwise because, according to the Shorter Oxford Dictionary, this meaning “the sea with regard to duration of a voyage, a sea-passage” occurs in phrases “long seas” and “short seas” only. Hence, here, *intervention* is evidently a misnomer for *being generated*. This conclusion is supported by the entire content and spirit of H. Maturana’s seminal work *Biology of Cognition* [1970] which shows that it is creative speakers who actually generate all senses.

In the following example, a third meaning of *sea* is produced:

(2) The boy listened with breathless interest to the stories of the sea told by Lawrence, and many times he said, “ When I am older, I will go to *sea*₂ (= become a sailor) and fight in the King’s Navy like brother Lawrence” [COCA].

First of all, the phrase “go to *sea*₂” may seem to require special treatment as a set one since it may be identified as “semantically frozen” and, therefore, the meaning “become a sailor” recurs from one context to another unchanged. However, since no cognitive support for this stereotype has ever been presented, it seems reasonable to deal with the phrase on a general basis, i.e. by reviewing its components one by one. That seems justified on the basis of Occam’s razor, or “law of parsimony”: no more assumptions should be made than are necessary when the present situation is explained. Hence, it transpires that the sentence does make sense when both *go* and *sea* retain respective senses. Indeed, the meaning of the whole phrase – “become a sailor” – is a combination of *go*₂ – “move or pass along, proceed, journey, travel, progress (by any means)”, on the one hand, and *sea*₂ – “sea as continuum”, on the other. This complex concept is created by the writer’s integrating the total significates [Hewson, 1972] of *go* and *sea*. Either of them is raised to the latter status to ascribe the senses of generality.

Such construals are inspired by Aristotelian rule: “to ask what there is is to ask why there is” [Aristotle, 1984, p.90a32]. This approach orients the reader toward looking for a link between source and target of anything. In this context, *going* is interpreted as “joining the domain of living and activity”. As far as “destination” (“sea”) is concerned, it is to be read as: “domain of living and activity associated, in some way, with the continuous body of salt water that

covers the earth's surface and surrounds its land masses". When the two concepts are merged to describe what a small boy plans to do in future, or, specifically, "do what young men are generally believed to do when at sea", this interaction may be further specified as "acting as sailors". To this end, such cues as the "stories of fighting in the King's Navy" that "were listened to with breathless interest by a boy" are created by writer to be interpreted by reader. Accordingly, the latter draws on his experience (structural knowledge) of having observed similar concomitances involving the form *sea*, on the one hand, and context of *sea* "continuous body of salt water that covers the earth's surface and surrounds its land masses", on the other. The use of zero to replace the definite article signals the status of total significate.

It should be clear that ascribing different senses to a same linguaform in different contexts is triggered by changes caused by internal and/or external factors [Jennings and Thompson, 2012, p.43] rather than by incoming "encoded meanings". And it is the reader – the Observer – who evaluates the significance (the meaning) of the information created by himself in response to the changes brought about by the impacts of *go* and *sea* on the respective niches of the environment. The respective meanings are the senses ascribed by readers to "adapt to", or make sense of the respective contexts in which either word occurs [cf. Zlatev, 2003].

The above interactions are accounted for by the absence of information in the world that might be thought to be waiting for its release [Reeke and Edelman, 1988]. Nor are there inputs or outputs of information, or any "storage of representations of the environment" in the body because it is a self-referring system, "closed on itself" [Maturana, 1970, p. 17–18, 23]. Hence, it may be suggested that there are two modes of cognition and semiosis – semantic and cognitive – both of which are aimed at evaluating body interactions with the niche and self-observing, at the same time, as to "what I'm actually doing with my language at the present moment".

When this is viewed as a sign situation involving linguaform, participant, cues, etc., what reader actually does is to live a relevant cognitive structure, or "a mode of action underlying rational (or irrational) behavior. It is peculiar to an organism as an

idiosyncratic system; it predetermines organism's interactions with the environment at every stage of body development" [Kravchenko, 2011, p.100]. The ultimate goal of such behavior is to adapt to the niche of the environment. "Adaptation", in such a context is making sure that the partner understands what is said and done. That holds for every word occurring in an utterance or sentence as much as for any relevant segment of text within a given period of time. Hence, looking in perspective, such a mode of function actually makes up the essence of the existence of a body. Indeed, when awake and in communication, the body is fed with incoming signals, generates information and evaluates it, on the one hand, and sends out, if necessary, its own signals, in order to adapt to the environment, on the other.

When awake and all by oneself, interactions are reduced to responding to (1) incoming signals other than language ones and (2) "linguaging" with one's own body. And, finally, in sleep, "linguaging" with the body continues on an irrational level. To summarize, an alive body lives cognitive structures – one after another as time passes – every moment of its existence, and an awareness of them is phenomenological knowledge. If thinking in terms of "mode of action underlying rational (or irrational) behavior", this phenomenon may be described, after H. Maturana, as "linguaging with one's own body". Whether such a definition is regarded as a metaphor will depend on one's taste.

Hence, the cognitive structure is a mode of behavior of the body and, therefore, is complete with relevant knowledge; this knowledge is used for adaptation and, eventually, for survival. It is felt to be there and is never discussed except for research purposes. Once evolved, cognitive structures develop, are memorized, recalled and enacted whenever required. Besides, it is possible to suppose that linguaging with the body occasionally focuses on certain concomitances of states and knowledge now and then: such instances present as "static snapshots" of relevant cognitive structures. Steffensen suggests that "individual cognizers (may) handle cognitive power" in certain ways [Steffensen, 2011, p.190]. Hence, it may be suggested further that such "snapshots" are actually semantic structures. While cognitive ones are re-enacted, as they are constantly involved in the functioning of the body online,

semantic structures seem to be construed “on call”. The bottom line on this point is a strong suspicion that “semantic structures” are in fact an invention on the part of researchers as visualizations of their extremely blurred images of thoughts.

This situation explains, in part, why 4-year olds learn the “inner works” of a language while professional linguists constantly complain about the difficulties involved in **speaking** about language (cf. “A language is simple because, otherwise, one wouldn’t be able to learn it by oneself. However, linguists describe it as something unduly complicated because they themselves do not understand it” [Kibrik, 1992, p. 25–26]). Their problems arise because, unlike lay speakers who hold holistic views on language as a form of behavior, professionals are trained, by schooling and life experience, to “dissect” things and phenomena in order to disclose their nature. On the contrary, imagery *per se* has nothing to do with observations of thought-related changes and ontological status: “...what appears constant for the observer when he ascertains that the same behavior is re-enacted on a different occasion, *is a set of relations* (italics are mine – I.A.) that he defines as characterizing it...” [Maturana, 1970, p.17]. Alas, it appears that one has to be satisfied with observing bodily relations rather than images to ascertain the object in question.

Such an approach, however, is, more often than not, stimulated by a self-delusion that ephemeral “images” and/or “stores” of meanings underlie words in discourse. In reality, they neither “exist as a neurophysiological function” nor leave any traces because semiosis “lies in the cognitive domain of the observer as a description of **his** ordered experiences”. Instead of representing “images” or retrieving meanings from “storages”, the observer describes different sets of body relations as he “sees” them [Maturana, 1970, p.17, 23]. Hence, descriptions using abstractions – linguaforms, diagrams, tables, etc. – must be improvisations which often, for a wide range of reasons, are simply accepted by professional community.

When it comes to second-language teaching, practices used often appear to be a mishmash of the structures. An instructor may confuse himself by thinking that he’s orienting a second-language student toward an alleged memorized storage of meanings of *sea*. If the student is asked how he accounts for his successful performance,

a most likely answer will be: “Oh, it’s simple – the necessary linguaforms containing the necessary meanings were there and I retrieved them”. The student will feel happy while failing to notice that neither the linguaform *sea*₁ nor *sea*₂ might **carry physically** the components “period of time at sea” and “become a sailor”, respectively. If these facts were brought to his attention, the student would be at a loss. However, the key to the problem is simple but it lies elsewhere: the student, unwittingly, made reconstructions of the relevant sign situations. He used his imagination to construe the meanings of *sea*₁ and *sea*₂ by drawing on his intuition or cue-based creativity [Zlatev, 2003, p. 3.1].

In this situation, the changes such as the arrivals of the respective linguaforms in the niches of the environment create a potential for adaptation. While evaluating the available affordances serving as cues, the reader ascribes *sea*₁ or *sea*₂ as the ones best suited for the purpose. When, in either case, the choice is right, it ensures adaptation, i.e. proper understanding of the text at point.

Summing up, it is important to note that the above samples of analysis register one **fact** of polysemy after another. As far as the semantic structures are concerned, every meaning in a phrase is construed vis-a-vis a relevant segment of context and a particular co-text.

The occurrence of a cognitive structure in discourse is vividly demonstrated by “a wealth of shared sensory stimuli – variations of (voice) pitch contour, volume, lengthening, gesturally by posture and limb, facial display and so on... (It) first brings some portion of it to salience”. Then their “salience is exploited” in the frameworks of cognitive or sign situations [Jennings and Thompson, 2012, p.48]. When reading, the atmosphere and dynamics of such an event are more restrained but, importantly, in either case, a specific sign situation is enacted. Besides, it should be noted that, whatever the differences, all of them are embraced by a wider fundamental phenomenon – biology of semiosis. It transpires that, during communication, every actual meaning corresponds to a change brought about in a relevant actual state of the body [Zlatev, 2003], and vice versa. Hence, whatever one may think on this issue, every actual word **is** a unity of one form and one meaning **here and now**. Hence, the polysemy of word regarded as its inherent feature is just

a memorized **impression** produced by its functioning **on different occasions** in the past.

Finally, speaking of whether and how it is possible to integrate biocognitive approach with teaching, it is necessary to identify “units of analysis”. Sune Steffensen has demonstrated that mind and world only occur as conjoined aspects of actual complex situations. In contrast to traditional theoretical approaches which would consider language *per se* and then “immerse” it into communication to follow their “interaction”, Steffensen posits a need to investigate “the entire extended ecology” of language by examining “situations as the units within which human interpretations, emotions, and motivations hold sway” [Steffensen, 2011]. Relevant methodology could perhaps integrate text analysis with biosemiotic indoctrination on every line of text. Later, a theory of cue-based interactions might be worked out.

Clearly, such a project is a tall order that might require a lot of dedication on the part of performer-researchers enjoying outstanding abilities to act, communicate, observe, memorize and teach- all at the same time. Such an effort is definitely worth the goal, particularly, if enthusiasm, literally, “takes center stage” in our classroom activities.

References

- Aristotle. Posterior Analytics // J.Barnes (ed.) The Complete Works of Aristotle, Vol. 1 (Revised Oxford translation), NY. 1984.
- Hewson J. Article and Noun in English. The Hague-Paris, 1972.
- Jackendoff R.S. Semantics and cognition // The Handbook of Contemporary Semantic Theory/ S.Lappin (ed.). Oxford, 1997. P. 539–559.
- Jennings R., Thompson J. The biological centrality of talk // Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions / ed. by Alexander Kravchenko, Newcastle upon Tyne, 2012. P. 33–63.
- Kibrik A.Ye. Essays on General and Applied Problems of Linguistics (universal, typical and specific features of language). Moscow, 1992.
- Kravchenko A.V. What is a “cognitive structure” or a story about a popular illusion // Cognitive studies of language, vol. 9: Interactions of cognitive and language structures, Moscow – Tambov, 2011, pp. 96–104 (in Russian).
- Kravchenko A.V. Grammar as semiosis and cognitive dynamics // Cognitive Dynamics in Linguistic Interactions, ed. by Alexander Kravchenko, Newcastle upon Tyne, 2012. P. 125–153.

Maturana H.R. Biology of cognition // Biological Computer Laboratory Report BCL 9.0. Urbana, 1970. pp. 1-27. As reprinted in Autopoiesis and Cognition: The Realization of the Living. Dordrecht, 1980. P. 5–58.

Moskalenko A.V. Kontsept “PTITSA” v angliyskoi frazeologicheskoi kartine mira. Avtoref. dis. kand. filol. nauk. St. Petersburg, 2015, (in Russian)

Reeke G.N., Edelman G.M. Real brains and artificial intelligence // Daedalus Proceedings of the American Academy of Arts, Vol.117, 1988. P. 143–174.

Steffensen S.V. Beyond mind: An extended ecology of languaging. // S.J.Cowley (ed.), Distributed Language. Amsterdam, Philadelphia, 2011. P. 185–210.

Zlatev J. Meaning = life (+ culture): An outline of a unified biocultural theory of meaning. Evolution of Communication. 4(2). 2003. P. 1–37.

Shorter OED – Shorter Oxford English Dictionary

CoCa – Corpus of Contemporary American English [Электронный ресурс] URL: <http://corpus.byu.edu/coca/>

О СЕМАНТИЧЕСКИХ И КОГНИТИВНЫХ СТРУКТУРАХ

Архинов Игорь Константинович (Санкт-Петербург, Россия)

В статье исследуются функции и масштаб взаимодействий коммуниканта и системы языка, обеспечивающих актуализацию значений слов. Обосновываются различия между семантическими и когнитивными структурами языковой деятельности. Анализируется потенциал данного подхода в области теоретических изысканий с позиций теории биологии познания (У.Матурана) и преподавания английского языка как иностранного.

Ключевые слова: познание, механизм формирования значения, коммуникативное взаимодействие, реконструкция формирования значения, консенсуальность

УДК 811.11

В.А. Данилова (Москва, Россия)

Г.И. Данилова (Санкт-Петербург, Россия)

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ СО СТЕРЖНЕВЫМ КОМПОНЕНТОМ «BROT» В КАРТИНЕ МИРА НЕМЕЦКОГО ЭТНОСА

В статье с позиции лингвокультурологического подхода рассматривается корпус фразеологических единиц немецкого языка, имеющих в своём составе кулинарный компонент, выраженный лексемой *Brot*.

Ключевые слова: кулинарный компонент, лингвокультурологический анализ, фразеологический фонд, языковая картина мира, диахронический подход

Лингвокультурологические исследования начала XXI века характеризуются комплексным подходом к изучению национально-специфической языковой картины мира, они прослеживают непосредственные взаимосвязи языковых явлений с национальной материальной культурой и историческим путём развития народа. Анализ языкового материала, безусловно, должен сопровождаться привлечением релевантной экстралингвистической информации в её максимально возможном объёме. Лишь в этом случае подчас субъективные выводы исследователя могут быть подтверждены либо опровергнуты данными этнологии, археологии, истории и позволят полноценно реконструировать тот или иной фрагмент концептуальной картины мира этноса.

Язык, являясь по своей сути живым организмом, обладает наряду со своей гибкостью и изменчивостью величайшим потенциалом к фиксации и дальнейшей трансляции заблуждений, верований, метафорических образов, национально-культурных установок различных исторических эпох. Следует особо подчеркнуть важность использования в качестве источника материала для лингвокультурологического анализа словарей и иных лексикографических источников, составленных не только в новейшее время, но и запечатлевших состояние языка на более ранних этапах его становления и развития. Для анализа единиц фразеологического фонда (далее ФЕ) немецкого языка целесообразно привлечь тщательно составленные словари В. и Я. Гриммов, К.Ф.В. Вандера, широкодоступные благодаря переводу в

цифровой формат. Техническая доступность подобных источников делает возможным проведение лингво-культурологического анализа в диахроническом срезе, так как эти словари включают идиомы эпохи средневековья, зачастую снабжены пометами об их распространённости в той или иной местности Германии, авторским толкованием и эквивалентами из других языков, в том числе из русского и иных славянских языков.

Яркой образностью и подчас этнической спецификой обладают ФЕ, эксплицирующие особый «код» коммуникации, – кулинарный. Кулинарные пристрастия каждого народа сложились под влиянием уникального ареала его обитания, исторического пути, религиозной принадлежности, экономических факторов. Во фразеологизмах-кулинаризмах, стержневым компонентом которых являются в первую очередь названия традиционных продуктов питания, выражена этническая специфика. В качестве примера рассмотрим корпус ФЕ немецкого языка, стержневой лексемой которых является *Brot*. Благодаря своей величайшей значимости в человеческой жизни хлеб стал стержневым компонентом значительного количества ФЕ, так, словарь К.Ф.В. Вандера включает около 600 таких устойчивых словесных комплексов.

Вот уж несколько тысячелетий, как хлеб является важнейшим продуктом для большей части человечества. Старейшее германское слово для обозначения хлеба – *hlaiba (Laib)*, *англ.* loaf, в котором угадывается *Lord (нем. уст. Brotherr* в значении *Brotgeber* или *Arbeitgeber*). Словом *Brot* [mhd. bröt, ahd. pröt] называли основной продукт питания, для выпечки которого использовались мука, вода, соль и закваска либо дрожжи. К. Крюгер-Лоренцен называет этот продукт *Mehlbrei* и утверждает, что им прежде всего кормили батраков [Krüger-Lorenzen, 2001, s. 372–373].

Основным фондом базовых ассоциаций является, несомненно, христианская традиция. Хлеб – это самый упоминаемый в Библии продукт, (более 600 упоминаний), он заслуживает отдельного углубленного исследования, анализирующего метафорическую базу объективации этого сложного концепта в языке Священного Писания. Впервые хлеб упоминается в книге Бытия в связи с изгнанием Адама и Евы из рая: «Im Schweiß deines Angesichts sollst du dein Brot essen, bis du wieder zu Erde werdest, davon du genommen bist.» [Gen. 3:19, здесь и далее по Библии Лютера

издания 1984 г.] (*В поте лица твоего будешь есть хлеб, доколе не возвратишься в землю, из которой ты взят <...>* [Быт. 3:19, здесь и далее по Синодальному переводу]).

В Ветхом Завете хлеб как основной и необходимый продукт питания широко упоминается в Книгах Бытие и Исход при описании жизни еврейского народа в Египте, катастрофического голода и последующего Исхода евреев под предводительством Моисея, при этом возникает чёткая дихотомия концептов «ХЛЕБ – ЖИЗНЬ», «ГОЛОД – СМЕРТЬ» [Шитиков, 2012]. Голод и жажда в Ветхом Завете рассматриваются как наказание Божье, в то время как вся пища воспринимается как дар Божий. Манна, посланная Богом своему избранному народу в условиях крайней нужды в бесплодной пустыне и спасающая его от неминуемой смерти, описывается как хлеб с небес: «Und das Haus Israel nannte es Manna. Und es war wie weißer Koriandersamen und hatte einen Geschmack wie Semmel mit Honig» [Ех. 16:31] (*И нарек дом Израилев хлебу тому имя: манна; она была, как кориандровое семя, белая, вкусом же как лепешка с медом.* [Исх., 16: 31]). Далее хлеб (пресный и квасной) и его ингредиенты (сушеные и сырые зёрна, пшеничная мука) рассматривались в качестве жертвы (хлебного приношения), угодной Богу [Левит 2: 6–9, 14, 23 и далее, Книга Чисел 4–8, 15 и далее]. Наряду с этим сакральным значением хлеб прямо называется главной потребностью для жизни: «Das Erste zum Leben sind Wasser und Brot, Kleider und Haus – das braucht man am nötigsten» [Sir. 29:28] (*Главная потребность для жизни – вода и хлеб, и одежда и дом, прикрывающий наготу* [Сирах. 29: 24]).

В Новом Завете выстраивается ассоциативная связь «Христос – хлеб жизни». В Евангелии от Иоанна Христос, напоминая о сошедшей с небес манне, говорит о себе: «Ich bin das lebendige Brot, das vom Himmel gekommen ist. Wer von diesem Brot isst, der wird leben in Ewigkeit. Und dieses Brot ist mein Fleisch, das ich geben werde für das Leben der Welt» [Joh. 6:51] (*Я хлеб живой, сшедший с небес; ядущий хлеб сей будет жить вовек; хлеб же, который Я дам, есть Плоть Моя, которую Я отдам за жизнь мира* [Ин 6: 51]). Основная проповедь о Хлебе Небесном, содержащаяся в шестой главе Евангелия от Иоанна, выстроена на ветхозаветных аллюзиях и постепенно расширяет метафору

«Хлеб – жизнь» посредством значения «Христос – хлеб жизни», то есть жизнь вечная достигается лишь через следование Христу. В Евангелиях хлеб постоянно встречается при описании земной жизни Христа; это понятие усложняется за счёт своего богатого ассоциативного ряда, связей между Ветхим и Новым Заветом, за счёт метафоры.

Корпус немецких ФЕ с кулинаризмом *Brot* включает в себя некоторое количество идиом, прямо апеллирующих к библейским текстам.

Так, фразеологизмы *Brot bieten und Stein geben* (*предлагать хлеб и подавать камень*), *jmdm Steine statt Brot geben* (*подавать кому-либо камни вместо хлеба*) восходят к евангельскому тексту: «Wer ist unter euch Brot, einen Stein biete?» [Mt. 7:9] (*Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень?* [Мф. 7:9]).

Перефразированной евангельской цитатой является идиома *Der Mensch lebt nicht vom Brot allein* (*Не хлебом единым жив человек*): «Er demütigte dich und ließ dich hungern und speiste dich mit Manna, das du und deine Väter nie gekannt hatten, auf dass er dir kundtäte, dass der Mensch nicht lebt vom Brot allein, sondern von allem, was aus dem Mund des HERRN geht» [Dtn. 8:3] (*Он смирял тебя, томил тебя голодом и питал тебя манною, которой не знал ты и не знали отцы твои, дабы показать тебе, что не одним хлебом живет человек, но всяким [словом], исходящим из уст Господа, живет человек*) [Втор. 8:3]).

Устойчивое словосочетание *täglich(es) Brot* (*хлеб насущный*) выступает как собирательное понятие и распространяется на всё, что служит поддержанию физического существования человека и удовлетворению его духовных потребностей. Это словосочетание восходит к шестой главе Евангелия от Матфея, оно входит в текст молитвы «Отче наш». Данное словосочетание встречается, например, в составе швабской рифмованной идиомы *Das täglich Brot in der Ehe ist selten wohl und allweg wehe* (*Для мужа и жены хлеб насущный редко сладким бывает, но чаще горьким*), намекающей на трудности семейной жизни, ср. рус. *Жизнь прожить – не поле перейти*. Полностью молитвенное прошение о хлебе насущном встречается в составе ироничной старинной иди-

омы *Unser täglich Brot gib uns heute, sagte der Todtengräber zu Doktor* (Хлеб наш насущный даждь нам днесь, сказал могильщик доктору). Под хлебом насущным здесь подразумевается заработок могильщика, напрямую зависящий от врачебных ошибок.

Корпус ФЕ с кулинарным компонентом *Brot*, не апеллирующих к библейским текстам, представляется возможным рассмотреть с точки зрения нескольких противопоставлений. Следует отметить, что эти противопоставления не всегда категорично и последовательно выражены во фразеологическом фонде немецкого языка:

Свежий хлеб (*frisches Brot*) противопоставляется старому, чёрствому и заплесневелому хлебу (*trockenes, hartes, schimmeliges Brot*). Свежесть несёт в себе исключительно положительную коннотацию, как, например в силезской поговорке *Frisch Brot und frische Butter ist ein gut Futter* (Свежий хлеб и свежее масло – добрая пища). В то же время рачительный хозяин сначала употребит в пищу ранее испеченный хлеб, а уж потом свежий. К.Ф.В. Вандер в пояснении к поговорке *Frisches Brot und grünes Holz verwüsten ein Haus* (Свежий хлеб и сырые дрова разоряют дом) указывает, что свежее испеченный хлеб тяжел для желудка и дорог для кошеляка, а сырые дрова сильно дымят и также недешево стоят.

Чёрствый хлеб фигурирует в идиомах как символ скромной, непритязательной пищи, небольшого достатка, напр. см. *Besser hartes Brot als gar keins* (Чёрствый хлеб лучше, чем никакого). Чёрствый хлеб отнюдь не опасен для здоровья, а наоборот, полезен: *Trocken Brot macht Wangen rot* (Чёрствый хлеб щеки румянит).

Народная мудрость призывает довольствоваться скромным достатком на родине и не стремиться к большому богатству на чужой стороне. Так, пословицы *Besser trocken Brot daheim als draußen Semmel mit Honigseim* (Лучше чёрствый хлеб, да дома, чем булка с мёдом на чужбине) и *Trocken Brot daheim schmeckt wie Honigseim* (Чёрствый хлеб дома на вкус что мёд сотовый) противопоставляют заманчивую сладость белой булки и мёда непритязательной чёрствости простого хлеба. Однако, часть ФЕ лишена подобного патриотического оттенка и утверждает, что пропитание можно раздобыть везде, ср. например, *Es ist überall gut*

Brot essen (Хлеб есть везде хорошо), *Es wird überall/anderwärts gut Brot gebacken* (Хлеб повсюду хорошо пекут), ср. рус. Хлеб везде хорош, и у нас и за морем. Данные идиомы выражают справедливую веру человека в то, что устроить жизнь и заработать себе на пропитание можно и вдали от родных мест. К.Ф.В. Вандер приводит аналоги данных УСК на латинском, голландском и французском языках.

В отличие от чёрствого хлеба заплесневелый хлеб предстаёт в однозначно негативном свете. Плесень отнюдь не улучшает качество хлеба и приводит к плачевным последствиям для организма, см. например *Wer viel schimmelig Brot isst, wird alt* (Кто ест много заплесневелого хлеба – стареет). Своими вкусовыми качествами подобный хлеб не привлекает даже вездесущих грызунов: *Verschimmeltes Brot fressen auch hungrige Mäuse nicht* (Заплесневелый хлеб даже мыши с голоду есть не станут). Таким образом, хлеб, покрытый плесенью, символизирует нечто отталкивающее, непривлекательное.

Чёрный хлеб противопоставляется белому хлебу как более обыденный продукт, имеющий меньшую значимость. Напрямую эти два сорта хлеба противопоставляются, например, в идиоме *Weißes Brot ist besser als schwarzes* (Белый хлеб лучше чёрного), при этом чёрный хлеб символизирует небольшой недостаток, непритязательную жизнь. В свою очередь белый хлеб ассоциируется с материальными благами. Например, в ФЕ *Man isst sich oft an weißem Brot so satt, dass man Schwarzbrot essen wollte* (Зачастую так наешься белого хлеба, что чёрного захочется) чувство сытости от пшеничного хлеба метафорически обозначает пресыщение различными излишествами.

Некоторые ФЕ наделяют чёрный хлеб положительной коннотацией, см. например, *Schwarzes Brot macht so satt wie weißes* (Чёрный хлеб насыщает так же, как и белый), *Bei schwarzem Brot leidet man nicht Noth* (Тому, кто чёрный хлеб имеет, нужда не страшна).

Свой хлеб противопоставляется хлебу чужих людей, при этом чужой хлеб зачастую наделяется более привлекательными вкусовыми качествами. Так, в ФЕ *Fremder Leute Brot ist den Kindern Kuchen* (У чужих людей детям и хлеб пирогом кажется), *Eignes Brot schmeckt gut, und fremdes wie Semmel* (Свой хлеб вкусен,

а чужой – словно белая булочка) хлеб как обыденный продукт противопоставляется пирогу и пшеничной булке как символам чего-либо изысканного, праздничного, вызывающего зависть.

Чужой хлеб не только лучше на вкус (*Ander Leut Brot schmeckt allzeit besser, Хлеб других людей всегда вкуснее*), но и полезен для здоровья. Эта социально-культурная установка нашла отражение в таких старинных идиомах, как *Fremdes Brot macht Backen rot (Чужой хлеб щёки румянит)*, *Fremdes Brot und alter Wein sind gute Arzneien (Чужой хлеб да старое вино – добрые лекарства)*.

Следует отметить, что фразеологический фонд немецкого языка содержит некоторые идиомы с диаметрально противоположным значением, которые подчёркивают значимость собственного хлеба, напр. *Besser eigen Brot als fremder Braten (Лучше свой хлеб, чем чужое жаркое)*, *Eigen Brot nährt am besten (Свой хлеб кормит лучше всего)*.

Заработанный хлеб полезен и вкусен (*Verdientes Brot ist herrlich Brot/schmeckt süß/macht die Wangen rot, Заработанный хлеб – чудесный хлеб/сладок/румянит щёки*). Напротив, украденный или полученный в качестве милостыни хлеб не приносит пользы, ср. например, ФЕ *Gestohlenes Brot schimmelt noch im Magen/wird noch im Munde zu Kieselsteinen (Украденный хлеб плесневеет еще в желудке/еще во рту превращается в камешки)*. Хотя он и привлекателен тем, что добывается без труда, однако ничего хорошего не сулит, о чём напоминает средневековая поговорка из словаря К.Ф.В. Вандера *Süß ist zuerst gestolen brot, darnach ist es der bitter todт (Украденный хлеб сладок лишь поначалу, да после горькой смертью оборачивается)*.

Представляют значительный интерес идиомы, зафиксировавшие связанные с хлебом старинные обычаи и традиции, как, например, ФЕ *j-m den Brotkorb höher hängen (букв. повысить подвесить для кого-л. корзинку с хлебом, разг. держать кого-л. впроголодь, морить кого-л. голодом, сократить чьё-л. содержание/доход)*. Об обычае, связанном с воспитательными функциями корзины для хлеба, повествует Рюдигер фон Гюнхгофен (Rüdiger v. Hünchhofen) в 1293 году: раньше в крестьянских семьях клали свежее испечённый хлеб не в кухонный шкаф, а в специальную корзину для хлеба, которую подвешивали к потолку. Каждый член семьи, проголодавшись, мог сам достать хлеба из корзи-

ны и утолить голод. Для наказания непослушных детей корзину подвешивали выше обычного, так что им невольно приходилось ограничивать себя в пище. [здесь и далее Krüger-Logenzen, 2001, с. 374].

Р. фон Гюнхгофен поощрял данный метод воспитания и в то же время порицал поведение «любящих» родителей, которые ещё при жизни раздавали своё добро благодарным детям, а сами владели жалкое существование в одиночестве. Р. фон Гюнхгофен рассказывает притчу об одном отце, который спохватывается и притворяется, будто бы у него остался сундук с богатым наследством. Дети лицемерно ухаживают за отцом до самой его смерти, а затем открывают сундук и ничего, кроме дубины и отцовской записки следующего содержания в нём не находят: *Wer seinen Kindern gibt das Brot und leidet nachmals selber Not, den schlag' man mit der Keule tot! (Кто отдаёт своим детям хлеб, а после этого сам терпит нужду, того следует убить этой дубиной!)*. Данное изречение можно сегодня прочесть на красивейших средневековых воротах города Ютербога (Jüterbog), рядом же с надписью висит увесистая дубина.

Таким образом, в многочисленных ФЕ с кулинарным компонентом *Brot* отражено место этого базового продукта питания в картине мира немецкого народа с древности до наших дней. Идиомы объективируют представления о ценности этого продукта, его свойствах и вкусовых качествах. Прослеживается влияние христианской культуры как в определении шкалы ценностей, так и непосредственно путём заимствования цитат из Священного Писания. Привлечение сведений о социально-культурных установках, религиозных представлениях народа и соотнесение их с лингвистической формой выражения позволяет описать малоизученный сегмент гастрономического кода национальной культуры.

Список литературы

Шитиков П.М. Метафора «ХЛЕБ – ЭТО ЖИЗНЬ» в Евангелии от Иоанна // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Вып. 2 (4). Екатеринбург, 2012. С. 159–171.

Borchardt W., Wustmann G., Schoppe G. Die sprichwörtlichen Redensarten im deutschen Volksmund. Leipzig, 1955.

Krüger-Lorenzen K. Deutsche Redensarten und was dahintersteckt. München, 2001. Deutsches Wörterbuch von Jacob Grimm und Wilhelm Grimm. – 16 Bde. – Leipzig, 1854–1961 [Электронный ресурс] URL: <http://urts55.uni-trier.de:8080/Projekte/DWB> (дата обращения: 05.02.2015).

Deutsches Sprichwörter-Lexicon von Karl Friedrich Wilhelm Wander. – 4 Bde. Leipzig, 1867–1881 [Электронный ресурс] URL: <http://woerterbuchnetz.de/Wander/> (дата обращения: 05.02.2015).

Danilova Victoria Anatolievna (Moscow, Russia)
Danilova Galina Ivanovna (Saint-Petersburg, Russia)

THE IDIOMS WITH A CULINARY COMPONENT «BROT» IN THE GERMAN PICTURE OF THE WORLD

The article discusses German idioms containing lexem *Brot*. The idioms with a culinary component reveal the unique gastronomic code of the German culture from ancient times to the present day. As a subject of the lingua-culturological analysis, they make a reconstruction of the German picture of the world possible.

Keywords: *culinary component, lingua-culturological analysis, idioms, picture of the world, diachrony*

УДК 811.111'373

С. М. Еникеева (Запорожье, Украина)

КОНВЕРСИЯ КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ТРАНСОРИЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ (на материале неологизмов современного английского языка)

Статья посвящена конверсии лексем как проявлению функциональной трансориентации языковых единиц. Конверсия рассматривается как процесс и результат вербокративной деривации, связанной с морфологическими, синтаксическими и семантическими преобразованиями формально неизменного исходного слова. Выявлены и описаны некоторые особенности конверсии языковых единиц в современном английском языке.

Ключевые слова: *конверсия, функциональная транспозиция, функциональная трансориентация, вербокративная деривация*

Место и статус лингвального знака в составе системы языка определяется его структурными (синтагматическими и парадигматическими) функциями, которые, в свою очередь, основываются на его традиционной речевой дистрибуции. Каждая конститутивная единица языка имеет свою, детерминированную системными отношениями, функциональную ориентацию, под которой принято понимать ее «использование в высказывании в прототипичной функции, узуально закрепленной и отраженной в большом количестве разнообразных контекстов» [Левицкий, 1999а, с. 10 – *тут и далее перевод наш – Е.С.*].

Коммуникативная направленность функционирования всей языковой системы обуславливает «поведение» конституентов и действие механизмов, которые сосредотачиваются на выполнении «сверхзадачи» – формировании высказывания (текста), адекватно отражающего мысли и интенции коммуникантов. При этом элементы разных структурных уровней языка участвуют в обеспечении функционирования высказывания, то есть выполняют типичные, системно детерминированные, узуально закрепленные функции.

Однако, в процессе функционирования языковой знак может «отклониться от нормы», т. е. изменить свою традиционную функциональную ориентацию. Причины такого рода отклонений следует искать в области когнитивистики, прагматики, онома-

ологии. Так, по мнению лингвистов, в сфере номинации «функциональная переориентация» является весьма эффективным средством «поиска тела для обозначения определенного концепта» [Левицкий, 1999б, с. 69].

Функциональная трансориентация (именно таким, гомогенным по своей этимологии, термином мы предлагаем называть это явление) представляет собой специфический деривационный процесс, связанный с изменением традиционных функциональных характеристик языкового знака на непрототипичные, узואльно незакрепленные. Наиболее полное, обобщающее и системное изучение этого явления осуществил А.Э. Левицкий [Левицкий, 1998; Левицкий, 1999 (в); Левицкий, 2001].

Целью нашего исследования является установление корреляции механизмов конверсии и функциональной трансориентации и выявление роли этих механизмов в формировании новых номинативных единиц в современном английском языке. Для достижения поставленной цели мы должны установить релевантность теории функциональной транспозиции Ш. Балли для изучения явления функциональной трансориентации лингвальных единиц, исследовать особенности конверсии как механизма функциональной транспозиции и как способа вербокреации, определить специфические параметры конверсии как разновидности функциональной трансориентации.

Использование лексических единиц в нетипичных, но контекстуально мотивированных функциях, сопровождающееся изменением лексико-грамматической категориальности исходных единиц, можно наблюдать в разных по типологии языках. Одной из первых попыток изучения механизмов обмена функциями между единицами языка было учение Ш. Балли о функциональной транспозиции элементов языка [Балли, 1955]. Однако изучение явления функциональной трансориентации лингвальных единиц, которое, как будет показано дальше, имеет трансуровневый характер, ограничивалось у Ш. Балли рассмотрением модификаций системных параметров единиц лексического уровня языка. Это можно объяснить тем, что базовым языком для исследования служил преимущественно синтетический по своей типологии французский язык, в котором функциональная трансориентация именно лексических единиц имеет прозрачные механизмы и является наиболее частотной.

Однако изменение системно закреплённых функций происходит не только с единицами одного уровня, но и приводит к межуровневой функциональной переориентации языковых единиц. Так, в аналитических по своей морфологии языках (например, в английском), это явление приобрело регулярный, системный характер и, по нашему мнению, может рассматриваться как один из важных факторов саморазвития и самосовершенствования языковой системы в целом.

Как свидетельствуют языковые факты, функциональная трансориентация в современном английском языке приобретает трансуровневый характер, поскольку этот процесс охватывает не только случаи перехода единиц одного функционального класса в другой, но и с одного языкового уровня на другой. Так, например, в результате функциональной трансориентации синтаксических единиц (словосочетаний и предложений) образовалось немало лексических единиц, которые называют сложными словами синтаксического типа: *body-builder-turned-governor* (n), *get-rich-quick* (adj.), *pay-as-you-go* (adj.), *pop-singer-turned-first-lady* (n), *ready-to-wear* (adj.), *state-of-the-art* (adj.), *state-of-the-tech* (adj.). Действием механизмов функциональной трансориентации можно объяснить и формирование на базе лексических единиц новых словообразовательных элементов *-abuse*, *-free*, *-friendly*, *-near*, *-once*, *-person*, *-something*, *-speak*, *-watch*. Встречаются также случаи (хотя и немногочисленные) лексикализации морфем, например: *burger*, *ex*, *ism*, *zine*. Как свидетельствуют приведенные примеры, зона действия функциональной трансориентации может охватывать несколько уровней языковой системы.

Примером функциональной трансориентации единиц одного уровня может служить конверсия лексических единиц, например: *bait-car* (adj.) → *bail-car* (n), *blog* (n) → *to blog* (v), *metrosexual* (adj.) → *metrosexual* (n). Изучение феномена функциональной трансориентации языковых единиц началось именно с исследования явлений конверсии и в дальнейшем побудило лингвистов к углубленному «трансуровневому» исследованию механизмов изменения функциональной маркированности единиц языковой системы.

Как мы уже отмечали, истоками теории функциональной трансориентации лингвальных единиц можно считать учение Ш. Балли о функциональной транспозиции элементов языка

[Балли, 1955, с. 136], которое было одной из первых попыток изучения структуры языка неотрывно от его функционирования. Сущность теории транспозиции заключается в раскрытии механизма функциональной модификации единиц языка. Было установлено, что подобно тому, как корневые морфемы входят в состав различных морфологических структур или частей речи, так и слова образуют разные синтаксические сочетания, из которых одни являются для них определяющими и типичными, другие – менее привычными, но допустимыми – такая система отношений и составляет сущность функциональной транспозиции [Балли, 1955, с. 131]. Функциональную транспозицию, по мнению Ш. Балли, можно представить как процесс, осуществляемый на базе трех элементов: транспоненда (исходной формы), транспозитора (средства транспозиции) и транспозита (результата). Такие транспозиционные шаги по существу напоминают этапы деривационного акта, а вот природу и, соответственно, вид деривации нам еще предстоит определить.

Как уже отмечалось, исследование явления функциональной транспозиции основывалось, главным образом, на анализе языковых фактов на лексическом уровне, хотя и отмечалось, что охватывает она всю языковую систему через привлечение единиц всех уровней в процедуру транспозиции. Ш. Балли описывал функциональную транспозицию как транспонирование корневой морфемы с помощью словообразовательных средств в ту или иную часть речи, в результате которого слово могло выполнять либо функции, присущие его собственному лексико-грамматическому классу, либо же через реализацию в непривычном контексте, функции, характерные для других частей речи [Балли, 1955, с. 130–132]. Таким образом, сущность функциональной транспозиции фактически была сведена к конверсии лексических единиц – одной из разновидностей феномена функциональной трансориентации языковых единиц.

Традиционно конверсию отождествляют с «транспозицией между частями речи, когда слово из одной части речи транспортируется в другую часть речи» [Вацеба, 2004, с. 20]. Но конверсия является, по нашему мнению, значительно более сложным процессом, чем механическая «транспортировка» лексических единиц из одного лексико-грамматического класса в другой. В случае

с конверсией следует говорить о функциональной трансориентации лексических единиц, поскольку изменение частеречных (синтаксических и морфологических) признаков транспонендов (исходных форм) является лишь одним из следствий модификации функционально-прагматической «ориентации» исходного слова. Функциональная трансориентация предусматривает полное обновление функциональной парадигмы исходной единицы, модификацию ее семантики, изменение дистрибуции.

Сложностью явления конверсии можно объяснить и различные трактовки ее природы. Поскольку конверсия проявляется через частеречную транспозицию, длительное время ее считали грамматическим явлением. Ввиду того, что и транспонендами (исходными формами), и транспозитами (результатами) конверсионных актов являются единицы лексического уровня, предпринимались попытки определения функциональной транспозиции как лексического явления. Деривационная природа конверсии, то есть направленность на порождение в определенном смысле «новой» лексемы, способствовала установлению мнения о вербокреативной сущности этого явления.

Мы считаем, что конверсия является одним из способов вербокреативной деривации (словообразования в широком смысле этого слова), сущность которой может быть сведена к «семообразованию» – формированию нового значения языкового знака при сохранении его экспонента. Функциональная трансориентация, таким образом, выступает механизмом конверсии лингвального знака.

Современные лингвисты признают конверсию специфическим способом словообразования, который характеризуется: а) полным сохранением экспонента исходного знака («внешней формы слова» [Мешков, 1976, с. 120]) и отсутствием линейных словообразовательных средств; б) обязательным изменением синтаксической функции исходной лексической единицы; в) обновлением парадигмы производной лексической единицы относительно производящей; г) модификацией семантики исходной лексемы [Бортничук, 1988, с. 92; Верба 2003, с. 36, Мешков, 1976, с. 120; Мостовой, 1993, с. 54; Квеселевич, Сасина, 2001, с. 40; Худолей, 2003, с. 194].

Определяя сущность этого способа словообразования, ученые в первую очередь сосредотачиваются на тех признаках, которые,

так сказать, лежат на поверхности – формальную тождественность исходной и производной единиц (хотя бы их начальных форм), синтаксическую и морфологическую (в случаях возможности ее выражения) модификацию и, на наш взгляд, уделяют недостаточно внимания семантическим процессам, происходящим при конверсии лексических единиц.

Мы разделяем точку зрения тех ученых, кто считает, что «семантические факторы являются решающими при определении потенциальных возможностей действия конверсии» [Карацук, 1977, с. 30]. В большинстве случаев формирование новой лексической единицы способом конверсии основывается не на модификации всего объема значений слова, а только на одном из семантических вариантов лексемы, именно поэтому есть смысл говорить о «сужении» объема значений при конверсии.

Так, например, транспозит *green* (n) – «борец за охрану природы» отражает лишь одно из значений транспоненда *green* (adj). Одной исходной форме может соответствовать несколько производных, например, *to green* (v) – «зеленеть» – транспозит, созданный на базе первичной семантики того же транспондента и *to green* (v) – «становиться сторонником движения за охрану природы» – транспозит, сформировавшийся в результате транспозиции одного из вторичных лексико-семантических вариантов транспондента.

Однако иногда модификация семантики при конверсии происходит не по стандартным, детерминированным законам, а путём сложных, в основном «индивидуальных», семантических трансформаций. Так, глагол *to black hole* «заставить исчезнуть; не давать возможности общаться, препятствовать коммуникации», в сфере компьютерных технологий приобрёл значение «препятствовать поступлению информации на определённый интернетовский адрес или конкретному адресату»: *Being «black holed» is a growing problem for ISPs unfortunate enough to host aggressive spammers, Geller said. In such cases, ISPs block all e-mail bearing the ISP name after the @ sign shared by a notorious spammer, blocking the legitimate e-mails from that ISP.* [Washington Internet Daily, Oct. 12, 2001].

В основе создания вышеупомянутого глагола лежит сложный семантический процесс метафоризации и специализации значения. Напомним, что существительное *a black hole* – «черная

дыра» в астрономии обозначает участок Вселенной, поглощающий, «растворяющий» материальные космические объекты, после чего они якобы переходят в небытие. В процессе конверсии состоялась не только метафоризация значения исходной лексемы, но и его сужение, конкретизация. Таким образом, исходное слово не только перешло в другой лексико-грамматический класс, но и приобрело новое, «модифицированное» значение.

Итак, конверсию нужно рассматривать как способ вербальной деривации, предусматривающий создание нового морфолого-синтаксико-семантического варианта исходной лексемы без изменений экспонента словесного знака. К вышеуказанным признакам, определяющим сущность конверсии, следует добавить модификацию функционально-прагматической роли лексической единицы в системе языка, которая выражается в качестве новой дистрибуции языковой единицы.

Как уже отмечалось, особенностью конверсии как способа вербальной деривации является то, что и генеративной базой для формирования производной лексемы, и своеобразным ее «потребителем» выступает лексический уровень языка. Словообразовательный акт осуществляется через применение механизмов морфолого-синтаксической и семантической модификации. Учитывая отсутствие морфологических показателей частей речи в английском языке производная лексическая единица, которая образуется в результате конверсии, декларирует свой новый статус путём изменения узально закреплённых парадигматических и синтагматических связей на новые, нетипичные, системно незакреплённые. Другими словами, конверсия связана с изменением функциональных характеристик слова при полном сохранении его плана выражения, в чем, кстати, и заключается сущность функциональной трансориентации лингвальных единиц.

Конверсионные процессы, происходящие в современном английском языке, имеют ряд особенностей. Доминирующим видом конверсии остается, как и в предыдущие годы, вербализация существительных (по модели $N \rightarrow V$): *blog – to blog, mall-test – to mall-test, spin-doctor – to spin-doctor, timeshare – to timeshare, videoconference – to videoconference*. В этой связи лингвисты отмечают, что каждый пятый глагол современного английского языка когда-то был существительным [MacNeil 2005, p. 3].

Исходной базой для конверсии в современном английском языке служат не только простые слова, но и композиты (*to benchmark, to bottleneck, to back-burner, to cashflow, to fast-track, to front-page, to homeschool, to text-message*), словосочетания (*to fast track, to flip flop, to mountain bike, to own goal, to road kill*), сложносокращенные слова (*to e-mail, to eurospeak*), аббревиатуры и акронимы (*to VCR, to yuppie*), например: *Then there was the jackrabbit. We found it beside a dirt road. It was dead, probably road-killed.* (Discover, July 9, 2003). *A lot of ports up and down the New England coast have been touristed and condo-ized and yuppied up.* (B. DuBois. Killer Waves, 2002, P.172.).

По свидетельству лексикографических источников и результатам наших собственных исследований, в современном английском языке конверсии в основном подвергаются неологизмы, лишь недавно пополнившие словарный состав языка, например: *Botox – to Botox, eurospeak – to eurospeak, mall – to mall, a mall-walk – to mall-walk, yuppie – to yuppie*. Ученые также отмечают, что в последние годы наметилась тенденция к уменьшению количества новых конвертированных единиц вследствие активизации других способов вербокреации (словосложения, аффиксации, телескопии) [Зацный, 2000, с. 11; Зацный, 2001, с. 31].

Таким образом, конверсия является словообразовательным способом обогащения словарного состава современного английского языка, с помощью которого происходит фиксация результатов действия внутриуровневой функциональной трансориентации лексических единиц. Особенностью конверсии как разновидности функциональной трансориентации является полная смена парадигмы исходной лексемы при сохранении её плана выражения, которая сопровождается мотивированной модификацией семантики исходного слова.

Список литературы

- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Бортничук Е.Н., Василенко И.В., Пастушенко Л.П. Словообразование в современном английском языке. Киев, 1988.
- Вацеба Р.В. Функціональна транспозиція (конверсія) як перехід відної частини мови у твірну частину мовлення і її можливі співвід-

ношення // Вісник Запорізького державного університету. Філологічні науки. Запоріжжя, 2004. № 4. С. 18–23.

Верба Л. Г. Порівняльна лексикологія англійської та української мов. Вінниця, 2003.

Зацный Ю. А., Бутов В. Н. Новая общественно-политическая лексика и фразеология английского языка. Запорожье, 2000.

Зацный Ю.А., Пахомова Т.О. Мова і суспільство: збагачення словникового складу сучасної англійської мови. Запоріжжя, 2001.

Каращук П. М. Словообразование английского языка. М., 1977.

Квеселевич Д. І., Сасіна В. П. Практикум з лексикології сучасної англійської мови. Вінниця, 2001.

Левицький А.Е. Функціональні зміни в системі номінативних одиниць сучасної англійської мови: автореф. дис... канд філол. наук: 10.02.04. Київ, 1999 (а).

Левицький А.Э. Функциональные подходы классификации единиц современного английского языка. Киев, 1998.

Левицький А.Э. Явление функциональной переориентации языковых единиц (на примере новых слов и значений современного английского языка) // Вісник Київського лінгвістичного університету. 1999(б). № 1. Том 2. С. 48–53.

Левицький А.Э. Функциональные изменения в системе номинативных единиц современного английского языка: Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Киев, 1999 (в).

Левицький А.Э. Функциональная переориентация номинативных единиц современного английского языка. Житомир, 2001.

Мешков О.Д. Словообразование современного английского языка. М., 1976.

Мостовий М.І. Лексикологія англійської мови. Харків, 1993.

Худолій А.О. Динаміка функціональних змін у мові американської публіцистики кінця ХХ – початку ХХІ століття: Дис... канд. філол. наук: 10.02.04. Київ, 2003.

MacNeil R., Cran W. Do You Speak American? – New York: Nan A. Talese / Doubleday, 2005.

Yenikeyeva Saniya Maratovna (Zaporozhye, Ukraine)

**CONVERSION AS A KIND OF LEXICAL UNITS'
FUNCTIONAL TRANSORIENTATION**
(based on the analysis of modern English neologisms)

The article deals with the problem of conversion of lexical units which is regarded here as aspect functional transorientation of lingual units. Conversion is regarded as process and result of verbocreative derivation which is based on morphological, syntactical and semantic modifications of a formally invariable word. Some peculiarities of conversion in Modern English are revealed.

Keywords: conversion, functional transposition, functional transorientation, verbocreative derivation

УДК 81'22:81-112:811.1/2

Т.О. Козлова (Запорожье, Украина)

**КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ АЛЬТЕРНАЦИИ ГЛАСНЫХ
КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ КВАНТИТАТИВНОГО
ПРИНЦИПА ИКОНИЗМА**

В статье анализируется количественный аблаут в индоевропейском языке. Изучаются иконические свойства основ с долгим и кратким корневым гласным, устанавливается их роль в реализации количественного принципа иконизма.

Ключевые слова: иконичность, количественный принцип, количественный аблаут, продленный и укороченный гласный, индоевропейский язык.

Исследование иконичности (свойства языкового знака, проявляющееся в наличии между означающим и означаемым изобразительного или структурного подобия) является одной из актуальных проблем лингвистики. В работах, ориентированных на анализ типологических особенностей языка, накоплен богатый материал, подтверждающий импликацию отношений между внешней формой и содержанием языковых единиц.

Анализ языков, функционирующих в различных географических ареалах, предоставляет данные о том, что средства вербализации содержательного параметра разнообразны, а стратегии ограничены. Ограничения на форму имеют когнитивные основания и объясняются стремлением говорящих к оптимизации процессов обработки информации о мире за счет изоморфизма кода и кодируемого им опыта, получаемого в ходе познания мира (Т. Гивон).

Понимание того, что именно когнитивная интерпретация явлений действительности обуславливает формально-содержательные корреляции в языке, позволило сформулировать когнитивные принципы структурного (диаграмматического) иконизма (basic principles of iconicity): принцип сукцессивного порядка (the principle of sequential order), принцип когнитивной дистанции (the proximity principle), принцип количества (the quantity principle) [Haiman, 1983; Langendonck, 1995; Radden, Dirven 2007, с. 53]. Реализация указанных принципов осуществляется на основе когнитивной операции между двумя структурами –

взаимном или одностороннем переносе знаний с одной структуры на другую. Таким образом концептуальные структуры имитируются языковыми.

Принцип количества заключается в том, что больший объем, значимость или непредсказуемость информации нуждаются в расширении кодирующей формы. Классическим примером реализации квантитативного принципа является использование редупликации. Следует также отметить продуктивность продления гласного для передачи идеи множественности объектов (язык маори, арабский язык), удаленности от говорящего (северокавказские языки), продолжительности (киси), повторяемости и дистрибутивности действия (арабский язык), интенсивности проявления признака, например, яркого цвета, большого размера, продолговатой формы, скорости передвижения (киси, йидинь, арабский и ротуманский языки, сарамакканский креол), совместности действий (например, ‘смотреть во время ходьбы’ в языке йидинь). Иконический потенциал продления гласных в индоевропейских языках остается неизученным.

Целью настоящей статьи является анализ иконических количественных альтернатив гласных в корнях индоевропейского праязыка и их продолжений в дочерних системах.

Количественный аблаут охватывает ≈15% от общего числа реконструкций, что объясняется его постепенным разрушением в индоевропейском праязыке. Количественные чередования гласных в корнях/основах индоевропейского праязыка были обусловлены различными факторами (позиционными особенностями корневых гласных, тоновыми характеристиками раннего индоевропейского праязыка и его влиянием на подвижность ударения, фонетическими процессами и т. д.). Несмотря на то, что вокалические альтернативы имели преимущественно компенсаторный характер, во многих случаях они были мотивированными, поскольку увеличение долгот имело место в основах, обозначающих продолжительность, повторяемость, крайнюю степень проявления признака пр.: ие. **del-5* “длинный” > ие. **delēgh-/dlghy-* > санскр. *dīrghb* «просторный; длинный; продолжительный; (лингв.) долгий гласный».

Анализ материала показал, что формальный признак ‘V_{долгий}’ может проявляться на более поздних этапах развития корня. При

этом значения рефлексов специализированы и являются семантическими продолжениями этимонов с корневым гласным полной ступени: ие. **trep-2* “поворачивать; наклонять голову, стыдиться” > [{V}+{‘- итеративность’}] – др. гр. *τρέπω* “поворачивать; направлять” (т. *ἀντίον τινος πρόσωπον* “поворачиваться лицом к ...” vs [{V} + {‘+ итеративность’}] – *τρέπῳ* “поворачиваться; возвращаться; уходить” (*παῖν τρέπασθαι* “возвращаться” т.е. ‘появляясь вновь’). Очевидно, первичные единицы являлись обозначениями действий, которые в зависимости от ситуации интерпретировались либо как одноразовый акт, либо как последовательность актов. Корреляция формального признака ‘V_{долгий}’ и семантических признаков ‘итеративность; интенсивность’ устанавливается в результате расщепления первичной синкретемы ‘краткость + кратность действия’, а продление гласного можно рассматривать как иконическую репрезентацию идеи ‘увеличение продолжительности/ интенсивности действия’.

Наиболее продуктивными количественные чередования были в основах, которые соотносились с такими семантическими классами (см. [Левицкий 2008, с. 29–35]): ‘Разрушать’, ‘Движение’ (≈ 26% – **dek-2/*dēk-* “рвать”); ‘Соединять, Связывать’, ‘Звук’, ‘Растить’, ‘Широкий’ (≈ 24% – **lek-2/*lēk-* “сустав, место соединения; виться”; **rei-3/*rē(i)-* “кричать; мычать, реветь”, **pel-/*plā-* “широкий и плоский”); ‘Воспринимать, Ощущать’, ‘Покой’ (≈ 11% – **keu-1/*kēu-* “наблюдать, воспринимать” **gol-1/*gōl-* “лежать”); ‘Цвет’, ‘Гореть’, ‘Усилие, Работа’ (≈ 10% – **magh-/*māgh-* “быть способным; помогать; сила”; ‘Желать’, ‘Красивый’ (≈ 4,5% – **su-/*sū-* “красивый, хороший”) пр. Таким образом, продлением гласных имитировалась идея количественного увеличения (распространения сущности в пространстве и времени): ие. **nas-* “нос” > санскр. *nasā* “нос; ноздря”, но ие. **nās* > санскр. *nāsā* “нос; хобот (длинный нос)”; ие. **kel-2* “далекий” > санскр. *caramb* “последний, конечный; следующий за...”, но ие. **kēl-* > др. гр. *τέλειος* “законченный; абсолютный, идеальный; всемогущий”.

Количественные альтернативы часто комбинировались с качественными, что обеспечивало кодирование целых комплексов признаков. Например, ие. **ned-1* “сворачивать, соединять, связывать” > лат. *nectō, nex(u)ī, nexum, -ere* “соединять, связывать”

vs ие. **nōdos* > лат. *nōdus*, *ī* “узел, петля, пояс” (то есть ‘нечто тугое’, ‘связывать туго’).

Продленная ступень вокализма в индоевропейском праязыке выражала также значение негативной оценки. Например, ие. **nek-* “смерть” > полная ступень вокализма + ‘нейтральная оценка’ (санскр. *naṣṭi* “разрушение, утрата”, дгр. *vékus* “мертвый; мертвое тело”) vs продленная ступень вокализма + ‘отрицательная оценка’ (санскр. *nāṣṭrā* “опасность, угроза; смерть; полное уничтожение; злой демон”, дгр. *vōkar* “оцепенение; лень; тупость, глупость; очень ленивый; очень глупый”) vs нулевая ступень вокализма + ‘положительная оценка’ (ие. **ṅkū-* > дирл. *ÿc / ÿagad* “смерть; природная смерть; спокойная, тихая смерть (как противопоставление насильственной смерти)”). Следует отметить, что в отличие от редупликации, которая актуализуется как пространственное расширение формы, удлинение гласного реализуется как увеличение во времени. Поэтому продлением гласного кодируется субъективное ощущение времени, которое часто не совпадает с реальным течением времени. То, что длится больше нормы, оценивается негативно. Этим объясняется корреляция признаков ‘V_{долгий}’ + ‘негативный’ и ‘V/V_{короткий}’ ‘нейтральный/позитивный’.

Формально-семантическая корреляция [{V} + {‘увеличение’}] может быть экстраполирована на составляющие коммуникативной ситуации. Так, ие. **segh-* “держат; владеть; побеждать” / **segh-* “держат/ся” продолжается в санскрите. От формы этимона с полной ступенью чередования были образованы формы презентя (санскр. *sbatē* “побеждает”) и аориста (*sakṣat* “удержался”) активного залога. Отметим, что презент в санскрите описывает действие, которое повторяется в настоящем, происходит в ближайшем будущем или соотносится с историческим прошлым, то есть действие известное говорящему. Аорист употребляется для обозначения действия в недалеком прошлом, результирующего в настоящем, то есть действия или события, о котором говорящему известно из его личного опыта. За счет этой группы рефлексов раскрывается репрезентативный план ситуации.

Вариант корня с долгим гласным продолжается в санскрите формами перфекта активного (санскр. *sāsāha* “выдержал, победил”) и среднего (санскр. *sāsāhé* “удержался”) залога, а также

формой 2 лица, императива (санскр. *sākṣva* “держись, побеждай”). Перфект обозначал действие в далеком прошлом, свидетелем которого говорящий не мог быть. Форма 2 лица в императиве часто использовалась с целью выражения страстного желания, приказа, мольбы, благословения. Императив описывает не репрезентативный, а апеллятивный план ситуации. У говорящего нет опыта ситуации, о которой идет речь, его целью является обращение к реципиенту – собеседнику или высшей силе. Поэтому коммуниканты удалены друг от друга и от действия/события, о котором сообщается. Очевидно, в этих формах ситуация удалена от реальности, и говорящий может выразить лишь эпистемическую гипотезу относительно событий, опыт которых у него отсутствует. Таким образом, продлением гласного иконично выражена прагматическая дистанционность ситуации: в форме перфекта – в прошлое, а в форме императива – в ирреалис, поскольку действие только стимулируется.

Отметим, что маркирование апеллятивного плана ситуации при помощи увеличения долгот было актуальным на стадии индоевропейского праязыка и оказалось исторически устойчивым. Долгий гласный часто инкорпорирован в структуру вокатива как этимонов, так и их рефлексов (ие. **ē2*, **ō* “междометие (зват.)” > динд. *ā* “эмфатическая частица”; дгр. *ǣ* “Эй!”).

Реализация квантитативного принципа ‘иконического увеличения’ дополнена обратным принципом ‘иконического уменьшения’. Уменьшение долготы гласных было непродуктивным в индоевропейском праязыке. Однако можно констатировать случаи имитативного использования краткости для выражения идеи ограниченности в пространстве и времени (ие. **siū-* “шить, связывать” > ие. **sū-dhlā* > санскр. *sūtra* “нитка, волокно; линия; (ритор.) апоф(т)егма” vs ие. **siu-* > ‘очень тонкий’ > дгр. *úrḥv* “пленка; шкурочка”).

Таким образом, иконичность количественных альтернатив гласных в индоевропейском праязыке не вызывает сомнений. Мотивированность свойственна не только корням с долгой или краткой ступенью чередований, но и другим вариациям корня. Базы деривации и их производные вовлекаются в отношения внутриязыковой мотивированности, а вербальная дифференциация долготы, кратности и краткости пр. актуализуется в сосущее

ствовании различных форм. Прагматические значения единиц с количественным чередованием формируются под влиянием субъективного ощущения течения времени, которое тесно связано с эмоциональным состоянием, настроением, зависит от обстановки и внутренних импульсов говорящих. В плане оценочности и модальности увеличение/уменьшение долготы гласных выступает средством иконического кодирования дистанцирования/аппроксимации описываемого действия или события по отношению к реальности. В этих случаях имитируемые формой значения становятся более абстрактными, а прозрачность иконичности значительно снижается.

Список литературы

Левицкий В.В. Семантические и фонетические связи в лексике индоевропейского праязыка. Опыт количественного анализа этимологического словаря. Черновцы, 2008.

Haiman J. Iconic and economic motivation // *Language*. Washington, 1983. Vol. 59. P. 781-819.

Langendonck W. Categories of word order iconicity // *Syntactic Iconicity and Linguistic Freezes: The Human Dimension*. Berlin, 1995. P. 79–90.

Radden G., Dirven R. *Cognitive English Grammar*. Amsterdam, 2007.

Kozlova Tatyana Olegovna (Zaporozhye, Ukraine)

VOCALIC ALTERNATIONS AND THE QUANTITY PRINCIPLE OF ICONISM

The article deals with vocalic alternations in Proto-Indo-European roots. It is hypothesized that vowel lengthening and shortening were motivated and agreed with the quantity principle of iconicity.

Keywords: iconicity, quantity principle, ablaut, lengthening and shortening of vowels, Proto-Indo-European

УДК 81.111

Е.Е. Корюкина (Санкт-Петербург, Россия)

РАЗВИТИЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ МЕДИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РАМКАХ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ИНКЛЮЗИВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В статье рассматривается терминология медико-педагогической сферы на примере терминологии кохлеарной имплантации; выделяются ее основные тематические группы. Структурирование терминологии является одним из этапов ее развития в терминосистему.

Ключевые слова: терминология, терминосистема, тематические группы, медико-педагогическая сфера, кохлеарная имплантация

С распространением новых отраслей знаний и видов деятельности человека появляются новые терминологические единицы. Находясь в тесном взаимодействии друг с другом и активно пополняя свой состав, термины разных областей знания формируют свою определенную терминологию. На сегодняшний день наблюдаются востребованность в систематизации терминологии текстов по медицине и специальной педагогике.

Медико-педагогическая сфера является междисциплинарной предметной областью. Медицина и специальная педагогика имеют устоявшийся список терминологических единиц в рамках определенного профессионального языка. У каждой из рассматриваемых предметных областей сложилась собственная терминосистема. В результате взаимодействия терминосистем медицины и специальной педагогики возникла междисциплинарная область инклюзивного образования, в рамках которой складывается терминология кохлеарной имплантации – нового направления слухопротезирования, которое отражает проблемы реабилитации детей с большими потерями слуха.

Данная область знаний стала активно развиваться в США и Великобритании с середины XX века, однако, ее терминология разработана недостаточно. Отмечая наличие в медицине и специальной педагогике сформировавшегося, устойчивого терминологического аппарата, следует отметить, что его состав постоянно пополняется. Как отмечает К.Я. Авербух, в терминосистеме при-

сутствует элемент стихийности формирования новых терминологических единиц. «Наличие элемента стихийности, в свою очередь, связано с рядом лингвистических и экстралингвистических факторов, сопровождающих процесс формирования терминов современной медицинской и педагогической науки» [Авербух, 2004, с. 134].

Самый общий принцип организации терминосистемы – создание взаимно-однозначных соответствий между системами понятий и системами обозначающих их терминов. За каждым педагогическим и медицинским термином стоит научное педагогическое или медицинское понятие. По определению ряда исследователей (И.М. Кантора, Б.Б. Комаровского), терминосистема специальной педагогики включает в себя терминологию, которая является совокупностью лексических средств, обслуживающих теорию и практику воспитания и обучения [Кантор, 1980].

Терминология специальной педагогики не имеет чётких границ, что можно объяснить спецификой, а также достаточной сложностью исследуемых педагогических процессов и явлений [Коршунова, 1990].

Границы медико-педагогической сферы между узкоспециальными терминами и общенаучной лексикой очень изменчивы. Происходит постоянное передвижение части узкоспециальных терминов (*middle ear, sign language, speech disorder*) в общепотребительные, которые уже могут осознаваться неспециалистами как нетерминологические, хотя они остаются терминами в специальной области терминологической системы [Алексеева, Мишланова, 2002].

Кохлеарная имплантация представляет собой новое направление в рамках междисциплинарной медико-педагогической области, поэтому она характеризуется наличием терминологического аппарата, который находится на этапе формирования. В этом случае необходимо говорить о терминологии, а не о терминосистеме. Терминология – это совокупность терминов, используемых в определенной области знания или производства, а также учение об образовании, составе и функционировании терминов [Ахманова, 1990].

К признакам терминологии можно отнести: принадлежность к определенной области знания; принадлежность к определен-

ной замкнутой и строгой системе в рамках данной области знаний; соотнесенность с определенным понятием [Лейчик, 2006]. В поддержку разграничения терминологии и терминосистемы В.М. Лейчик отмечает, что совокупности терминов могут формироваться стихийно или сознательно. Стихийно сложившуюся совокупность терминов предлагается называть терминологией, а сознательно сформированную – терминосистемой [там же, с. 67].

Являясь динамической частью словарного состава общелитературного языка, медико-педагогическая терминосистема соответствует современному уровню развития общества. Границы терминосистемы условны, так как часто происходит миграция терминологических единиц из одной терминосистемы в другую (например, терминологические единицы *hearing disorder, speech processor, speech disorder, interpreting, auditory-verbal approach* переходят из терминосистемы специальной педагогики в терминосистему инклюзивного образования). Основной отличительной чертой терминологии от терминосистемы является то, что терминосистема включает в себя все имеющиеся в данной предметной сфере термины.

Анализ англоязычных текстов по кохлеарной имплантации показывает, что, благодаря своему активному развитию, данная терминология постепенно развивается в терминосистему. В любой терминосистеме присутствуют различные группы терминологической лексики. Л. А. Капанадзе выделяет следующие:

- собственные термины, появившиеся в рамках данной терминологии (в исследуемой терминологии к ним относятся, например *auditory training, expressive language, language disorders*);
- базовые термины – заимствованные из терминологии, которая образует фундамент данной области знания (в терминологии кохлеарной имплантации это термины медицины, например *hair cells, cochlear implant, outer ear, middle ear*);
- привлечённые термины – заимствованные из смежных областей знания, но являющиеся неотъемлемой частью терминосистемы (в исследуемой терминологии это термины таких областей, как педагогика, например *education, testing, training, learning, компьютерные технологии, например device programming, coding strategies, map, system*);
- общенаучные термины – имеющие одинаковую семантику во всех областях знания, но конкретизирующие эту семантику в

составе данной терминосистемы (например, в терминологии кохлеарной имплантации *American Sign Language, inclusion, child development*) [Капанадзе, 1982].

Терминологические единицы, исследуемые в текстах по кохлеарной имплантации можно подразделить на три тематические группы. Они выделяются на основании разного характера терминологических единиц, составляющих основной корпус текстов данной тематики. Содержание каждой из них отражает специфику предметной деятельности. В составе трех основных тематических групп выделяются:

- терминологические единицы из области медицины (строение ушной раковины и потеря слуха): *cochlea, cochlear implant, outer ear, noise-induced hearing loss, mixed hearing loss, hearing disorder*;
- терминологические единицы из области специальной педагогики: *auditory training, total communication, expressive language*;
- терминологические единицы из междисциплинарных областей знания: *inclusion, mapping, coding strategies, measures to program the speech processor, evaluation process, enlarged vestibular aqueduct (EVA)*.

Анализ свидетельствует, что в состав тематических групп входят терминологические единицы, отражающие категории «объект» и «процесс», встречающиеся во всех трех блоках. В лексических единицах категории объекта выделяются терминологические единицы, относящиеся к: 1) медицине: строение ушной раковины (*outer ear, eustachian tube, labyrinth, hair cells, round window*); нарушение и потеря слуха (*conductive hearing loss, mixed hearing loss, progressive hearing loss, hearing disorder, speech processor*); 2) специальной педагогике: специально-педагогическое обучение (*parent-infant program, speechreading (lipreading), total communication, child development*); специалисты для помощи в реабилитации детей (*educational consultant, speech-language pathologist, teacher of hearing impaired children*); 3) смежными областям: междисциплинарный подход в обучении (*inclusion, device programming, air conduction (AC), FM system*); тесты для реабилитационного обучения (*auditory brainstem response (ABR) test, tympanometry (impedance testing), speech recognition or perception testing*).

Лексические единицы категории процесса подразделяются на две группы: «процессы, осуществляемые пациентом» и «про-

цессы, осуществляемые педагогом или родителями». В группе «процессы, осуществляемые пациентом» содержатся лексические единицы трёх подгрупп: процессов развития (*development, understanding, imitation, evaluation*); процессов восприятия речи (*speech perception, speech recognition, reaction, observation*) и процессов обучения (*learning, building simple words, phrase interpretation*). В группе «процессы, осуществляемые педагогом или родителями» присутствуют лексические единицы двух подгрупп: процессов развития восприятия окружающего мира (*support, examine, train, encourage, develop, communicate, play, stimulate, attract*); процессов развития невербальных функций (*motion activity, attention, memory, imagination, thinking, will and emotions*).

Распределение терминологических единиц на тематические группы помогает объединить и структурировать выбранные терминологические единицы. Из сложившихся терминосистем медицины и специальной педагогики были выделены термины кохлеарной имплантации, находящейся на стыке этих терминосистем. Данные терминологические единицы являются основной терминологии, формирующейся в терминосистему. Они употребляется в конкретной области знаний и функционирует в частных, более узких областях той же сферы деятельности. В развивающейся англоязычной терминологии присутствуют такие же ядерно-периферийные отношения, как и в терминосистеме:

- ядро терминосистемы составляют терминологические единицы предельно широкой тематики, максимально частого и общего употребления (*outer ear, middle ear, inner ear, hearing loss, speech processor*);
- центральная область состоит из лексических единиц и их сочетаний, «максимально широко реализующих семантику основных понятий и объектов отрасли» (*cochlear, cochlear implant, American Sign Language, inclusion, incidental learning*);
- к периферии относятся термины узкой специализации, сфера использования которых невелика (*noise-induced hearing loss, auditory training, auditory-verbal approach*).

Таким образом, наличие тематических групп и подгрупп придает семантическую связность терминологии кохлеарной имплантации. Ее системность проявляется в единообразном вари-

анте употребления терминологических единиц, а динамика ее семантической структуры – в появлении новых терминов, актуальных для научных исследований. Терминология кохлеарной имплантации имеет все шансы стать терминосистемой, благодаря развитию строгой логической взаимосвязи между элементами этой системы, а также упорядочению терминологии. Прочное закрепление и активное использование терминологических единиц определяют благоприятные пути для развития новой терминосистемы.

Список литературы

- Авербух К.Я. Общая теория термина. Иваново, 2004.
 Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. Пермь, 2002.
 Ахманова О.С. Терминология лингвистическая // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
 Кантор И.М. Понятийно-терминологическая система педагогики: Логико-методологические проблемы. М., 1980.
 Капанадзе Л.А. Термины и их функционирование. М., 1982.
 Коршунова Н.Л. Методологические условия однозначности терминов в педагогическом исследовании. М., 1990.
 Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М., 2006.

Koryukina Ekaterina Yevgenjevna (Saint Petersburg, Russia)

THE DEVELOPMENT OF THE MEDICO-PEDAGOGICAL TERMINOLOGY IN THE INCLUSIVE EDUCATION TERMINOLOGICAL SYSTEM CONTEXT

The paper focuses on the medico-pedagogical terminology with an example of the cochlear implantation terminology; the main subject groups are clearly distinguished. The structural element of the chosen terminology is determined as one of the ways of its development into a terminological system.

Keywords: *terminology, terminological system subject groups, medico-pedagogical field, cochlear implantation*

УДК 81.37

Т.С. Нифанова (Северодвинск, Россия)

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЛЕКСИКИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОСОБЕННОСТЕЙ КОМБИНИРОВАНИЯ КОМПОНЕНТОВ ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ (на материале денотативных классов английского и французского языков)

Статья посвящена межъязыковому анализу особенностей комбинирования компонентов лексического значения единиц одноименных денотативных классов английского и французского языков.

Ключевые слова: *межъязыковой анализ, денотативный класс, лексическое значение*

В семасиологии известны попытки межъязыкового анализа единиц с учетом особенностей их компонентного состава. Во всех этих случаях исследовались семантические признаки, установленные в результате компонентного анализа значений отдельных слов или узких словесных группировок.

Когнитивный подход требует по-иному взглянуть на эту проблему. Хранение информации об окружающей действительности в лексических единицах осуществляется по-разному. Важно установить, какая именно информация, каким образом и в каких группах слов представлена. При этом высказывается мысль о возможном сходстве организации лексических значений у денотативно связанных групп слов и словосочетаний в национальном языке [Симашко, Цапенко, 2002, с. 82].

Межъязыковые семасиологические сопоставления денотативно связанной лексики по признаку структурирования компонентов их значения отсутствуют. Вместе с тем, по нашим наблюдениям, некоторые закономерности в комбинировании компонентов знакового содержания разных языков действительно существуют.

Языковые факты свидетельствуют о том, что во всех изучаемых денотативных классах английского и французского языков имеется большое количество единиц, значение которых представляет собой «...комплекс, элементы которого равноправны

и находятся в отношении сочинения» [там же, с.19]. Ранее на материале русского языка было показано, что состав компонентов комплекса носит динамический характер, который проявляется в разных комбинациях отдельных величин или объектов [Симашко, 1998, с. 293].

По нашим данным, семантическая организация комплекса в английском и французском языках частично сходна, частично отлична. Так, в денотативном классе <воды> английского и французского языков в названиях рыб актуализируются такие динамические величины, как 'размер', 'форма', 'цвет', но по-разному в каждом из языков.

В английском языке 'размер' варьируется по шкале 'большой/маленький'. Например: *gunnel* – 'a small slimy fish of the blenny family found in the North Atlantic' [W, 1964, p. 646], *barracuda* – 'a large spike-shaped fish found in tropical waters, especially off the coast of the West Indies' [W40, 1940, p. 688].

Во французском языке проявляется тенденция указывать размер объекта в соответствии с метрической системой мер. Например: *goujon* – 'poisson dont la taille ne dépasse guère 15 cm, très commun dans les eaux douces limpides' [PR, 1978, p. 877], *lamie* – 'poisson sélacien, requin de grande taille (3 a 4 m), à museau conique...' [там же, p. 1070], *esturgeon* – 'poisson ganoïde, dont la taille peut atteindre 5 mètres, qui vit en mer et va pondre dans les grands fleuves' [там же, p. 697].

В британских и американских словарях метрическая система мер используется редко. В частности, скорость ветра исчисляется в милях за час, а не в метрах или в километрах за час. Например: *gentle* – 'designating a mild breeze, usually one with a velocity of no more than 12 miles per hour' [W, 1964, p. 604] и др. Можно было бы предположить, что в данном случае скорость ветра определяется по шкале Ф. Бофора, британского адмирала, который и ввел в практику эту шкалу. Однако анализ британских толковых словарей, изданных в последние годы, показывает, что стремление использовать национальные системы меры и весов сохраняется. Например: *milepost* – 'a post set up, as on a highway, to mark the distance in miles to a place' [School, 2002, p. 593].

В английском языке при описании формы рыб часто акцентируется своеобразие отдельных частей их тела, в особенности,

головы. Например: *sculpin* – 'any of a group of spiny, generally scalesless sea fishes with a large head and wide mouth' [W, 1964, p. 1312], *sheepshead* – 'a large, salt-water food fish with massive head and forepart...' [там же, p. 1342] и др.

В отличие от английского, во французском языке дается характеристика корпуса рыбы в целом. Например: *murène* – 'poisson physostome, long et mince, ondulant dans l'eau, très vorace' [PR, 1978, p. 1245], *murenides* – 'Zool. Famille de poisons téléostéens, à corps allongé et cylindrique dūpourvue de nageoires abdominales' [там же, p. 1245] и др. В связи с этим примером отметим, что во французских словарях очень часто даются научные толкования рыб, о чем свидетельствует помета *Zool*.

Окраска рыб в английском языке не выходит за рамки цветов или комбинаций цветов спектра. Например: *sea bass* – 'a dark-brown or black marine food fish with large scales and a wide mouth, found along the Atlantic coast' [W, 1964, p. 1313], *shark* – 'any of several large fishes, mostly marine, with a tough, spiny, slate-grey skin, separate lateral gill openings, and a slender rounded body with the mouth on the underside: most sharks are fish-eaters and the larger ones will attack men' [там же, p. 1340] и др.

Вместе с тем во французском языке цветовой компонент в названиях рыб выделяется редко.

Среди мест обитания рыб в обоих языках называются различные водоемы с пресной или соленой водой. Однако лишь в единицах английского языка часто содержится дополнительная географическая информация о местах распространения рыб. Например: *dace* – 'a small fresh-water fish of the carp family, found in Europe' [там же, p. 368], *haddock* – 'a small edible fish, related to the cod found off the coast of Europe and North America' (W, 650), *ombre* – 'poisson de riviure' [PR, 1978, p. 1307], *vandoise* – 'poisson d'eau douce trus proche du chevesne' [W, 1964, p. 1340] и др.

Обращение к географическим данным свойственно английскому языку также и при описании многих других водных обитателей, что нетипично для французского языка. Например: *leatherback* – 'a nonedible tropical sea turtle' [там же, p. 834], *surf scoter* – 'sea ducks living in northern waters' [там же, p. 1467], *coypu* – 'a large water rodent of South America whose fur (nutria) is like that of the beaver' [там же, p. 342] и др.

В денотативном классе <ветер> семантическая симметрия английского и французского языков манифестируется в том, что во всех сопоставляемых языках ветер характеризуется такими общими динамическими величинами, как 'наличие высокого или низкого содержания тепла несомых ветром воздушных масс', 'направление движения', 'сила проявления ветра'. Однако значения этих величин в изучаемых языках не совпадают.

При комбинировании компонентов знакового содержания в английском языке преимущественно актуализируется значение 'наличие низкого содержания тепла несомых ветром воздушных масс', тогда как во французском языке – прямо противоположное значение 'наличие высокого содержания тепла несомых ветром воздушных масс'. Например: *cow-quakes* – 'cold winds in May' [Nodal, Milner, 1972, p. 90], *haar* – 'холодный восточный ветер' [M, 1963, с. 121], *chergui* – 'vent chaud et sec qui souffle du sud' [PR, 1978, p. 300], *foehn* – 'le vent chaud du sud-est' [Dondaine, 1972, p. 5] и др.

Динамическая величина 'направление движения ветра' тесно связана с единственным общим для сопоставляемых языков динамическим объектом 'географический ориентир, относительно которого совершается движение ветра'. Конкретные значения динамической величины и динамического объекта в английском и французском языках частично сходны, частично различаются.

Сходство состоит в использовании сторон света для указания направления движения ветра. Например: *southeaster* – 'N.U. a storm or a strong wind from the southeast' [W, 1964, p. 1394], *monsoon* – 'a seasonal wind of the Indian ocean and Southern Asia, blowing from the southwest from April to October, and from the northeast during the rest of the year' [там же, с. 953], *tahut* – 'vent du nord' [Dondaine, 1972, p. 4], *le droit vent* – 'le vent d'ouest' [там же, p. 4] и др. Во всех этих случаях стороны света одновременно служат и ориентирами, относительно которых совершается движение воздушных масс. Вместе с тем лишь французскому языку свойственно в качестве указателей и одновременно ориентиров движения ветра избирать географические объекты и населенные пункты. Например: *tramontane* – 'vent qui vient d'au delà des montagnes' (*Alpes, Pyrenées*) [PR, 1972, p. 1999], *l'air d'aval* – 'l'air de Montfaucon' [Dondaine, 1972, p. 5] и др.

В отличие от французского, в английском языке ветер часто определяется относительно местоположения объекта / субъекта. Например: *contrary / head / foul wind* – 'встречный / противный ветер' [Г., 1987, с. 841], *side-wind* – 'a wind blowing from or against the side' [W, 1964, p. 1354], *lateral wind* – 'боковой ветер' [там же, p. 71], *tail-on wind* – 'попутный ветер' [там же, p. 608] и др.

Как показывают наблюдения, динамическая величина 'сила проявления ветра' в сопоставляемых языках измеряется по одной и той же субъективной шкале 'слабый ветер – неистовый ветер'. Например: *cat's-paw* – 'a light breeze that ripples the surface of water' [W, 1964, p. 232], *levanter* – 'a strong wind that blows over the Mediterranean area from the east' [там же, с. 841], *marin* – 'vent tiède, accompagné de pluies, soufflant du Sud sur les côtés avoisinant le golfe du Lyon' [PR, 1978, p. 1155], *bora* – 'vent du N-E froid et violent qui souffle l'hiver sur les régions septentrionales de l'Adriatique' [там же, p. 199] и др.

Ранее уже отмечалось, что в денотативном классе <ветер> английского языка имеется значительная группа единиц, в которых сила ветра исчисляется по метеорологической шкале в милях в час. Например: *breeze* – 'is popularly applied to a light, fresh wind and meteorologically, to a wind having a velocity of from 4 to 31 miles an hour' [W, 1964, p. 1674], *gale* – 'is popularly applied to strong, somewhat violent wind and meteorologically, to a wind having a velocity of from 32 to 63 miles an hour' [там же, p. 1674] и др.

В денотативно связанной лексике французского языка закрепление получают такие динамические величины и динамические объекты, характеризующие ветер, как 'время его проявления' и 'место, где наблюдается данная разновидность ветра'.

Время проявления действия ветра во французском языке часто измеряется в годах и месяцах. Например: *alizé* – 'vent régulier, soufflant toute l'année de l'Est, sur la partie orientale du Pacifique et de l'Atlantique comprise entre les parallèles 30 N et 30 S' [PR, 1978, p. 49], *le vent blanc* – 'qui souffle en août de l'ouest ou du sud-ouest sans amener de pluie' [Dondaine, 1972, p. 4] и др.

Любопытно, что даже в толкованиях одних и тех же интернациональных названий ветров единица измерения времени дей-

ствия этого явления природы в изучаемых языках разная. Например: *monsoon* – ‘*seasonal wind blowing in the Indian Ocean from SW from April to October and from NE during the other months*’ [Parish, 1957, p. 403], *mousson* – ‘*vent tropical régulier qui souffle alternativement pendant six mois de la mer vers la terre et de la terre vers la mer apportant de profondes modifications aux climats*’ [PR, 1978, p. 1238] и др. Для описания мест, где наблюдается та или иная разновидность ветра, во французском языке привлекаются топонимы. При этом фиксируются как широко известные территории, так и локально значимые местности. Например: *rampero* – ‘*vent violent soufflant du sud et de l’ouest, qui amène les pluies d’hiver en Argentine*’ [там же, p. 1346], *vent d’eau* – ‘*souffle par la vallée où la direction de la Meuse, vent de la tombe – tumulus d’Avernas*’ [Haust, 1955, p. 123] и др.

В публикациях встречается указание на то, что к величинам, характеризующим ветер в русском языке, относятся также ‘влажность несомых ветром воздушных масс’ и ‘характер осуществления движения’ [Симашко, 2003, с. 244; Симашко, Цапенко, 2002, с. 19]. В отличие от русского языка для семантической организации английского и французского языков эти динамические величины не актуальны.

Обращение к анализу лексики денотативного класса <дождь> английского и французского языков также вскрывает проявления сходного и различного в составе компонентов значения, которые находятся в отношении конъюнкции. Так, было выявлено, что в сопоставляемых языках к динамическим величинам, характеризующим дождь, относятся ‘сила проявления природного явления’ и ‘способ осуществления’. Вместе с тем в семантическом пространстве изучаемых языков дождь описывается безотносительно к динамическим объектам.

Семантическая аналогия английского и французского языков проявляется и в том, что значение динамической величины ‘сила проявления дождя’ в обоих языках совпадает по признаку ‘высокая степень проявления силы объекта’. Например: *torrent* – ‘*a heavy fall of rain*’ [W, 1964, p. 1538], *pash* – ‘*a heavy shower*’ [Peacock, 1869, p. 62], *trombe d’eau* – ‘*pluie torrentielle (qui se diverse comme retombe d’eau d’une trombe)*’ [PR, 1978, p. 2026], *ringasse de pluie* – ‘*pluie battante*’ [Moricard, 1963, p. 27].

Наряду с этим, противоположный признак – ‘низкая степень проявления силы дождя’ – систематически актуализируется лишь в английском языке. Например: *serein* – ‘*fine rain that falls from a clear sky*’ [W’40, 1940, p. 747], *squib* – ‘*a shower of fine driving rain*’ [Haust, 1955, p. 59] и др. Важно, однако, подчеркнуть, что признак ‘высокая степень проявления силы объекта’, равно как и признак ‘низкая степень проявления силы дождя’, крайне субъективны.

В английском и французском языках значение динамической величины ‘способ осуществления природного явления’ ограничивается упоминанием о неожиданном характере проявления дождя. Однако во французском языке неожиданный дождь довольно часто оказывается кратковременным, тогда как в английском языке взаимосвязь таких свойств природного явления не фиксируется. Например: *spate* – ‘*a sudden heavy rain*’ [W, 1964, p. 1398], *brash* – ‘*a sudden shower of rain*’ [там же, p. 177], *ondée* – ‘*pluie soudaine et peu de durée*’ [PR, 1978, p. 1310], *rush* – ‘*petite averse subite et qui ne dure guère*’ [Baudouin, 1970, p. 293] и др.

В отличие от английского языка в единицах французского языка дождь характеризуется еще одной динамической величиной – ‘продолжительность проявления природного явления’ в единственном значении ‘кратковременность дождя’. Например: *ruchée* – ‘*averse un peu plus prolongée que la ruche*’ [Baudouin, 1970, p. 293], *passade* – ‘*s’emploie pour averse, courte averse*’ [там же, p. 239], *rang* – ‘*averse violente de courte durée*’ [Brunet, p. 209] и др.

В денотативном классе <облака> английского и французского языков объект характеризуется одними и теми же величинами ‘форма’ и ‘цвет’. Значение величины ‘форма’ в денотативно связанной лексике сопоставляемых языков неодинаково.

В единицах английского языка акцентируется форма облачных масс. Например: *bustle-headed* – ‘*applied to cumulus clouds; such clouds are said to bustle up, i.e. rise in rounded masses*’ [Gepp, 1969, p. 25], *eddenbite* – ‘*a scattered and looped mass of cirrus clouds; a term used chiefly by fishermen*’ [Parish, 1957, p. 36], *higgs* – ‘*кучевые облака*’ [Moricard, 1963, p. 125] и др.

Во французском языке актуализируется форма и отдельных облаков, и групп облаков. Например: *macabre* – ‘*disposition des*

nuages en forme d'un éventail dont la partie étroite est à l'horizon, dans la direction du vent [Morcard, 1963, p. 352], *reds – 'nuées en longues et étroites trainées blanches'* [Haust, 1955, p. 81], *temps javelé – 'petits nuages parallèles séparés les uns des autres'* [Dondaine, 1972, p. 7] и др.

Семантическая симметрия английского и французского языков проявляется при передаче динамической величины 'цвет' при характеристике облаков белого, черного и серого цветов. Во французском языке, наряду с белым, черным и серым, используются еще и желтый / рыжий цвет.

Эти частные наблюдения за особенностями толкований слов в английских и французских лексикографических источниках заставляют вновь и вновь обращаться к сложным и дискуссионным вопросам, связанным с унификацией объемов информации об объекте или явлении, которую следует включать в толковые словари разных языков.

Список литературы

Большой англо-русский словарь: в 2-х т. Под общим рук. И.Р. Гальперина и Э.М. Медниковой. 4-е изд., испр., с Дополнением. М.: Рус. язык, 1987. (в тексте – Г.)

Симашко Т.В. Денотативный класс как основа описания фрагмента мира: Монография. Архангельск, 2003.

Симашко Т.В., Цапенко С.А. Типы денотатов как основание для структурирования денотативной сферы // Res philological: Ученые записки. Вып. 3 / Отв. ред. Э.Я. Фесенко. Архангельск, 2002.

Baudouin A. Glossaire du patois de la Fôret de Clairvaux. Genève, 1970.

Brunet F. Dictionnaire du parler Bourbonnais et des régions voisines. Paris, 1964.

Dondaine C. Atlas linguistique et ethnographique de la Franche-Comté. Vol. 1. Parish, 1972.

Gepp E. An Essex Dialect Dictionary. Wakefield: Yorkshire, 1969.

Haust J. Atlas linguistique de la Wallonie. V.3. Les phénomènes atmosphériques et les divisions du temps. Liege, 1955.

Moricard H., Annay B. Patois. Folklore: Souvenirs. Clamecy, 1963. National Dictionary of the English Language. New Edition. New York, 1940. (в тексте – W'40)

Nodal J.H., Milner G., A Glossary of the Lancashire Dialect. Bath, 1972. (в тексте – Nodal)

Peacock R.B. A Glossary of the Dialect of the Hundred of Lonsdale, North and South of the Sands, in the County of Lancaster. London, 1869.

Parish W.D. A Dictionary of the Sussex dialect and collection of provincialisms in use in the county of Sussex. Chichester, 1957.

Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Rédaction dirigée par A. Rey et J. Rey-Debove. P.: Sociéti du Nouveau Littre, 1978. (в тексте – PR)

School Dictionary. Collier Macmillan Publishers. London, 2002. (в тексте – School)

Webster's New World Dictionary. The World Publishing Company. Cleveland and New York, 1964. (в тексте – W)

Nifanova Tatyana Sergeevna (Severodvinsk, Russia)

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE VOCABULARY FROM THE POINT OF VIEW OF COMBINABILITY OF COMPONENTS OF THE LEXICAL MEANING (on the material of denotative classes of the English and French languages)

The article is dedicated to comparative analysis of peculiarities of combinability of components of the lexical meaning on the material of denotative classes of the English and French languages.

Keywords: comparative analysis, denotative class, lexical meaning

УДК 811.111'29

*А.И. Приходько (Запорожье, Украина)***ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ
В ГАЗЕТНЫХ ЗАГОЛОВКАХ**

Фразеологические единицы, используемые для оформления заголовка, призваны не только раскрыть сущность факта описываемого журналистом, но и помогают более образно, более интересно построить весь текст корреспонденции.

Ключевые слова: фразеологизмы, заголовок, функция, образность.

Фразеология – одно из самых ярких и действенных средств языка. Метафоричность, эмоциональность, экспрессивность – все эти качества фразеологических единиц придают речи образность и выразительность.

Фразеологизмы – душа каждой культуры. Они передаются из уст в уста, от поколения к поколению. Знакомство с фразеологией позволяет глубже понять историю народа, его отношение к человеческим достоинствам и недостаткам, специфику мировоззрения.

В лексическом составе языка фразеологизмы занимают значительное место, так как они образно и точно передают мысль, отражают различные стороны действительности [Телия, 1996, с. 78; Бирих, 2001]. Фразеологизмы по большей части не только обозначают определенное явление действительности, но и характеризуют его, дают ему определенную оценку.

Фразеологический оборот как единица одного из уровней языковой системы обладает такими признаками, которые отличают ее от других единиц: от слова, которое имеет некоторые общие с фразеологизмом признаки, и от словосочетания, которое является генетическим источником фразеологизма. Это такие признаки, как устойчивость, семантическая целостность компонентного состава, воспроизводимость, грамматическая соотнесенность, метафоричность и экспрессивность [Виноградов, 1946, с. 61].

Н.М. Шанский считает, что исследование фразеологических оборотов позволяет решить целый ряд очень важных и сложных вопросов, касающихся значимых единиц языка в целом, харак-

тера лексического значения слова, соотношения синтаксической сочетаемости слов и их значения, различных вопросов словообразования и этимологии, ряда проблем орфографии, стилистики, художественной речи и т.д. [Шанский, 1969, с. 4].

Начало научной разработки русской фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины было положено известными трудами академика В.В.Виноградова. В последующие годы было написано огромное количество работ, посвященных анализу фразеологического состава произведений художественной, общественно-политической, научно-популярной, художественно-документальной, мемуарной и другой литературы. Сюда же примыкают и многочисленные исследования, относящиеся к изучению стилистических функций фразеологизмов в СМИ.

Несомненно, фразеологизмы живут своеобразной жизнью в текстах средств массовой информации, особенно в газетах. Не случайно профессор Г.О. Винокур полагал, что газетный язык по сути дела насквозь «фразеологизирован», поскольку стандартность, «клишированность» многих типично газетных выражений является неотъемлемым свойством этого языка [Винокур, 2006].

Специфика газетной речи проявляется в том, что в газете есть особые речевые образования – заголовки, подзаголовки, рубрики. В качестве заголовка может быть использовано одно слово, сочетание слов, предложение, несколько предложений и, конечно, фразеологизмы. Заголовочное место в газете, как считают многие исследователи, – это сильная, акцентированная позиция, потому что именно на заголовок в первую очередь обращает внимание читатель. При этом не только традиционные, или узуальные (от лат. *usus* – обычай, привычка) фразеологизмы способны исполнять роль броских заголовков, но и остроумные, родившиеся «на ходу» изречения (квазифразеологизмы), которые впоследствии могут превратиться в устойчивые речевые образования. В языке современных СМИ фразеологизмы (как узуальные, так и квазифразеологизмы) в целях усиления выразительности и эмоционального воздействия могут подвергаться разного рода трансформациям.

Газетная практика выработала уже определенные приемы подобного видоизменения устойчивых сочетаний. Разумеется, задача журналиста – найти точное, яркое слово – была бы чрезвычайно проста, если бы все приемы можно было использовать

механически. Но не случайно Отто Эсперсен назвал фразеологию «капризной и неуловимой вещью»: практически каждое слово в составе фразеологизма в той или иной степени изменяет свою семантику. Изменения в первую очередь зависят от того, насколько тесно слова «притерты» друг к другу, т.е. от степени спаянности компонентов.

В условиях информационного рынка, жесткой конкуренции, борьбы за читателя СМИ стремятся как можно привлекательнее «упаковать» свою продукцию, т.е. преподнести информацию в наиболее яркой, характерной, запоминающейся форме. «Упаковка» содержания информации – это так называемая языковая игра, интеллектуальная разминка, привлекающая внимание читателей, для чего при составлении текстов (а особенно, заголовков) необходимо подбирать яркие, броские, остроумные выражения. Это влечет за собой широкое использование фразеологического материала.

Данная статья посвящена изучению специфики использования фразеологических единиц в заголовках современных печатных СМИ.

Журналисты обращаются к фразеологическим богатствам родного языка как к неисчерпаемому источнику речевой экспрессии. Выразительна их речь, благодаря частому обращению к пословицам, поговоркам. В газетных статьях фразеологизмы часто употребляются в их обычной языковой форме с присущим им значением, как правило, для стремления журналистов усилить экспрессивную окраску и привлечь внимание читателей к самой статье.

Эстетическая роль фразеологических средств определена заложенной в них образностью и эмоциональностью, а также умением автора отобрать нужный материал и ввести его в текст. Такое употребление фразеологизмов обогащает речь, служит «противоядием» против речевых штампов. Однако возможности применения фразеологизмов значительно шире, чем простое воспроизведение их в речи.

Фразеологическое богатство языка оживает под пером талантливых журналистов, становится источником новых художественных образов, шуток, неожиданных каламбуров. Художники слова могут обращаться с фразеологизмами и как с «сырьем», которое подлежит «творческой обработке».

В результате фразеологического новаторства публицистов возникают оригинальные словесные образы, в основе которых лежат обыгранные устойчивые выражения. Творческая обработка фразеологизмов придает им новую экспрессивную окраску, усиливая их выразительность. Чаще всего писатели преобразуют фразеологизмы, которые имеют высокую степень устойчивости лексического состава и выполняют в речи экспрессивную функцию. При этом измененные фразеологизмы сохраняют художественные достоинства общенародных: образность, афористичность, ритмико-мелодическую упорядоченность.

Фразеологизмы, как правило, употребляются в самой статье, включаются в предложения и в заголовки. Абсолютное начало текста (заголовок) – типичная позиция для фразеологической единицы, так как в этом случае употребление фразеологизма позволяет проактивно задавать оценку описываемому материалу, заинтересовывать читателя, направлять его внимание.

Фразеологические единицы, включенные в заголовок, выполняют несколько функций: сообщения о каком-либо факте или событии, функцию рекламы, привлечения внимания читателя к факту или событию.

Принято считать, что специфика заголовков – фразеологических единиц состоит в том, что они, как правило, дают образную характеристику и оценку публикуемому материалу, при этом, не раскрывая его содержания. Отсутствие функций информации объясняется широтой семантики фразеологической единицы, приложимостью ее к различным ситуациям [Никитин, 2007]. Поэтому текст корреспонденции, озаглавленный фразеологизмом, обязан, во-первых, раскрыть фактическую подоплеку образного заголовка, во-вторых, подтвердить правомерность оценки, и, наконец, подкрепить саму оценку. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть функционально-стилистическую соотношенность заголовков-фразеологических единиц с текстами различных жанров газеты.

Ряд корреспонденций, озаглавленных фразеологизмами, не имеет соотношенности конкретно с этой же единицей в тексте. Необходимо отметить, что это явление достаточно редкое, обычно, как показывает анализ, журналисты стремятся вернуться к фразеологизму в тексте, обыграть его и тем самым повысить

его экспрессивно-оценочную программу. В публикации материал в целом раскрывает смысл оценки заголовка, подкрепление ее будет осуществляться в основном за счет нейтральной или экспрессивно-окрашенной лексики. Журналисты по-разному строят материал с фразеологическими единицами, но все это подчинено одному: четко, емко, ярко дать интерпретацию темы статьи, раскрыть сущность описываемого факта. Необходимо отметить тот факт, что журналисты, используя в заголовках фразеологизмы, не прикрепленные к определенной политической ситуации, как правило, внизу (после заголовка) дают подстрочник, указывающий на содержание материала.

Группа текстов, где заголовочная фразеологическая единица обыгрывается в финале текста, является самой представительной в количественном отношении. Это закономерно для текстов политической направленности, т.к. во-первых, переключки заключения с заголовком обычно придает стройность всему материалу, делает его завершенным в композиционно-структурном отношении, во-вторых, оценочность, заложенная во фразеологизме-заголовке, который настраивает читателя на определенное восприятие материала, при таком построении получает свое подтверждение в форме вывода, а это служит средством усиления, укрепления позиции автора в отношении к описываемым фактам и явлениям.

На наш взгляд, благодаря метафоричности и экспрессивности фразеологический оборот так активно используется в СМИ, в том числе в печати, создавая особую выразительность, меткость, образность текста.

Мы старались раскрыть функциональную роль фразеологических оборотов в газетных заголовках.

Авторы публикаций периодической печати используют фразеологические единицы для экспрессивно-эмоциональной окраски текста. В соответствии с позицией в тексте, фразеологизмы выполняют различные функции: помогают образно ввести проблему, задать тон всей публикации, оформить резюме авторских рассуждений, способствуют меткой, яркой, точной передаче мысли автора. Фразеологические единицы обогащают текст, эмоционально окрашивая, преображая его. Используя фразеологизм для оформления заголовка, автор предполагает раскрыть его

значение в тексте. Так, или иначе, значение фразеологизма раскрывает сущность факта описываемого журналистом.

Итак, фразеологические единицы помогают более образно, более интересно построить текст корреспонденции. Это немаловажно как для автора статьи, так и для газеты, в общем, поскольку яркий, образный фразеологический оборот привлекает внимание и вызывает к публикации интерес, а следовательно повышается рейтинг газеты.

В итоге хотелось бы отметить, что работа над данной темой представляется весьма актуальной и интересной; вопросы значимости фразеологических единиц в газетных публикациях недостаточно изучены и требуют более глубокой разработки в плане определения их роли в создании газетных текстов.

Список литературы

- Бирих А. К. Словарь фразеологизмов. М., 2001.
 Виноградов В.В. Основные понятия фразеологии как лингвистической дисциплины. Л., 1946.
 Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М., 2006.
 Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 2007.
 Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
 Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М., 1969.

Prihodko Anna Ilinichna (Zaporozhye, Ukraine)

THE PECULIARITIES OF THE OPERATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS IN NEWSPAPER HEADLINES

Phraseological units used in the headlines help not only to disclose the essence of the fact which is described in the article but also help to make the whole text more expressive and figurative.

Keywords: phraseological units, headlines, figurativeness

УДК 81'37

Н.А. Пузанова (Санкт-Петербург, Россия)

ПОЗНАНИЕ МИРА И ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ

Синонимия связана с познанием и обозначением важных для человека областей мироздания. Появление новой лексической единицы для номинации уже обозначенного концепта вызывается потребностями говорящего. Таким образом, существование синонимических рядов в естественном языке всегда мотивировано и обусловлено интерпретацией наблюдателя.

Ключевые слова: языковая личность, когнитивное взаимодействие, картина мира, концептуальная система, синонимия, коммуникация

Язык непосредственно принадлежит творческой личности. Творческое начало человека проявляется в порождении завершенного оригинального высказывания из стандартных элементов. Человек осуществляет когнитивные преобразования в процессах отражения сознанием объективной реальности и взаимодействия этого субъективного отражения с миром – объектом его деятельности. Когнитивные преобразования представляют богатейший источник языкового творчества.

Современное языкознание и его ориентация на исследование антропоцентричности языка позволили по-новому поставить задачу соотношения языка и интеллекта человека, в частности установить, что язык и интеллект человека неразрывно связаны и потому представляют собой важнейший источник сведений друг о друге. Антропоцентризм в организации языка и во всех познавательных процессах усматривается также в том, что когниция – центральное понятие когнитивной науки – занимает ведущее место в жизни человека. Когниция чаще всего интерпретируется, с одной стороны, как познавательный процесс – процесс приобретения знаний, с другой – как результат этого процесса – знания. Язык является одним из основных инструментов познания мира и одновременно язык обеспечивает доступ к системе знаний, состоящих из концептов разного уровня сложений и абстракции.

На современном этапе развития науки появилась целая отрасль междисциплинарных наук о человеке. Подобную антропо-

ориентированность научных изысканий нельзя назвать чем-то совершенно новым, так как «любая деятельность индивидуума, выступающего субъектом в процессе сознательного осмысления и творческого преобразования окружающей действительности, в принципе не может не быть эгоориентированной. Причина состоит в том, что действительность, окружающая субъекта познавательной деятельности, будучи объектом его научно-познавательных изысканий, является идеальной моделью этой реальности им представленная на основе субъективной интерпретации тех знаний, которыми он обладает на данный момент» [Хомякова, 2002, с. 7]. При этом роль индивидуального и социального в процессе создания и развития научной парадигмы в лингвистике предопределена своеобразием самого объекта лингвистических исследований.

Антропоцентризм отнесен Кубряковой Е.С. к основным принципам развития лингвистики конца 20-го века и начала 21-го века. По ее мнению, «антропоцентризм как особый принцип исследования заключается в том, что научные объекты изучаются, прежде всего, по их роли для человека, по их назначению в его жизнедеятельности, по их функциям для развития человеческой личности и ее усовершенствования». Как считает Кубрякова Е.С., «стержнем этой науки является ее направленность на получение знаний о знании, и в фокусе ее внимания находятся многочисленные проблемы, связанные с получением, обработкой, хранением, извлечением и оперированием знаниями, относящиеся к его накоплению и систематизации, ко всем процедурам, характеризующим использование знания в поведении человека и, главное, его мышлении и процессах коммуникации» [Кубрякова, 2004, с. 41].

В современной лингвистике речь идет о смене приоритетов в способах осмысления действительности, являющейся нам в языке и через язык. Как справедливо отмечает Е.С. Кубрякова, историей лингвистики как науки и ее прогрессом «двигали не только научные революции, не только «обнаружение новых реальностей», но и изменение взгляда на вещи на аспекты этих вещей» [там же, с. 32]. В центре внимания лингвистов когнитивного направления находятся ментальные процессы человека. На современном этапе необходимо новое осмысление того, что мы привыкли называть человеческим познанием. Такой поворот на-

чался во второй половине XX века, когда были сформулированы основные принципы и положение биологической теории познания [Матурана, 1995, с. 26].

Предметом эволюционной эпистемологии является эволюция когнитивных структур, механизмы роста знания, познание, понимаемое как функция развития, функция жизни. В таком контексте эволюционная эпистемология предстает одновременно «биологизацией эпистемологии», новой междисциплинарной коммуникацией науки и философии.

Основоположником этого направления считают австрийского биолога К. Лоренца, нобелевского лауреата по медицине и физиологии за 1973 год. Фундаментальное значение для эволюционной теории приобрели его работы «Кантовское учение об априорном в свете современной биологии» и «Оборотная сторона зеркала». Исходным моментом исследований является сформулированное еще И. Кантом положение об априорных формах рассудка. Согласно данной теории разум отнюдь не «чистая доска», человек подходит к явлениям с определенными формами созерцания и мышления, с помощью которых упорядочивает явления.

К исследованию априорных форм обращается эволюционная теория познания, понимая познание как естественноисторический процесс. Таким образом, мы вписываем когнитивный опыт в эволюционный процесс. Суть эволюционной эпистемологии К. Лоренц выразил следующим образом: наши познавательные способности есть достижение врожденного аппарата отражения мира, который был развит в ходе родовой истории человека и дает возможность фактического приближения к внесубъективной реальности [Лоренц, 2000].

Существенный импульс дальнейшего развития направление получило в более поздних работах У. Матураны и Ф. Варелы. Становление нового направления было связано с ориентацией на исследование реального познавательного процесса средствами эволюционного естествознания, прежде всего, биологии. Целью эволюционной эпистемологии является исследование биологических предпосылок познания и объяснение его особенностей на основе современных эволюционных воззрений.

Все вышесказанное характеризует эволюционную эпистемологию как практику познания, адекватную концепциям познания,

формируемым когнитивной наукой. Человек конструирует знание, обрабатывая информационные потоки, идущие от физического мира (объекта), от биологической материи, от социума и культуры (ценности, язык, коммуникативные связи). Выделение одного потока информации приведет к искажению картины процесса.

Обновленная когнитивная наука, основной чертой которой можно назвать биологизм, медленно, но верно занимает прочные позиции на театре научных действий. Одно из основных положений является понимание того, что человек и его среда не могут рассматриваться как отдельные, независимые друг от друга сущности, но только как единство, характеризующееся сложной когнитивной динамикой, как система с круговой организацией, структурные части которой находятся в отношениях взаимной каузации. Биологическая теория познания характеризуется присутствием ей синтетизмом и в связи с этим позволяет по-новому интерпретировать уже известные лингвистической науке факты и представить новую концепцию языка. Суть этой концепции заключается в том, что языковая деятельность человека рассматривается как определенные структуры поведения в когнитивной области взаимодействий, носящих ориентирующий характер и служащих осуществлению биологической функции адаптации организма к среде [Матурана, 1995]. Такой подход делает принципиально невозможным постижение сущности языка в отрыве от творческой интерпретации человеком окружающего мира.

Синонимия, являясь конституитивным свойством языка, несомненно, связана с познанием и обозначением важных для человека областей мироздания. Словарный состав языка – это не хорошо упорядоченная система, а конгломерат единиц, которые память свела вместе из разных источников и которые вовлекаются в соотношение и функции системы по мере необходимости [Никитин, 2007]. Другими словами, появление новой лексической единицы для номинации уже обозначенного концепта вызывается не внутрилингвистическими факторами, а потребностями говорящего. Таким образом, существование синонимических рядов в естественном языке всегда мотивированно.

Непосредственной целью нашей статьи является рассмотрение становления и развития некоторых глаголов, выражающего

процессы человеческой деятельности. Ведущим фактором их закрепления, по нашему мнению, является намерение говорящего использовать именно данные глаголы в коммуникации. Концептуальная картина мира – это образ или глобальная репрезентация мира, творимого человеком в процессе его взаимодействия с окружающей средой и другими людьми и являющегося для него реальным. Каждый отдельный человек существует лишь постольку, поскольку он осознает себя как сущность в языке.

Наблюдатель как перцептивный субъект давно и активно привлекается в языкознании в качестве аналитического инструмента [Верхотурова, 2006, с. 8]. Наше понимание наблюдателя обусловлено той ролью, которую ему приписывает биокогнитивная теория языка и познания [Кравченко, 2001]: наблюдатель – это субъект широкого и универсального статуса – перцептивно-когнитивного. Такой субъект способен охватить восприятие высшего когнитивного порядка, включающего в себя оценочные и аффективные уровни (аспекты) категоризации [Верхотурова, 2006, с. 8]. Каждый отдельный наблюдатель существует в своем феноменологическом мире, порождаемым областью когнитивных взаимодействий (в том числе и языковых), или консенсуальной областью, представляющей собой наложение или пересечение ниш отдельных наблюдателей. Наше восприятие этого внешнего, «объективного» мира есть результат структурных изменений, вызванных определенными языковыми взаимодействиями. В данном случае можно говорить о процессе с круговой организацией, участники которого связаны сложной динамикой взаимной каузации. Этот процесс, направленный на поддержание равновесного содержания системы организм-среда и есть познание [Кравченко, 2001, с. 12].

Субъект, оперирующий языковыми репрезентациями, приспособившись к среде, может по-разному описывать одно и то же явление, что обусловлено его опытом, а также различными условиями и возможностями его взаимодействиями со средой. Со временем, благодаря влиянию целого ряда факторов постоянно меняющейся окружающей среды, накоплению опыта взаимодействия с ней, концептуальная система человека меняется, актуализируются новые ранее неизвестные участки концептов, активизируемые посредством разнообразных лексических средств

развивающихся синонимических рядов. Данный процесс становления также возможен как следствие различных способов адаптации к изменению среды.

Когнитивно-дискурсивный подход к анализу языковых форм предполагает такое их описание, которое учитывает как формирование когнитивных структур, лежащих в основании семантики языковых форм, так и учет причин выбора языковой формы в конкретных коммуникативных целях; именно «на перекрестке когниции и коммуникации» происходит адекватное описание языкового явления [Кубрякова, 2004, с. 28].

Нельзя понять сути языка, не поняв исторических изменений. Формирование представления об антропоцентричности языка как преломлении реального мира в сознании субъекта и фиксации его в языке в виде субъектно (и этнически) ориентированных понятий, представлений, образов, концептов, моделей, движение от «как-лингвистики» к «почему-лингвистике» (по образному выражению А.Е. Кибрика) заставило пересмотреть соотношение синхронического и диахронического факторов в лингвистике. Диахронический аспект описания языка становится едва ли не более важным, чем синхронный аспект: во многом возвращаясь к принципам лингвистики XIX в., это направление провозглашает, что для объяснения языковых явлений апелляция к происхождению этих фактов становится одним из основных исследовательских приемов.

Становление и исчезновение рассматриваемых глаголов происходило в диахронии на фоне конфликта омонимов. Так, в среднеанглийский период существовало два глагола-омонима слабого типа:

Grinden 1 (OE grindan): 1. to break into small particles; 2. chew, eat; 3. sharpen.

Grinden 2 (OE gryndan): set, go down (of the moon, stars, sun).

Глагол Grinden 1, занимал более прочную позицию по сравнению с grinden 2, так как был более многозначным. Его значения были узкими и специфичными. Кроме того, вероятно, сильной позиции способствовало наличие общего прототипа «удалять в виде мелких частиц», характерного для всех трех значений глагола grinden 1.

Глагол Grinden 2 был немногочисленным и фактически его значения перекрывались существовавшим в среднеанглийский пе-

риод глаголом *settan* (OE *settan*) «ставить». Этот глагол имел 36 значений, причём некоторые были специальными юридическими терминами. (*Law – jurid* (a) To cause (a parliament) to sit, convene; hold (a session of court, an inquest, etc.); also *fig.*; ~ **areste on**, arrest (sb.); -- used *fig.*; ~ **claim**, bring a legal claim; ~ **sise (halimot, hundred, etc.)**; ~ **a speche**, bring a legal action; **ben set**, of a court: be in session; (b) **ben set ayenes laue**, to be prohibited by law, be illegal; (c) *ppl. set* as adj., of law: positive (as opposed to moral or natural); as noun: positive law.)

Трудно представить, чтобы глагол *grinden 2*, имеющий всего лишь одно значение, мог конкурировать с глаголом *settan*, который обладал хорошо развитой семантической структурой, использовался в образовании глаголов с послелогоми, в идиоматических выражениях и пословицах (~ **speche on-to**, direct (one's) speech to (heaven), address; ~ **up**; (g) *med.* to set forth in writing;). Это давало этому глаголу сильное преимущество перед *grinden 2* «садиться». Из-за слабости системной позиции, данный глагол исчез из системы языка в среднеанглийский период.

В результате, лишь один глагол, обладающий большим количеством значений, причём значений конкретных и специфичных, остается в лексической системе, а именно глагол *grind* (ME *grinden 1*). Этот глагол имеет в современном английском языке шесть переходных и четыре непереходных значения, от него образованы наречие и существительное. Уникальность омогруппы среднеанглийского периода *grinden 1* и *2* заключается в том, что эти глаголы происходят от древнеанглийских глаголов-омонимов. Существование на протяжении столь длительного времени тождественных форм предопределило изменения, происшедшие в дальнейшем развитии этих глаголов.

Живые системы (в том числе Человек) – суть единства взаимодействий и существуют они в том или ином окружении. Тождественность формы приводит к определенному неудобству, в реальных речевых актах может возникнуть определенная сложность в понимании другого коммуниканта. Таким образом, у наблюдателя был выбор – использовать форму «*grinden*» для выражения понятия «*to set*» или использовать глаголы «*settan*», «*goen*», которые являются уникальным способом передачи данного значения. Форма слова, является максимально эффектив-

ным сигналом для коммуникантов и запускает в их сознании один и тот же механизм формирования системного значения, а также механизм вывода из него актуального значения. Значение, которое хранится у человека в сознании, характеризует индивидуальную систему языка и носит название лексического прототипа. Прототипическое значение является первой осознаваемой реакцией на форму слова. Для любого наблюдателя во время акта коммуникации легче, чтобы формы слов не были тождественны. У глагола *grinden1* можно увидеть наличие общего прототипа, в то время как глагол *grinden2* имел специфичные формы выражения процессов движения небесных тел. Эти глаголы существовали на протяжении длительного времени, начиная с древнеанглийского периода.

Представляется, что именно коммуникант или наблюдатель, играет основную роль в выборе того или иного слова, а следовательно употребление глагола определяет его частотность и дальнейшее закрепление в языке. Так, глагол *setten* имел чрезвычайно большое число значений, производные. Кроме того, обозначая особые нюансы движения, каждый из этих глаголов имел свои собственные валентности, закрепившиеся еще в древнеанглийском периоде, а также образовывал определенный набор устойчивых словосочетаний и пословиц (*fig. phrases*: (a) ~ **eie on (upon)**, ~ **lok on**, to look at (sb. or sth.), take note of; ~ **eien (sight)**, fix (one's) eyes; ~ **eien on (upon)**, look at (sb.); ~ **eien to**, gaze at (sb. or sth.); ~ **sight in**) Такая частотность глаголов говорит о предпочтении этих форм наблюдателем. Глаголы «*to set*», «*to go*» являются специфическим способом обозначения процесса разделения, обозначая различные оттенки одного и того же понятия. Согласно концепции натурализации, слова рассматриваются как сущности, присущие человеческой деятельности. Ориентирующее поведение человека в режиме реального времени связывает вербальное поведение и социальный опыт.

Таким образом, становление глагола *to grind* было обусловлено интерпретацией наблюдателя. Любая сущность, в том числе языковая, выявляется и категоризируется лишь в результате взаимодействия организма со средой. Следовательно, языковое значение является для наблюдателя таким же компонентом среды (ниши), как и любая другая сущность, с которой организм может

вступать во взаимодействие с целью адаптации к окружающему миру.

В этом смысле когнитивная наука предстает как технология знания, она рассматривается как вариант неклассической эпистемологии и одновременно как онтология мышления. Она вписывает мышление в картину реальности, формируемую эволюционно-синергетической парадигмой современной науки. В когнитивной науке познание обретает онтологическую размерность, как подчеркивали У. Матурана и Ф. Варела, характеризуя познание как жизненность.

Список литературы

- Архипов И.К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // *Studia Linguistica Cognitiva*. Вып. 1. М., 2006.
- Верхотурова Т. Л. Метакатегория «Наблюдатель» в научной картине мира // *Studia Linguistica Cognitiva*, Вып. 1. М., 2006.
- Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка. Иркутск, 2001.
- Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // *Вопросы когнитивной лингвистики*. № 1. Тамбов, 2004.
- Лоренц К. Кантовская концепция а priori // *Эволюция. Язык. Познание*. М., 2000.
- Матурана У. Биология познания // *Язык и интеллект*. М., 2001. С. 95–142.
- Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 2007.
- Хомякова Е.Г. Эгоцентризм речемыслительной деятельности: На материале английского языка: автореф. дис. ...доктора филол. наук. СПб., 2002.

Puzanova Natalia Alexandrovna (Saint Petersburg, Russia)

COGNITION AND LANGUAGE USER

Synonymy is connected with cognition and interpretation. The existence of a lexical unit for nomination is caused by the speaker's needs. As a result, the synonymic rows are motivated by the interpretation of an observer.

Keywords: language user, cognitive correlation, worldview, conceptual system, communication

УДК 81.373

А.Н. Пягай (Санкт-Петербург, Россия)

МОДЕЛИРОВАНИЕ КАК ВИД СОЗДАНИЯ ПОДТЕКСТОВ

Проблемой импликаций филологи занимаются сравнительно давно и успешно, однако по-прежнему остаются открытыми для дискуссии вопросы, касающиеся типов моделирования подтекстов и источников импликаций.

Ключевые слова: имплицит, импликационал, скрытый смысл, моделирование подтекстов

Говоря о моделировании подтекстов, невозможно обойти стороной само понятие «подтекста», как и более расхожого в лингвистических кругах термина «имплицитивность» или «импликации».

Эксплицитное значение актов вербальной коммуникации не исчерпывает добавляемой ими информации. Оно составляет лишь часть их совокупного значения и взаимодействует с другой его частью – имплицитным значением [Никитин, 2006, с. 532]. Критерием определения носителя имплицитной информации служит наличие двух одновременно актуализируемых значений у одного знака, одно из которых явно не выражено. Важным аспектом данного критерия является правило «приращения смысла», или требование «регатичности» [Гальперин, 1981]. Скрытая информация должна быть новой, добавочной, сверх основного значения. Последнее – это неизменная семантическая часть знака, не зависящая от дополнительных смыслов, которые могут варьироваться в разных контекстах употребления единицы.

Всякий намеренный имплицитный смысл, будь то на уровне высказывания или текста, простой или сложный (развернутый) по содержанию и структуре, дополняющий или вытесняющий эксплицитное значение высказываний (текстов), может быть назван – в соответствии с обыденным употреблением этого термина – подтекстом или текстом в тексте.

Г.Г. Молчанова полагает, что имплицит – это двусторонняя единица имплицитного уровня текста, состоящая из вербально выраженного antecedента и имплицитно подразумеваемого кон-

сенвента, отношения между которыми определяются как А определяет В, т.е. А влечет (имплицирует) В [Молчанова, 1988, с. 25].

Семантическая структура слова, особенно многозначного, его линейные и вертикальные связи служат источником разнообразных добавочных значений, активизируясь при употреблении слова в речи. Став частью коммуникативной цепи, лексическая единица эксплицитно реализует денотативную часть значения, либо не выражая коннотативной части, либо выражая ее опосредованно. Во втором случае слово будет характеризоваться имплицитным приращением смысла.

В терминах семасиологического подхода, появление у слова периферийных значений связано с реализацией импликационала [Никитин, 1974]. Интенционал слова (ядро лексического значения) составляет обязательно представленная в лексическом значении совокупность сем и образуемая ими семантическая структура (конфигурация). Интенциональные семы не могут считаться имплицитными, они составляют кодифицированное значение слова. М.В. Никитин под скрытым смыслом (компонентом) лексического значения – импликационалом (термин М.В. Никитина), имеет в виду гораздо более сложное понятие, чем простое отсутствие формальной выраженности единицы плана содержания. Им предложена методика выявления скрытых компонентов значения – жестких; сильновероятностных; слабых и отрицательных импликационалов. Подобная классификация основана на анализе вероятностного веса, причинно-следственных и иных линейных зависимостей признаков, накладывающихся при функционировании на реализацию тех или иных компонентов лексического значения слова. Определение имплицитного значения сводится к тому, что это прямо не выраженные, но осознаваемые значения коммуникативных актов. Среди имплицитных значений им выделены намеренные и произвольные значения. Первые входят в замысел коммуникации, вторые несут побочную информацию коммуникативных актов.

В силу необходимой или возможной совместной встречаемости признаков семы, входящие в интенционал понятия, имплицируют некоторые другие семы, прямо не представленные в интенционале слова. Совокупность таких имплицитных сем составляет импликационал данного лексического значения. Им-

пликационал может иметь различную вероятность: сильновероятностный импликационал составляют семы, импликационная связь которых с интенционалом наиболее прочна и появление наиболее вероятно; слабый импликационал содержит те признаки, основания которых представлены в интенционале как семантические валентности; в отрицательный импликационал входят совершенно несовместимые с интенционалом признаки. Различные семы импликационала в разных употреблениях лексической единицы могут образовывать ее дополнительный имплицитный смысл. Доказательством тому служат словосочетания, в которых импликациональные семы эксплицируются, например, сочетание «белый снег» реализует сему из сильновероятностного импликационала слова «снег» [Никитин, 1974].

Имплицитность слова, связанная с его лексическим значением, понимается и как реализация его обобщенного или индивидуального смысла: при конкретном употреблении в слове имплицитно присутствует общее, в то время как обобщенное употребление имплицирует конкретность, единичность [Рейман, 1986].

Основным средством обогащения слова окказиональными значениями является рассредоточенный в тексте повтор слова или словосочетания в различных контекстах, в сочетании с разными лексическими единицами [Сильман, 1969]. Существует несколько разновидностей повтора в тексте. Он может быть полным, когда вторично употребляется само слово. Однако возможно повторение не тождественных, а сходных, контрастных или связанных по смежности смысловых элементов текста. Иногда вместо исходного выступает слово, родственное ему по морфологическому составу. Если родство двух пересекающихся слов мнимое, но они, тем не менее, воспринимаются как связанные друг с другом, это является случаем паронимической аттракции, когда наблюдается сходство в звучании и частичное совпадение в морфологическом составе [Тураева, 1986]. В результате форма начинает оказывать воздействие на содержание и способствует увеличению информативности слов за счет дополнительного смысла.

В художественном тексте множество имплицитных сем различного порядка создают имплицитный смысл. Можно предположить, что имплицитные семы вступают в сложные соединения, которые в условиях заданной коммуникативной задачи образуют единый скрытый

смысл, а сам текст может быть носителем имплицитной информации, в качестве которой выступает его основная идея. Одни исследователи считают, что всякий текст в семиотическом отношении является многоярусным, и если для единиц нижележащих уровней языка имплицитная информация факультативна, то для текста она является обязательной. А.В. Бондарко подчеркивает, что между структурой содержания любого текста и смысловой структурой той информации, которая вытекает из содержания, имеется непрерывная связь [Бондарко, 1978]. Другие приписывают наличие имплицитности только художественным текстам, считая ее неотделимой принадлежностью любого полноценного художественного произведения, его имманентной семантической категорией, обеспечивающей тексту структурно-семантическую целостность и собственно художественность [Кошляк, 1985]. В.Х. Багдасарян категорично заявляет, что в литературном произведении в принципе должно говориться одно, а подразумеваться другое; закон художественной литературы гласит, что идея произведения не должна быть высказана прямо [Багдасарян, 1983]. Действительно, нельзя сказать, что имплицитность характерна для любого текста так же, как для художественного; есть типы текстов совершенно не допускающие наличия скрытого смысла (документы, инструкции и т.п.).

М.В. Никитин считает, что носителями имплицитной информации можно считать только конструкции, характеризующиеся семантическим эллипсисом. Эллипсис такого рода предполагает семантический пропуск двух видов: нормативный и ненормативный [Никитин, 2006]. Нормативный семантический эллипсис также называется языковой компрессией – это формирование новых образцов построения высказываний, в которых элиминируются определенные малоинформативные звенья. Например, высказывание «The light is on» означает: «Somebody is in». При ненормативном пропуске опущение смысловых единиц в речи воспринимается как отклонение от нормы: «The best way to meet a new neighbour is to play loud music at two o'clock in the morning». Для реконструкции смысла требуется восстановить ход импликаций и найти недостающие звенья.

Нельзя забывать о том, что текст литературы малых жанров двухмерен. Подобная двуплановость объясняется единовремен-

ным присутствием, по крайней мере, двух пластов смысла: эксплицитного и имплицитного. Г.Г. Молчанова полагает, что все механизмы импликации принадлежат языку. Однако, данные смежных с лингвистикой наук – когнитивистики и психологии позволяют предположить более сложную организацию как самого процесса создания скрытых смыслов, так и его модели.

Безусловно, сама семантика имплицитных текстом прагматична: она направлена на партнера по коммуникации, на их общий фонд знаний. В случае художественного текста адресатом является читатель как собирательное понятие. Т.е. автор может лишь надеяться на общность тезауруса, на наличие аналогичного количества и качества знаний и опыта, достаточного для правильного декодирования скрытого смысла. Фоновые знания читателя должны быть самыми разнообразными для наиболее полного извлечения заложенного автором подтекста: во-первых, это предыдущий опыт читателя, а также широчайший запас лингвистических и экстралингвистических знаний.

Возможность использования данных психологии личности позволяет говорить о суггестивности как о психологическом аналоге импликации. Это подтверждает мысль о том, что моделирование, т.е. намеренное создание коммуникативной структуры, в которой создаются скрытые смыслы, является основным механизмом имплицитирования. Данный механизм имеет сложную форму выявления: он произведен от взаимодействия эксплицитного значения с совокупными условиями его актуализации.

Список литературы

- Багдасарян В.Х. Проблема имплицитного (логико-методологический анализ). Ереван, 1983.
- Бондарко А.В. Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
- Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Кошляк А.Б. Подтекст как текстовая категория // Вопросы семантики и стили. Межвуз. науч. сб. Уфа, 1985.
- Молчанова Г.Г. Семантика художественного текста (имплицитные аспекты коммуникации). Ташкент, 1988.
- Никитин М.В. Курс лингвистической семантики. СПб., 2007.
- Никитин М.В. О предмете и понятиях комбинаторной семантики // Проблемы лексической и грамматической семасиологии. Владимир, 1974.

Рейман Е.А. К вопросу о текстовой импликации // Общие и частные проблемы функциональных стилей. М., 1986.

Сильман Т.И. Подтекст как лингвистическое явление // Филологические науки. 1969. №1.

Тураева З.Я. Лингвистика текста (Текст: структура и семантика). М., 1986.

Piagai Azella Nikolaevna (Saint Petersburg, Russia)

MODELING AS A TYPE OF CONTEXT FORMATION

The problem of implicature has been already significantly studied but still there exist many questions connected with the mechanisms of the formation of hidden meaning and sources of implicates.

Keywords: implicate, hidden sense, hidden meaning, implicature, implicational pattern

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЯЗЫКА

УДК 81'1

И.А. Каргаполова (Санкт-Петербург, Россия)

СОЦИОЛОГИЯ ЯЗЫКА И ТИПЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ

В статье анализируется лексика, при определенных условиях воспринимаемая языковым сознанием как неуместная и претенциозная, т.е. «суперстандартная». Отражая стремление говорящего к использованию престижных стандартных форм, она интерпретируется как знак некомпетентности, неадекватности и неаутентичности.

Ключевые слова: народная лингвистика, метаязыковая рефлексия, суперстандарт, социальный класс, языковая неуверенность, лексические синонимы

В статье предпринята попытка объяснить некоторые факты «народной лингвистики» или стихийной рефлексии над языком. Одним из ее проявлений полагаются ценностные установки и субъективные («вторичные») реакции на формы существования языка (стандартные и нестандартные) и их социальную стратификацию. Несмотря на то, что эти реакции часто бывают иррациональны и противоречивы, они влияют на языковую ситуацию в обществе, формируют языковую моду, а значит определяют и направление текущих языковых изменений.

В течение нескольких десятилетий вторичными реакциями такого рода занималась социологическая диалектология (вариационная социолингвистика), приверженцы которой исходили из презумпции, что языковое поведение говорящих регулярно и систематически коррелирует с их принадлежностью к определенному социальному классу или сословию. При этом за основу брались преимущественно западные модели сословной дифференциации. Единицами анализа выбирались социально маркированные языковые формы фонологического или морфологического уровней, поскольку именно они обнаруживаются в речи регулярно, систематично и плохо поддаются контролю со стороны говорящего. К таковым, например, относится поствокальное (ретроф-

лексное) [r] в речи американцев или определенный артикль, само произнесение которого (дентальное или фрикативное) воспринимается как символ сословной границы. В качестве социолингвистических переменных из рассмотрения намеренно исключались лексические единицы в силу их «перцептивной прозрачности» и, соответственно, возможности более строгого контроля со стороны говорящих.

Но с течением времени и с выходом названной дисциплины за рамки европейских и, в частности, англоязычных культур такой подход к исследованию речи и ее «народных» оценок стал ощущаться как недостаточный, упрощенный и прямолинейный. Известно, что не все общества социально структурированы по типу англоязычных. Высокостатусные и низкостатусные группы и, соответственно, типы речи (одобряемые или осуждаемые) могут формироваться и на другой основе. В этих случаях целесообразно использовать не понятие класса, а понятие «тип речевой культуры» (элитарной, разговорной, просторечной) [Сиротина, 1998]. Кроме того, с момента появления термина «народная лингвистика» [Брайт, 1975, с. 37] усложнилось само ее понимание. Сейчас принято выделять *разные* типы стихийной метаязыковой рефлексии в зависимости от ее объекта, цели и от лежащей в ее основе доминирующей идеи. В качестве таковой, по некоторым классификациям, может выступать не только идея правильности языка, но и идея его понятности, идея его создания или исправления, наконец, идея «общего» языка и языка эксклюзивного, «своего» [Запольская, 2003, с. 13].

Принимая все это во внимание, лингвисты данного направления (оно ассоциируется, прежде всего, со школой У. Лабова) вынуждены были отойти от формализма статистических методов и признать, что социальное в языке имеет не только индексальный аспект, указывающий на то, кто когда и как говорит и с какими отклонениями от нормы, но также и аспект референциальный или содержательный [Ирвин, 2012, с. 247]. Иными словами, актуальной стала идея изучения *семантического* варьирования, когда в качестве социолингвистических переменных выступают лексические единицы, вызывающие неоднозначные реакции членов языкового коллектива. Как отмечает Дж. Ирвин, «там, где лингвистическая вариативность связана с лексикой, она также

связана и с ситуацией общения» [Ирвин, 2012, с. 240] и с тем, как последняя видится говорящими. Соответственно, изучение лексической вариативности может дать многое для понимания языковой нормы, ее критериев, ее роли в социальном взаимодействии и, шире, для понимания так называемой «матрицы человеческого общения» в конкретном языковом коллективе.

Именно на почве исследования лексической вариативности возникли понятия «суперстандарта» и суперстандартных языковых форм» [Niedzielski, Preston, 2003, p. 162], которые весьма трудно поддаются определению. С формально-аналитической точки зрения «суперстандарт» означает нечто превышающее норму, нечто правильное и лучше ее. Между тем, значительная часть носителей языка, по данным социолингвистических тестов, скорее осуждает, чем одобряет использование таких форм, объясняя свое неприятие либо их излишней правильностью (“too good to be true”), либо аффектированностью и претенциозностью, а потому и недостаточной эффективностью. Ориентируясь на подобные характеристики, в категорию суперстандартных можно записать все слова, которые в силу каких-то причин не нравятся говорящим или раздражают их. Список таких «ненавидимых» слов и выражений приводит, в частности, британский лингвист Дж. Хони: *Oxbridge, guy, weather conditions, actually, prioritize, in terms of, I guess, male chauvinism, marginalization, hopefully, post-modern, sadly, basically, user-friendly, spirituality, Brits, expat* и др. [Honey, 1997, p. 162]. Для иностранца, т.е. человека, не обладающего языковой интуицией исконного носителя, список представляется бессистемным, лишенным какой-либо логики, но и претенциозности тоже. Возможно, эта нечувствительность к словам объясняется тем, что осуждаемые формы представлены изолированно и безальтернативно, т.е. без упоминания их семантических эквивалентов, которые, очевидно, в большей степени устраивают исконных говорящих. При такой подаче материала невозможно провести полноценное исследование в русле вариационной социолингвистики.

Следует отметить, что попытка изучения лексической вариативности была предпринята более полувека назад британским лингвистом А. Россом и писательницей Н. Митфорд. Они ввели в оборот условные понятия *U* и *Non-U* (сокращенные обозначения

для Upper Class и Non-Upper Class) применительно к языковому поведению означенных классов. При этом анализ их речи в основном сводился к контрастному описанию словоупотреблений в одних и тех же типовых ситуациях. В современных словарях *U* определяется как «принятый в высшем обществе», а *Non-U* – как «мещански претенциозный» и не принятый в нем [Рум, 1978, с. 297]. Категории *Non-U*, по всей вероятности, и соответствует понятие суперстандарта. В своих эссе и А. Росс, и Н. Митфорд приводят пары лексических синонимов, разделенных «по классовому признаку». И опять, как и в ранее упомянутом случае, только некоторые из них (относящихся к категории *Non-U*) могут восприниматься как претенциозные. В основном это слова французского происхождения (ср. *lounge vs sitting-room*, *serviette vs napkin*, *pardon vs sorry*, *dentures vs false teeth*, *settee vs sofa* [Allen, 2008, p. 623]). В большинстве же слов из приведенных списков *Non-U* человек непосвященный вряд ли способен усмотреть отчетливые признаки претенциозности, аффектации или чрезмерной правильности: ср. *bag* (U) и *handbag* (Non-U), *bike* (U) и *cycle* (Non-U), *house* (U) и *home* (Non-U), *rich* (U) и *wealth* (Non-U), *vegetables* (U) и *greens* (Non-U), *looking-glass* (U) и *mirror* (Non-U). Несмотря на то, что статьи А. Росса и Н. Митфорда были с большим интересом восприняты читающей публикой, авторов обвиняли в снобизме, произвольности отбора слов и субъективизме – соответственно, их наблюдениям в то время не придавалось научной значимости. Но в начале XXI века идея противопоставления U и Non-U (которое отчасти можно интерпретировать и как противопоставление элитарной речевой культуры культуре, не дотягивающей до этого статуса) она вновь стала актуальной. Этому способствовал и выход в свет культурно-антропологического исследования К. Фокс «Наблюдая за англичанами» [Фох, 2004]. Одна из глав книги посвящена языковым маркерам сословной принадлежности: автор дополняет ранние наблюдения А. Росса и Н. Митфорда своими собственными и отмечает преемственность и устойчивый характер сословно-классовых словоупотреблений. Семь из них, наиболее устойчивых и типичных для говорящих класса Non-U, она шутя именует «семью смертными грехами». Это опять те же *pardon* вместо *sorry*, *serviette* вместо *napkin*, *lounge* вместо *drawing-room*, *sweet* вместо *pudding*, *settee*

вместо *sofa*, *dinner* вместо *lunch*, *toilet* вместо *lavatory* [Фох, 2004, p. 76–80].

Наблюдения такого рода в сущности подтверждают тезис вариационной лингвистики о том, что по фактам языка можно изучать социологию общества, его культурную антропологию и социальную психологию. Но еще в большей степени они наводят на размышления:

- о скрытых, глубинных механизмах того, что называется нормой языкового употребления;
- о соотношении универсального и идиоэтнического в явлении суперстандарта и возможных корреляциях между типом языка, речевой культурой и преобладанием в ней тех или иных суперстандартных форм (фонологических, лексических, дискурсивных);
- о дидактическом аспекте лексического варьирования.

Человек, изучающий английский язык в течение многих лет, будет, наверняка, неприятно удивлен тем, что определенная или значительная часть его активного лексикона, усвоенного со школьных времен, относится к категории непрестижных, неодобряемых, суперстандартных форм. В этой связи возникает вопрос о том, можно ли, при достаточной гетерогенности этих форм, вычленив в их употреблении то общее, что делает их уязвимыми с точки зрения семантики и прагматики.

Говоря о тонкой социальной дифференциации английской лексики, К. Фокс объясняет это вербальным характером британской культуры, любовью британцев к словам, привычкой ловить на лету лингвистические сигналы, полагаться на них и гордиться своей литературоцентричностью. Показательно, что русскую культуру тоже нередко называют вербальной и литературоцентричной. Действительно, в ряде случаев нельзя не заметить сходства, а иногда и буквальных (или весьма точных) межъязыковых параллелей. Так, в Англии социально и стилистически маркированным считается, например, оборот *retire for the night* (Non-U) вместо *go to bed* (U). В русскоязычной речи им соответствуют контекстуальные синонимы *отдыхать* и *спать*. В повседневном разговоре англичане могут упоминать близких людей как *Mr/Mrs Evans* (Non-U) или *my husband/wife* (U). В русскоязычной языковой среде лексическое варьирование представлено парой

мой супруг/супруга и *мой муж/жена*. Можно также привести ряд параллельных варьирований из гастрономической сферы. В английской повседневной речи одобряемой формой для обозначения блюда, завершающего трапезу, является слово *pudding* (U), но не *sweet/dessert* (Non-U), что опять же соответствует русским *чай* и *сладкое/десерт*. Приблизительными коррелятами U и Non-U являются также английские *helping* (U) vs *portion* (Non-U) и русские *еда* vs *кушанье* (ср. соответствующие им глаголы *есть* и *кушать*).

Наличие подобных параллелей внушает надежду на возможность вывода некоторых общих закономерностей, касающихся употреблений U и Non-U. С одной стороны, в выборе одобряемых слов можно опираться на формальные и прозрачные критерии, подобные тем, что в начале XX века были сформулированы грамматистами и лексикографами Г. и Ф. Фаулерами в качестве рекомендаций для газетчиков [Fowler and Fowler, 1988, p. 11]. Согласно этим рекомендациям, при выборе лексического варианта следует отдавать предпочтение:

- хорошо знакомому перед малознакомым;
- слову конкретной семантики перед словом с абстрактным значением;
- универбу перед перифразом;
- короткому слову перед длинным;
- слову англосаксонского происхождения перед французским заимствованием.

Однако из приведенных примеров следует, что деление лексических единиц на одобряемые и неодобряемые, предпочтительные и избегаемые далеко не всегда осуществляется по внешним признакам. Очевидно, для субъективных оценок такого рода имеются более веские основания, формирующиеся, по словам У. Лабова, на более глубоком уровне сознания, которые и подкрепляют предпочтительные формы речи какой-либо группы или сообщества [Лабов, 1975, с. 222]. Общим местом стало утверждение о том, что из языковых форм (стандартных, субстандартных, суперстандартных) извлекается не только социальная информация. Их использование и их оценки заключают в себе определенную систему ценностей, исповедуемых разными слоями общества. Эти ценности утверждаются как прямым, так и

косвенным образом, в том числе путем отрицания и осмеяния их антиподов. Американский исследователь юмора М. Дэвис показывает это на материале «легких жанров», из которого следует, что в англоязычном мире очевиден приоритет трех общекультурных ценностей, связанных с человеческим поведением. Это адекватность/конгруэнтность (т.е. соответствие предлагаемым обстоятельствам), компетентность и аутентичность [Davis, 1993]. Соответственно, их антиподами являются неадекватность, некомпетентность и неаутентичность, которые подвергаются критике и осмеянию в рекреационной речевой деятельности. Примечательно и то, что эти «анти-ценности» составляют основу 3-х типов европейской комедии – комедии положений, комедии ошибок и комедии масок. Представляется, что элементы этих комедий усматриваются и в речевом поведении, условно называемом Non-U, в чем-то неадекватном и несурзном, в чем-то некомпетентном и неаутентичном.

Обратимся к неадекватности, охарактеризовав ее, прежде всего, как *референциальную* неадекватность. Дело в том, что большинство слов, рекомендуемых к избеганию, изначально не содержат в себе каких-либо отрицательных коннотаций, но приобретают их именно в повседневно-обиходной сфере речи. О знакомых и повседневных вещах принято говорить просто, а значит соблюдать принцип приоритетного наименования. В этом смысле выбор, например, слова *спать* предпочтительнее слова *отдыхать* в силу того, что они связаны отношением односторонней импликации (сон предполагает отдых, но не наоборот). Выбор же импликата (*отдыхать* в значении *спать*) как бы сообщает естественному физическому состоянию повышенную значимость. Кроме того, говоря о мелочах и тривиальных объектах (например, предметах мебели) в большинстве случаев достаточно идентифицировать их с точностью до рода и, реже, до вида. Идентификация же ничем не примечательного референта с точностью большей, чем ожидаемая, также производит впечатление несоответствия (несоблюдение названных принципов производит комический эффект, когда, например, словом *lounge* именуется комната небольшого размера).

Неумение или нежелание использовать более тонкие механизмы контекстообусловленной референции, равно как и не-

чувствительность к стилевым несоответствиям, свидетельствует одновременно и о недостаточном уровне языковой компетенции. Говорящие класса Non-U обнаруживают признаки «языковой неуверенности», что выражается в постоянном или спорадическом желании подправить, усложнить, усовершенствовать норму.

Неаутентичность же речевого поведения Non-U проявляется, прежде всего, в «неаутентичной самопрезентации» говорящего. Еще А. Росс отмечал, что за языковыми формами с ярлыком Non-U стоят попытки носителя языка говорить не своим голосом и представить себя в каком-то отношении лучше и значимее, чем в действительности [Fowler, 1986, p. 656-657]. Это стремление выражается и в склонности к эвфемизации того, что ее «не заслуживает» (или, иначе, в нежелании называть вещи своими именами). Впечатление неаутентичной самопрезентации говорящего усугубляют и его «экзотерические установки», побуждающие человека говорить не то, что он хочет, а то, что считает должным, исходя из представлений (нередко ошибочных) о престижных языковых формах, о том, как говорят люди, чьи речевые привычки принимаются за образец, которому нужно соответствовать.

Считается, что перечисленные речеповеденческие изъяны категории Non-U не свойственны носителям элитарной речевой культуры (U). Таким образом, можно предположить, что эти группы людей принципиально расходятся в своем отношении к языку вообще и, соответственно, различаются типом стихийной рефлексии над ним. Судя по семантическим и прагматическим особенностям говорящих на языке Non-U, их тип рефлексии (в соответствии с ранее упомянутой классификацией Н.Н. Запольской) может быть охарактеризован как формальный, дивергентный и корректирующий, поскольку говорящие в большей степени одержимы идеей правильности языка, идеей его эксклюзивности и идеей его исправления. Путем отрицания этих же самых установок носители элитарной речевой культуры (U), напротив, утверждают идею «понятности языка», идею его всеобщности и свободы, творческого к нему отношения (идею «создания языка»); они не боятся языковых новаций и отклонений от нормы. Соответственно, их тип метаязыковой рефлексии характеризуется как семантический, конвергентный и креативный.

Именно этот постоянно ощущаемый конфликт рефлексий делает общение этих социальных групп сложным, напряженным и часто не приносящим взаимного удовлетворения.

Список литературы

- Брайт У. Введение: параметры социолингвистики // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М., 1975. С. 34–41.
- Запольская Н.Н. «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. М., 2003.
- Ирвин Д. Статус и стиль в языке // Социолингвистика и социология языка. Хрестоматия / Отв. ред. Н.Б. Вахтин. СПб., 2012. С. 221–256.
- Лабов У. О механизме языковых изменений // Новое в лингвистике. Вып. VII. Социолингвистика. М., 1975. С. 199–228.
- Сиротинина О.Б. О терминах «разговорная речь», «разговорность» и «разговорный тип речевой культуры» // Лики языка. М., 1998. С. 348–354.
- Allen R. (ed.) Pocket Fowler's Modern English Usage. Oxford, 2008.
- Fowler H.W. A Dictionary of Modern English Usage. Oxford – N.Y., 1986.
- Fowler H.W., Fowler F.G. The King's English. Oxford – N.Y., 1988.
- Fox K. Watching the English. The Hidden Rules of English Behavior. L., 2004.
- Honey J. Language Is Power. The Story of Standard English and its Enemies. L. Boston, 1997.
- Niedzielski N., Preston D. Folk Linguistics. Berlin – New York, 2003.

Irina Alexandrovna Kargapolova (Saint Petersburg, Russia)

SOCIOLOGY OF LANGUAGE AND LINGUISTIC REFLECTIVITY

The article focuses on speakers' negative attitudes towards lexical items that are formally correct yet rated as pretentious and ineffective, i.e. "superstandard" (non-U). They are seen as part of modified speech lacking in adequacy, competence and authenticity.

Keywords: folk linguistics, metalanguage, superstandard, U and non-U, synonyms, linguistic insecurity, social class

УДК 81'373

Е.В. Москвитин (Санкт-Петербург, Россия)

ПАРАДИГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ЛЕКСИЧЕСКИМИ И СЕМИОТИЧЕСКИМИ ЕДИНИЦАМИ НЕМЕЦКОГО ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО СОЦИОЛЕКТА

В статье выделяются в рамках немецкого железнодорожного социолекта семиотические единицы, и анализируются их парадигматические отношения (на разных и одинаковых уровнях абстракции) как друг к другу, так и к профессиональным лексическим единицам. В качестве семиотических единиц рассматриваются полулексические и семиотические номены, в том числе номера, а также железнодорожные знаки.

Ключевые слова: номены, синонимы, гипероним, гипоним, железная дорога, социолект, семиотические единицы

Техника и технические науки на сегодняшний день представляют собой прогрессивную и высокоразвитую отрасль человеческой деятельности и знаний. Но прогресс и развитость прослеживаются не только в собственно технике, но и в лексике, которая именуется ее и обслуживает вербальную коммуникацию специалистов. Другими словами, развивается техника – развиваются и слова, в которых отражается прогресс человечества в этой отрасли. Лексические инновации заключаются в создании слов с добавлением буквенно-цифровых символов, имеющих условный характер. Каждому такому символу соответствует определенная техническая информация, выражение которой языковыми единицами лексического и текстового уровня было бы ущербным для профессиональной коммуникации. Технические номены состоят, по терминологии С.В. Гринева-Гринева, из графической и цифровой морфем. Последняя, по нашему мнению, и есть лексическая инновация, имеющая семиотическую природу. Однако в некоторых номенклатурных единицах можно проследить явление, когда графическая морфема, являющаяся традиционно термином, заменяется условной буквенной символикой, за которой скрывается множество технических понятий и характеристик предметов. Такие единицы следует уже именовать семиотическими номенами (термин наш). К ним нужно относить и номерные

семиотические номены, где номер трактуется как символ объекта или понятия. Несмотря на то, что термины, технические номены (полулексические и семиотические) принадлежат разным кодам (языку и семиотическому коду соответственно), между ними существуют некоторые семантические отношения. В первую очередь, это обусловлено тем, что символы – это своеобразные заместители терминов, т.е. между ними уже заметна синонимия разной степени. Однако, помимо буквенно-цифровых символов, можно отметить разного рода графические или звуковые символы (например, ж/д знаки).

На примере подвижного состава из немецкоязычного пространства и немецкой железнодорожной терминологии продемонстрируем между лексическими и семиотическими единицами парадигматические отношения, среди которых различают отношения на разных и одинаковых уровнях абстракции. Под первыми подразумевается логическая иерархия денотатов. **Гиперонимом** в этой цепочке выберем термин *Lokomotive*, имеющий следующие **согипонимы**:

1) *Elektrolokomotive, Diesellokomotive, Dampflokomotive u Triebwagen (Triebfahrzeug)*. В свою очередь гипоним *Triebwagen* распадается также на ряд подмножеств:

2) *Dampftriebwagen, Elektrotriebwagen, Verbrennungstriebwagen, Akkumulatortriebwagen u Dieselelektrischetriebwagen*. Надо отметить, что согипонимы отражают классификацию подвижного состава по типу тяги, но возможны и классификации по другим признакам (например, по предназначению (*Reisezuglokomotive, Güterzuglokomotive*)). Далее *Elektrotriebwagen* распадается на:

3) *ICE Züge, Straßenbahn, S-Bahn, U-Bahn, FLIRT*. Последующее родо-видовое деление невозможно, и здесь наступают отношения **целое – часть**, которые можно отразить на примере *ICE Züge*. Этот термин обозначает понятие типа высокоскоростного моторно-вагонного подвижного состава, состоящий из:

4) *Triebkopf, Steuerwagen, Sitzwagen, Bordrestaurant, Servicewagen. Triebkopf*, в частности, состоит из:

5) *Motor, Stromabnehmer, Führerstand, Drehgestelle*.

6) Вместе с этим, термин *ICE Züge* имеет отношения **общее – частное** с техническими номенами *ICE 1, ICE 2, ICE 3*.

7) ICE 1 (InterCityExpress первого поколения) состоит из установленного количества вагонов определенного типа. Поэтому данный номен является **целым** для полулексического номена BR 401 и семиотических номенов *Bvmz 802, ASmz 803, Avmz 801, Wsmz 804*.

8) Однако ICE 1 – это множество поездов, поэтому указанный номен вступает в отношения **общее – частное** с номеном *Tz 108* или *Tz 190*, обозначающий уже конкретный железнодорожный состав. При этом, аналогичная ситуация наблюдается и с типами вагонов этого поезда: каждый тип представлен конкретными вагонами, относящимися только, например, к составу *Tz 108*.

9) Таким образом, прослеживаются отношения **часть – целое** между этим полулексическим номеном *Tz 108* и следующими семиотическими номенами: *Bvmz 802 051-3, ASmz 803 105-6, Avmz 801 001-9, Wsmz 804 028*.

10) Кроме этого, парадигматические отношения на одинаковых уровнях абстракции можно также отметить между семиотическими и лексическими единицами: *Tz 108* соответствует ониму *Lichtenfels*, (названия станции назначения этого поезда), тем самым они состоят в **синонимических отношениях**, проявляющиеся однако лишь в микроконтексте (*ICE Lichtenfels*). При этом *Tz 108* и *Lichtenfels* это **частное ICE 1**, как в примере с *Tz 241 = Bad Hersfeld < ICE 2*. Также номера рейсов поездов, выраженных техническими номенами, контекстуально синонимичны с онимами, обозначающими пункты отправления и прибытия: *EN 463 = München – Wien, RE 83990 = Berlin – Cottbus*.

11) Семиотические номены *Wsmz 804* и *Wsmz 807* являются идеографическими синонимами, так как *Wsmz 804 = Speisewagen, Wsmz 807 = Servicewagen, Speisewagen ≈ Servicewagen* (в ICE 2). Так же *Bvmz 802* и *Avmz 801* – идеографические синонимы. Первый – *2. Klasse Sitzwagen*, второй – *1. Klasse Sitzwagen*, эти понятия пересекаются частично. Как *ASmz 803* и *Bvmz 802*, так и *ASmz 803* и *Avmz 801* можно именовать контекстуальными синонимами, потому что первый номен может соотноситься с терминами *2. Klasse Sitzwagen* и *1. Klasse Sitzwagen* в определенном контексте, несмотря на то, что этот номен «этикетирован» конкретный *Servicewagen*. Здесь *ASmz 803, Avmz 801, Bvmz 802* имеют общую сему *Sitzplätze*. Идеографические синонимы

можно наблюдать и между такими номенами, как *BR 401, BR 402* (головные моторные вагоны ICE разных поколений). С ними контекстуально синонимичен номен *Bmpzf 808 (Steuerwagen)*, который лишь в определенной ситуации может трактоваться как *Triebkopf (частное для BR 401, BR 402)*. В качестве общей семы выступает *Führerstand*. Из этих примеров видно, что синонимические отношения между семиотическими единицами, выраженными буквенно-цифровыми символами, зависят от тех терминов, с которыми они соотносятся. Однако номенам не свойственна синонимия с их терминами: между ними прослеживаются исключительно иерархические отношения **часть – целое** или **общее – частное**, в то время как между профессиональными лексическими единицами возможны гиперонимо-гипонимические отношения.

Также и на примере грузовых вагонов можно проиллюстрировать иерархические отношения: термин *Schiebendwaggon* является **общим** по отношению к **частному** семиотическому номену *Hbis 294* (конкретный тип вагона), который в свою очередь соответствует **частному** *Hbis 294 21 80 225 0 256 – 9*. К указанному термину «привязаны» и такие номенклатурные семиотические единицы как *Hbins-tt 292* или *Habbiins 344 (частное)*. Являясь частным случаем указанного термина, они представляют собой идеографические синонимы по отношению друг к другу.

Если номенклатурные единицы, обозначающие единицы подвижного состава, не выявили абсолютные синонимические отношения, то их можно проследить на примере графических символов и полулексических номенов. В немецкой железнодорожной отрасли принято каждому типу сигнала светофора или знаку давать номенклатурное обозначение. Например, номен *Hp 0 = символ «2 красных сигнала светофора» = «верхнее крыло семафора в горизонтальном положении» = команда „Halt“, H1 6a = символ «желтый, над ним зеленый мигающий» = команда „Fahrt 40 km/h, 100 km/h erwarten, Wn5 = символ «две белые полосы, образующий открытый угол налево» = команда „Bogen von links nach links“.*

Примечательно, что возможно проявление синонимии в паре жаргонизм – номен, как в примерах *ICE 1 = Schwangerer Bleistift, Zollstock, ICE 2 = Scheunentor, Schweineschnäuzchen, BR*

101 080-0 = *Kopfwehlok*, BR 232 = *Ludmilla*. Однако эти примеры иллюстрируют стилистические синонимы.

На основании анализа примеров сделан ряд выводов. Вербальные семиотические единицы (полулексические и семиотические номены, графические символы) способны вступать в семантические отношения как друг с другом, так и с лексическими единицами, несмотря на то, что они включены в разные кодовые системы. По этой причине такие единицы стоит включать в тезаурусы. Номенклатурные единицы, включенные в тезаурус, обладают широким интенционалом. Чем сложнее номен, тем уже становится экстенционал. Лексика при иерархическом делении не достигает нулевого экстенционала, за нее это делают номенклатурные единицы. Таким образом, предел тезауруса образуют семиотические номены. Вместе с этим они могут образовывать свою собственную иерархическую цепочку и иметь друг с другом синонимические отношения. Они в свою очередь зависят от своих терминов, с которыми они соотносятся. Поскольку номены именуют конкретные предметы, их синонимия носит относительный характер. Хотя они и могут соотноситься с одинаковыми понятиями (т.е. с одинаковыми терминами), их денотаты всегда будут разными, а значит, номены могут быть идеографическими либо контекстуальными синонимами. Между ними и графическими символами, однако, наблюдается абсолютная синонимия. При этом контекстуальные синонимы отмечены в паре «технический номен – оним».

Список литературы

- Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение. М., 2008.
 Ольшанский И.Г., Гусева А.Е. Лексикология: Современный немецкий язык = Lexikologie: Die deutsche Gegenwartssprache. М., 2005.

Moskvitin Evgeniy Vladimirovitch (Saint Petersburg, Russia)

PARADIGMATIC RELATIONS BETWEEN LEXICAL AND SEMIOTIC UNITS OF THE GERMAN RAILWAY SOCIOLECT

In this article semiotic units are defined as a part of the German railway sociolect. Their paradigmatic relations are analyzed on different levels of abstraction to each other and to professional lexical units. As semiotic units the author considers halflexical and semiotic nomens, including serial numbers, and railway signs too.

Keywords: nomens, synonym, hyperonym, hyponym, railway, sociolect, semiotic units

УДК 8.085.13.03

О.Е. Филимонова (Санкт-Петербург, Россия)

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ

В статье рассматриваются некоторые черты, свойственные речи детей-билингвов, владеющих английским и русским языками. Рассматриваются случаи замены полнозначных и служебных русских слов английскими, грамматические нарушения под влиянием английского языка, инкорпорирование английских морфем в структуру русского слова, использование синонимов в речи, столкновение национальных картин мира.

Ключевые слова: билингвизм, освоение языка, выбор слова, инкорпорирование, смешение структур, когнитивная модель, ситуация общения, регистр общения, комический эффект

Полилингвизм, или многоязычие, также называемое мультилингвизмом, определяется как употребление нескольких языков в пределах определенной социальной общности (прежде всего государства), а также как употребление индивидуумом или группой людей нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с конкретной коммуникативной ситуацией. Преобладающее одноязычие общества не исключает многоязычия отдельных членов этого общества. Многоязычие реализуется чаще всего в форме двуязычия, или билингвизма [Лингвистический энциклопедический словарь, 1990, с. 303].

Процессы глобализации современного мира приводят к тому, что число билингвов, людей в равной степени владеющих двумя языками, неуклонно растет. Д. Кристал пишет о различных причинах билингвизма, в частности, политических и религиозных, отмечая также, что билингвизм может быть вызван необходимостью сохранить культурные или этнические традиции и идентифицировать себя с национальной культурой. Его причиной, кроме того, может быть невозможность получить образование на родном языке, а также природные катаклизмы, стихийные бедствия и новые языковые контакты, появляющиеся в результате вынужденных переселений людей [Crystal, 1987, p.360].

Анализируя языковую ситуацию с двуязычием во Франции, Н.Ф. Алефиренко выявляет, в частности, гипергlossию, то есть

двуязычие, при котором правящая, научная, политическая элита страны наряду с родным французским языком пользуется иностранным (в настоящее время английским) и гипогlossию – двуязычие иммигрантов [Алефиренко, 2005, с. 259].

В данной статье речь пойдет о билингвизме, который намеренно культивируется в современных семьях, где один из родителей является носителем английского языка, а второй – русского. Число таких семей достаточно велико, и независимо от того, в какой стране они проживают, родители в таких семьях, как правило, стремятся к тому, чтобы их дети в равной степени владели как английским, так и русским языком. Причины такого рода билингвизма не являются ни политическими, ни экономическими, ни религиозными. Такой билингвизм является намеренно культивируемым с целью духовного роста и расширения кругозора детей, сохранения ими культуры и традиций страны происхождения одного из родителей.

Мы в течение нескольких лет изучали речь двух детей (трех и шести лет) в семье, проживающей в Великобритании, где русские родственники общались с детьми преимущественно на русском языке. Соответственно, мы опишем ситуации взаимодействия двух языков в речи детей на русском языке.

Наиболее часто нам встречались высказывания на русском языке, в которых вместо русского существительного употреблялось английское. Так, взволнованный ребенок вбегает в комнату и кричит: *В нашем саду прыгнула, возникла, появилась a frog!* Любопытно то, что забыв русское слово «лягушка», ребенок все-таки правильно употребил здесь глаголы с окончаниями женского рода в отличие от предложений «*Это наш princess*»; «*Я делал страшный mask*». Неудивительно, что отсутствие грамматических показателей рода в английском языке создает сложности при освоении русского языка билингвами. Для мальчиков, речь которых анализируется в данной статье, дополнительная трудность при овладении русским языком состояла в том, что русскоговорящими в их окружении были преимущественно женщины, поэтому мальчики, привыкшие слышать разговоры женщин между собой, говоря о себе, долгое время (почти до трех лет) употребляли окончания женского рода: *я пришла, я сделала и т.п.* В вышеприведенном примере про лягушку интересно так-

же употребление ряда глаголов, контекстуальных синонимов – *прыгнула, возникла, появилась*. Такое избыточное употребление глагольных единиц в ситуации сильного волнения свидетельствует, на наш взгляд, о трудности выбора подходящего слова, о поиске наиболее адекватного выражения, которое ребенок в результате находит. Слово «появилась» совершенно правильно отражает описываемую ситуацию, в то время как употребление глагола «возникла» создает комический эффект и в то же время отсылает нас к фольклорной, сказочной картине мира.

Проиллюстрируем сложности в выборе правильного глагола еще одним примером. Ребенку во время прогулки в саду не разрешали подходить к пруду. Для того, чтобы запрет подействовал, сказали, что там живет водяной и объяснили, кто это такой, а также проиллюстрировали это словами из детской песенки «Я водяной, я водяной. Никто не водится со мной». Мальчик спросил: «Что такое «не водится»? Ему объяснили, что «водиться» значит «играть, разговаривать, общаться». Через несколько дней мальчик «усовершенствовал» текст детской песенки, напевая: «Я водяной, я водяной! Никто не общается со мной». Усвоив существительное, ребенок не мог оценить игру слов с глаголом «водиться», но в то же время из контекстуальных синонимов выбрал наиболее «взрослое» и сложное слово «общаться». Таким образом, комический эффект оказался двойным.

Сложность в выборе подходящей формы глагола иллюстрирует следующий пример: Вопрос взрослого: «Что ты сегодня делал»? Ответ ребенка: «Шел на тэквондо, шел на драму» (имеется в виду посещение кружков). Здесь мы наблюдаем смешение форм глаголов «идти» и «ходить».

Определенные сложности представляют для билингвов русские приставки, их смешение может производить комический эффект: «Мама, мне холодно. Подогрей меня».

Иногда сложности возникают и с использованием русских указательных местоимений. Несмотря на то, что ребенок с ранних лет знаком с указательным местоимением «это» и регулярно его употребляет, он, тем не менее, затрудняется в склонении этого местоимения, что приводит к вставкам английских местоимений *this* и *that* в русское предложение, где речь идет о наведении порядка в комнате после игры: «Ты убирай *this* часть, а я буду убирать *that* часть».

Любопытно, что английские слова могут инкорпорироваться не только в структуру предложения, но и внутрь слова, что приводит к замене корневых русских морфем на английские, как в следующем примере:

Вопрос: «Что ты хочешь на ужин»? Ответ: «*Надо nothinkать*».

Аналогичные процессы наблюдаются и в речи детей-билингвов на английском языке, как в следующем примере, когда на просьбу матери на русском языке «Петя, не чеши ногу», ребенок отвечает: «*I am not cheuwing it*».

В речи детей младшего возраста типично включение в структуру русских предложений связочного глагола *to be* в личной форме: «*Луна is плохой*»; «*The девочка is плачет*». В последнее предложение включен также определенный артикль *the*. Часто и введение неопределенного артикля, как в следующих примерах, где ребенок называет то, что он видит на картинках в книге: «*Это a crocodile, это a червяк, это a улитка*».

Помимо служебных слов в русские предложения могут вводиться английские наречия: «*Мама, ребенок still плачет*». Данный пример говорит о том, что русское наречие «еще» не входит в активный словарь трехлетнего билингва.

Для раннего возраста характерно смешение типичных синтаксических структур английского и русского языков в стереотипных ситуациях. Это может приводить к таким «гибридам», как следующее высказывание: «*Время for кушать*». Здесь мы наблюдаем конвергенцию двух стереотипных фраз, а именно английской “*Time for lunch/dinner*” и русской «Пора кушать/обедать». Превалирование в мышлении англоязычных когнитивных моделей и синтаксических структур может приводить к возникновению высказываний на русском языке, в которых когнитивный конфликт возникает на морфологическом и синтаксическом уровнях. В предложении «*Пока ты уйдла, я почитаю эту книжку*» нарушение норм русского языка вызвано, видимо, переносом типичной для английского языка синтаксической модели английского придаточного предложения времени или условия с характерным для него употреблением глагола в настоящем времени и сложностью выражения мысли на русском языке с употреблением глагола в будущем времени: «*Пока тебя не будет, я почитаю эту книжку*» или «*Когда ты уйдешь, я почитаю эту*

книжку». В результате используется гибрид императива «*уйди*» и прошедшего времени «*ушла*». То, что императив привычен для ребенка, неудивительно, ведь дети постоянно слышат просьбы и указания взрослых, побуждающие их к выполнению каких-либо действий. Поэтому появление следующего высказывания на английском языке, инкорпорирующего русскую фразу с глаголом в повелительном наклонении, также легко объяснимо: “*I am not going to читай эту, I am going to look at the pictures*”. Здесь, как мы видим, у говорящего возникли сложности с употреблением известного ему инфинитива глагола. В то же время, иногда русский инфинитив ошибочно инкорпорируется в английское предложение. Рассмотрим высказывание трехлетнего ребенка: “*I am in ругаться*”. Из ситуации общения ясно, что ребенок сердится и хочет сообщить о своих чувствах. Английское начало предложения *I am in* может быть продолжено добавлением существительного *rage/anger*, что представляет для ребенка сложность. Употребление подходящего русского глагола в личной форме «Я сержусь/рассердился.» также затруднительно для ребенка. Он выбирает упрощенный вариант инфинитива, связанный с эмоциональным состоянием причинно-следственной связью: если взрослые сердятся на ребенка, они его ругают. Совмещение языков в одном предложении встречается при выражении эмоций и у шестилетнего ребенка. На вопрос: «Что ты делаешь?» он отвечает: «*Я очень feel sad*». Здесь, напротив, в русское предложение инкорпорируется английская эмотивная фраза.

Столкновение национальных картин мира в мышлении детей-билингвов иногда приводит к продуцированию в их речи высказываний, совмещающих разные регистры речи. Рассмотрим пример разговора с шестилетним ребенком после посещения Эрмитажа. Вопрос: «Что ты видел в Эрмитаже»? Ответ: «*Я видел Геракла, воинов, стул, на котором сидел Петя Первый*». Очевидно, что ответ мальчика отсылает нас к обыденной ситуации (стул, Петя). Для него не существует разницы между коннотативными значениями слов «стул» и «трон» или именами «Петр I» и «Петя». Несмотря на то, что ребенок неоднократно слышал имя Петра I, а английское слово “*throne*” созвучно русскому «трон», в его картине мира еще не произошло закрепление информации о том, что государя называют полным именем и он сидит на троне.

На вопрос: «Ты знаешь, кто такой Петр I?» следует ответ: «*Да, знаю. Русский король*». В последнем примере нет нарушения регистров общения, тем не менее, высказывание воспринимается как ошибочное, поскольку русские монархи именовались царями и царицами, а не королями или королевами, как в Великобритании и других европейских странах.

Мы остановились лишь на некоторых лексических, грамматических и стилистических особенностях речи детей-билингвов. Однако необходимо отметить, что двуязычие характеризуется и своеобразием фонетических навыков говорящих на двух языках, в частности, интерференцией русской и английской интонаций. Так, английский учитель начальной школы, говоря родителям об успехах их шестилетнего ребенка в чтении, отметил, что у него иногда наблюдается преобладание нисходящей интонации. Такой тип интонации характерен именно для русского языка, поэтому в этом случае можно говорить о влиянии русских интонационных особенностей на английские. В то же время, когда дети-билингвы говорят на русском языке, обращает на себя внимание обилие предложений с восходящим тоном в тех случаях, где русские использовали бы нисходящий. Иначе говоря, этот процесс идет в двух направлениях – английская интонация влияет на русскую и наоборот. Любопытно, что в последнее время стали говорить о моде в среде русской молодежи, особенно в деловых кругах, использовать английскую интонацию с восходящей шкалой.

В настоящей статье речь шла преимущественно о влиянии английского языка на речь детей на русском языке. Мы почти не затрагивали процессы влияния русского языка на речь на английском языке. Это объясняется тем, что автор статьи намеренно использовала в общении с детьми почти исключительно русский язык.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. М., 2005.
 Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
 Crystal D. The Cambridge Encyclopedia of Language. Cambridge, New York, Port Chester, Melbourne, Sydney, 1987.

Filimonova Olga Yevgenyevna (Saint-Petersburg, Russia)

SOME SPEECH CHARACTERISTICS OF BILINGUAL CHILDREN

The article focuses on some speech characteristics of bilingual children who speak Russian and English. Examples of the replacement of Russian words by English ones are studied as well as the violation of Russian grammar rules under the influence of English, the incorporation of English morphemes into the structure of a Russian word, the use of synonyms in speech and the clash of the national pictures of the world.

Keywords: *bilingualism, language acquisition, word choice, incorporate, replacement of structures, cognitive model, communicative situation, communication register, comic effect*

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

УДК 81'374

*В.В. Кабакчи (Санкт-Петербург, Россия)
К.А. Егорова (Псков, Россия)*

E-LEXICOGRAPHY СЛОВАРЯ КСЕНОНИМОВ

В статье рассматривается необходимость создания электронного словаря русскокультурных ксенонимов в английском языке на базе проведенных многолетних исследований в области интерлингвокультурологии.

Ключевые слова: *интерлингвокультурология, электронная лексикография, ксенонимы-русизмы, словарь ксенонимов, Большой Оксфордский словарь, ксенонимический корпус*

Глобализация, сопровождающаяся доминированием английского языка («глобанглизацией»), поставила перед неанглоязычными народами задачу овладения английским языком в качестве вторичного средства своего культурного выражения. Нами было создано самостоятельное направление лингвистики – «интерлингвокультурология» (ИЛКология) [Кабакчи, Белоглазова, 2012, с. 4]. Краеугольным положением ИЛКологии является двойственный характер языка, который, с одной стороны, является средством общения землян вообще, с другой стороны, это средство общения конкретной лингвокультурной общности. Поскольку серьезным препятствием в межкультурном общении являются так называемые «языковые реалии», мы основное внимание направили на изучение способов их иноязычного выражения.

Наибольший интерес в эпоху «глобанглизации» представляет английский язык, обращенный в область иноязычной культуры (т.е. Foreign-Culture-Oriented English, FCOE). На протяжении нескольких десятков лет мы изучали языковые особенности частного случая этого феномена – английский язык, обращенный в область русской культуры (Russian-Culture-Oriented English, RCOE).

В целях получения объективных данных о специфике RCOE при формировании корпуса текстов (в то время неоцифрованно-

го), которые должны были стать материалом исследования, мы выбирали (преимущественно) оригинальные («аутентичные», т.е. непереводаемые) англоязычные описания русской культуры, созданные носителями родного или (реже) второго английского языка.

В ходе исследования стало целесообразно уточнить номенклатуру наименований элементов культуры. Для этого вербальные наименования элементов культур, независимо от их языка, мы обозначили термином «культуронимы». Специфические культуронимы мы обозначили термином «идиокультуронимы», и они, таким образом, соответствуют традиционным языковым реалиям. Далее мы разделили идиокультуронимы на две группы: идионимы и ксенонимы. «Идионимы» – это идиокультуронимы данного языка, исходные наименования реалий, наименования «своей», «внутренней», культуры; например: «самовар», «Волга», «царь» – это идионимы русской лингвокультуры в рамках русского языка. Между тем, «ксенонимы» – это иноязычные, «чужие» реалии. При таком подходе «samovar», «Volga», «tsar» – это ксенонимы-русизмы в рамках английского языка [Кабакчи, 1998, с. 16–21].

Языковой статус ксенонимов подтверждается фактом включения их в словники словарей, в том числе, наиболее авторитетного словаря английского языка – Большого Оксфордского словаря (Oxford English Dictionary, далее – БОС, и/или OED). Наши исследования показали, что выход языка из привычной для него области внутренней культуры и вторжение в иноязычную (внешнюю) культуру неизбежно сопряжены с появлением в тексте соответствующих ксенонимов. Итогом нашего изучения RCOE стало создание англо-английского словаря англоязычных ксенонимов русской культуры, включающего 2500 ксенонимов-русизмов [Кабакчи, The Dictionary of Russia 2002, далее – DR].

Число ксенонимов различных культур по данным БОС

Произведённые нами предварительные и весьма приблизительные подсчёты показывают, что ксенонимы составляют *шестью частью* словарного состава английского языка, однако в случае БОС точную цифру определить трудно, поскольку его составители не рассматривают ксенонимы в качестве самостоятельной

единицы словаря. Правда, при обращении к заимствованному русизму, представленному в словаре, словарь даёт возможность «browse entries of similar origin», т.е. делает ссылку на вокабулы подобного же происхождения, в том числе и в сопоставлении с ксенонимами других культур. Вот данные по наличию в словаре заимствований из различных языков (список сокращённый): латинский язык (Latin) – 40304; французский язык (French) – 23151; греческий язык (Greek) – 8145; немецкий язык (German) – 3479; итальянский язык (Italian) – 2077; испанский язык (Spanish) – 1728; японский язык (Japanese) – 501; хинди (Hindi) – 500; русский язык (Russian) – 400; португальский язык (Portuguese) – 393; китайский язык (Chinese) – 325; чешский язык (Czech) – 22; украинский язык (Ukrainian) – 2.

Однако, к количеству русизмов, 400, следует относиться весьма осторожно, поскольку составители включили в это число множество этнонимов, которые никак к русизмам не могут быть причислены. Кроме того, там присутствуют научные термины, которые к культуронимам также нельзя отнести. Достаточно взглянуть на начало этого списка: Abaza, 1693; Abkhaz, 1686; adaptogen, 1966; Adjar, n. and adj. 1848; Adyghe, 1799. Правда, словарь указывает, что этнонимы пришли в английский язык непосредственно из русского языка.

В то же время за рамками данного списка БОС по каким-то причинам осталось множество ксенонимов-русизмов (более 80), которые, однако, появляются в словаре. Вот некоторые из них: Chekhovian <> Church Slavonic <> Commonwealth of Independent States <> Kremlin <> Pioneer <> socialist realism <> Spartakiad <> Tolstoyan <> tsarina | czarina <> White Army <> zek.

Структура статьи словаря ксенонимов

Структура статьи ксенонимического словаря и статьи ксенонима в БОС во многом совпадает, однако имеются и существенные различия, которые начинаются с определения базового слова. Словарь DR является новаторским в том отношении, что он одновременно и моно- и билингвистический. Таким его делает специфика построения словника, в котором обязательно представлен в транслитерации русский идионим прототип ксенонима. Так, в качестве базового слова приводится collective farm,

но в то же время в словнике присутствует транслитерированный идионим *kolkhoz*. Наряду с базовым словом *Thaw* приводится русизм *otterpel'* с отсылкой к базовому слову.

При таком подходе русизмы «старовер», «старобрядец» в словаре DR подаются в статье *Old Believer*, поскольку данный вариант рассматривается как «предпочитаемый» (*preferred*) в RCOE. Иными словами, в статье приводятся все варианты данного ксенонима, встречающиеся в практике англоязычного описания русской культуры. Например, в случае идионима «могучая кучка» в качестве базового слова была избрана транслитерация *Moguchaya kuchka*, а также представлены варианты *the Five*; *the Mighty Handful/Band/Coterie*.

Если транслитерированный русизм не используется в качестве базового слова, он вводится в статью в качестве вспомогательной номинации, наряду с русизмом трансплантатом, который обеспечивает абсолютную обратимость ксенонима: *skomorokh historical&folk art* (Russ. *скоморох*; *plural skomorokh*)

В этой связи система транслитерации идионимов-русизмов играет важную роль в составлении словаря. Поскольку общепринятой системы транслитерации до сих пор нет, мы в словаре DR использовали ту, которая используется в *Cambridge Encyclopedia of Russia* (она в основном базируется на *British Standard*). Однако вопрос остаётся открытым, и данный выбор может рассматриваться исключительно в качестве т.н. «*The House Style*».

Диахрония и синхрония ксенонимического словаря

Ксенонимический словарь прежде всего ориентирован на синхронию RCOE в отличие от БОС, который изначально был основан на «исторических принципах» (*on Historical Principles*). БОС позволяет проследить динамику развития ксенонима, проследить процесс *реставрации* [Кабакчи, 1998, с. 127, 216–217]. В частности, идионим «копейка» впервые зафиксирован в цитате конца XVII века:

To spend every Copec (or Penny) they have, in a Tippling-House, is a common thing here. (J. Crull *Antient & Present State Muscovy*, 1698; OED1 Online 2013 *copeck*)

Составители приводят в этой статье такие варианты его написания:

Forms: Also 16–17 *соpec*, 17 *соpeik*, *соrique*, *саpecck*, *кареке*, 17–18 *соpeek*, 18 *коpek*.

Это очень интересная информация, но для синхронии RCOE важно то, что сегодня вариант *соpecck* архаичен; вариант *коpekck* используется преимущественно в британском, а вариант *коpek* – в американском варианте английского языка.

БОС проводит очень строгий отбор «претендентов» на членство в его клубе, и порою новичкам приходится проходить длительный срок ожидания признания членства. Так, например, во второе издание Большого Оксфордского словаря (OED2, 1989) вошли русизмы, которые, судя по дате их первого употребления, приводимого в словаре (ниже она приводится в скобках), ждали немало лет, прежде чем получили признание, в том числе: *ataman* (1835); *balaclava* (1881); *balalaika* (1788); *blin* (1889); *doukhobor* (1876); *duma* (1870); *omul* (1706).

Как видим, рекордсменом по длительности ожидания можно считать русизмы *omul* (283 года) и *balalaika* (201 год). Такой подход к включению слов в словник с «запозданием» мы называем *лексикографическим отставанием в регистрации* (*lexicographic registration lag*) [Кабакчи, 1998, с. 38–39]. Ксенонимы занимают периферию словарного состава, и это во многом объясняет неторопливость консервативных лексикографов в регистрации новых поступлений. Ксенонимический словарь должен быстрее реагировать на его пополнение. В частности, в современном ксенонимическом словаре RCOE непременно должны присутствовать такие ксенонимы, как: *ataman* <> *banya* <> *Ded Moroz* <> *dekulakization* <> *elektrichka* <> *FSB* <> *Hermitage* <> *kompromat* <> *kulich* <> *marshrutka* <> *Peredvizhniki / Wanderers* <> *skomorokhi* <> *Snegurochka* <> *state farm* <> *Time of Troubles* <> *yolka*.

Фактор лингвистичности Большого Оксфордского словаря

На составление словника словаря влияет его целеустановка, в частности, лингвистичен он или энциклопедичен. БОС в значительной мере лингвистичен, хотя постепенно он и отстает от исключительности в этом подходе. Тем не менее, избрание такой стратегии заставило составителей исключить, например, из его словника ксенонимическую ономастику, в то время как в любой более или менее объёмной англоязычной работе по иноязыч-

ной, в том числе и русской, культуре значительная, а зачастую бульшая, часть ксенонимов – это собственные имена. Между тем, составители БОС предпочитают вводить не имена существительные, а образованные от них прилагательные:

Chekhovian, *adj.* and *n.* Of, pertaining to, or characteristic of the work of the Russian writer Anton Pavlovich Chekhov (1860–1904) (OED).

Именно этим объясняется отсутствие в БОС таких ксенонимов-русизмов как Bolshoi (Theater) <> Hermitage (Museum) <> Kievan Rus <> Lenin (зато присутствует русизм Stalin и многие производные от него) <> Time of Troubles <> Yalta.

Таким образом, следует отличать *специальный* словарь ксенонимов, каковым, в частности, является словарь *The Dictionary of Russia* с его 2500 ксенонимами, от просто толкового словаря (general purpose dictionaries), к которым относится и БОС. Отсюда различное число ксенонимов-русизмов, регистрируемых данными словарями.

Лексикография ксенонимов в эру корпусной лингвистики

В процессе работы на втором издании словаря *The Dictionary of Russia*, который в данный момент реализуется совместно с издательством K Dictionaries, мы ощутили острую нехватку единого электронного корпуса русскокультурных ксенонимов, который значительно облегчил бы лексикографическую работу редакторов словаря, а также послужил бы уникальной базой данных для отбора наиболее частотных ксенонимов и их иллюстративных примеров употребления. Более того, в создании подобного корпуса назрела острая необходимость, обусловленная дальнейшим развитием ксенонимической лексикографии на современном уровне компьютерной лингвистики. Существующий банк данных цитат, собиравшийся В.В. Кабакчи на протяжении нескольких десятилетий, охватывает огромное количество текстов о России. Но эти данные, собранные вручную, безусловно, нуждаются в переработке, дополнении новыми источниками, и самое главное, – в их объединении в единую электронную базу или корпус. Электронный корпус ксенонимов предоставил бы еще больше доказательств базовых закономерностей РСОЕ для лексикографических и других прикладных лингвистических исследований.

Самым известным и обширным корпусом английского языка является Британский Национальный Корпус (*British National Corpus*, BNC, <http://www.natcorp.ox.ac.uk/>). Он насчитывает 100 млн словоупотреблений из научных и научно-популярных текстов, а также из современных газетных, журнальных статей и является своего рода «золотым стандартом» в корпусной лексикографии английского языка. Большой Оксфордский Словарь, в частности его электронная версия, доступна на <http://www.oed.com/>, была создана также с помощью корпуса BNC при совместном использовании других электронных баз данных: *Early English Books Online*, *Eighteenth Century Collections Online*, *Times Digital Archive*, *British Newspapers 1800–1900* и *Google Books*. Такое разнообразие источников позволяет освещать процесс формирования английского языка как в диахроническом, так и синхроническом аспекте и предоставляет возможность выбора иллюстративных примеров употребления того или иного слова в различных контекстах.

Однако столь репрезентативный, на первый взгляд, лексикографический корпус БОС имеет и свои недостатки с точки зрения отражения основных закономерностей ксенонимической лексикографии. В частности, в ходе проведенного нами исследования было установлено, что БОС не использует тексты современных путеводителей в качестве источников цитирования. Однако путеводители представляют собой богатый материал для исследователей, поскольку иноязычные ксенонимы встречаются в них чаще, чем в других видах научно-популярных текстов [Егорова, 2013]. Очевидно, что невключение современных англоязычных путеводителей в лексикографический корпус БОС объясняется в большей степени тем, что данный словарь носит лингвистический, нежели энциклопедический характер, о чём уже было сказано выше в данной статье. Таким образом, на примере Большого Оксфордского Словаря, понятно, что лексикографические корпуса *general purpose dictionaries* созданы с учётом задач, отличных от задач специализированных словарей, каковым является словарь ксенонимов. В связи с этим очевиден тот факт, что создание ксенонимического корпуса, ориентированного на русскую культуру, невозможно осуществить на базе уже существующих английских корпусов.

Проект создания ксенонимического корпуса русизмов

Безусловно, такой масштабный и амбициозный проект требует значительных вложений, как финансовых, так и временных, однако в условиях «глобанглизации» и ослабления позиций русского языка создание такого корпуса представляется актуальным. Проект должен быть основан на совместной работе команды программистов, лексикографов и компьютерных лингвистов с использованием современных технологий обработки данных.

Прежде всего, потребуются оцифровка всех существующих англоязычных текстов о России, накопленных в течение нескольких столетий, что представляет собой колоссальный объем информации. Чем разнообразнее и обширнее будет корпус включенных источников, тем большими подтверждениями базовых закономерностей RCOE будут располагать лексикографы. На втором этапе, не менее важном, потребуется интеграция полученных цифровых данных с системой обработки запросов (Corpus Query System, CQS), которая будет использоваться лексикографами в ходе работы с корпусом. На основании данных частотности в корпусе того или иного слова, а также с помощью ряда других параметров, полученных с помощью CQS, составляется словник будущего словаря. На третьем этапе необходимо будет произвести отбор иллюстративных примеров употребления ксенонимов в полученном электронном корпусе для дальнейшего включения в словарь. В процессе создания ксенонимического словаря важно, чтобы отобранные примеры подтверждали основные закономерности RCOE.

При условии выполнения всех этих трех этапов возникнут благоприятные условия для создания корпуса русскокультурных ксенонимов. Данный корпус в будущем сможет найти широкое применение не только среди лексикографов, но и среди лингвистов, чьи исследования построены на изучении русской культуры. Мы уверены, что подобный проект явился бы значительной вехой в развитии корпусной ксенонимической лексикографии и современной российской лингвистики в целом, а также способствовал бы популяризации русской культуры.

Список литературы

Егорова К.А. Лингвистические особенности бытовой лексики туризма на материале аутентичных англоязычных путеводителей по России: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб, 2013.

Кабакчи В.В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб: РГПУ, 1998.

Кабакчи В.В. The Dictionary of Russia. СПб, 2002.

Электронные источники

Кабакчи В.В., Белоглазова Е.В. Введение в интерлингво-культурологию. СПб, 2012. [Электронный ресурс]. URL: http://elibrary.finec.ru/materials_files/407417279.pdf (дата обращения: 19.04.2015).

Oxford English Dictionary: [сайт]. URL: <http://www.oed.com/> (дата обращения: 19.04.2015).

Kabakchi Viktor Vladimirovich (Saint Petersburg, Russia)

Yegorova Kseniya Alekseyevna (Pskov, Russia)

E-LEXICOGRAPHY OF A XENONYMIC DICTIONARY

The article focuses on a current need in making an electronic dictionary of Russian xenonyms in the English language. The theoretical framework of the project is underpinned with the longstanding research in the field of interlinguoculturology.

Keywords: interlinguoculturology, e-lexicography, Russian xenonyms, xenonymic dictionary, Oxford English Dictionary, xenonymic corpus

УДК 81.272

*И.О. Ситникова (Санкт-Петербург, Россия)
Е. С. Вабищевич (Дрезден, Германия)*

ОТРАЖЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В СЛОВАРЕ СОЧЕТАЕМОСТИ ИЗДАТЕЛЬСТВА DUDEN

В статье прослеживается, как за несколько десятилетий в словаре сочетаемости издательства Duden изменилось отражение двух гендерных стереотипов: 1) о деятельной натуре и активности мужчин, 2) об интеллектуальном превосходстве мужчин над женщинами.

Ключевые слова: гендерный стереотип, гендерная асимметрия, диахронический аспект, иллюстративный контекст, словарная статья

Гендерные стереотипы, которые можно определить как социально обусловленные представления о личностных качествах, поведенческих моделях и социальных ролях мужчин и женщин, традиционно являются объектом исследования не только социологии и психологии, но и лингвистики. Представители лингвистической генерологии анализируют языковые структуры и тексты разного типа для получения информации о том, какие представления о мужественности и женственности зафиксированы в сознании носителей языка, и как происходит смена данных представлений во времени.

Попытка проследить, как гендерные стереотипы находят отражение в немецкоязычных словарях, а точнее в иллюстративных контекстах, сопровождающих дефиниции в словарных статьях, впервые была предпринята одной из самых ярких представительниц немецкой феминистской критики языка Луизой Пуш. В 1984 году была опубликована работа „Das DUDEN-Bedeutungswörterbuch als Trivialroman“, в которой автор анализирует иллюстративные контексты 26 словарных статей толкового словаря издательства Duden с точки зрения представленных в них мужских и женских образов. В результате анализа Л. Пуш, во-первых, удалось установить пятикратное количественное преобладание мужских образов над женскими, что, по ее мнению, отражает «ранжирование в реальной жизни»¹. А во-вторых, Л. Пуш констатировала, что

¹ Здесь и далее перевод наш.

составители словаря представляют женщин преимущественно в роли жены, домохозяйки и матери, в то время как мужчины изображаются в самых разных социальных и профессиональных ипостасях. Такие наблюдения позволили Л. Пуш сделать достаточно критичный вывод: словарь знакомит своих читателей не только «с основными лексическими единицами немецкого языка в их основных значениях», но и дает возможность «заглянуть в глубины немецкой души и мысли и обнаружить там презрение к женщине» [Pusch, 2008, S. 144].

В работе Л. Пуш рассматривается словарь, вышедший в свет в 1970 году. С момента его издания прошло уже четыре десятилетия, за это время роль женщины в немецком обществе претерпела значительные изменения. Кроме того деятельность феминистской лингвистики, целенаправленная политика, обращенная на устранение гендерных асимметрий в языке и речи, оказали влияние как на массовое сознание носителей немецкого языка, так и на принципы составления словарей [Kunkel-Razum, 2004, S. 310]. В этой связи представляется интересным проследить, как именно отреагировали на происшедшие изменения лексикографы. Для решения поставленной задачи мы обратились к трем изданиям словаря сочетаемости (Stilwörterbuch) издательства DUDEN: 6-му (1970 г.), 7-му (1988 г.) и 9-му (2010 г.).

С целью проведения количественного анализа из словарных статей (на отрезке *Aa – An*) каждого издания была произведена выборка иллюстративных контекстов с гендерной составляющей. Отобранные контексты были обработаны статистически, что позволило оценить процентное соотношение контекстов, несущих в себе указание на лиц мужского и женского пола в каждом издании, то есть степень представленности каждого пола в словаре.

В издании 1970 г. мужчины упоминаются в 768 иллюстративных контекстах, а женщины в 148, 54 контекста несут в себе информацию и о мужчинах, и о женщинах. Таким образом, в издании 1970 г. ярко выражена диспропорция между уровнем представленности женского и мужского образов: мужчины упоминаются в 5 раз чаще, чем женщины, что соответствует результатам исследования Л. Пуш, проведенного на основе толкового словаря издательства Duden того же года издания.

В издании 1988 г. соотношение между женскими и мужскими образами остается примерно на том же уровне: мужчины упоминаются в 4,9 раз чаще, чем женщины (708 и 146 контекстов соответственно).

Иная ситуация наблюдается в издании 2010 г.: здесь на 584 маскулиных контекста приходится 180 феминных, т.е. количественный разрыв между женским и мужским образами сокращается, теперь мужчины упоминаются всего лишь в три раза чаще чем женщины.

Для того, чтобы показать, как от издания к изданию менялось отражение гендерных стереотипов, мы обратимся к двум наиболее распространенным стереотипическим представлениям о женских и мужских образах: 1) об активной, деятельной позиции мужчин и 2) об интеллектуальном превосходстве мужчин над женщинами. Для оценки степени их выраженности мы будем пользоваться следующей градацией: **уровень 1** – высокая степень выраженности: последовательное приписывание качества одному полу (более чем в 4 раза чаще, чем другому), отрицание его у другого пола; **уровень 2** – умеренная степень выраженности: качество приписывается преимущественно одному полу (в 2-4 раза чаще, чем другому); **уровень 3** – невыраженность: приписывание качества в равной степени обоим полам.

В большинстве классификаций гендерных стереотипов отмечается, что мужчине свойственны такие свойства как деятельность и активность, в то время как женщине в этих качествах отказывается. Для анализа отраженности данного стереотипа в исследуемом словаре были отобраны словарные статьи, заголовочные слова которых несут в себе семантику активной деятельности: 1) *aktiv, Aktion*; 2) *sich engagieren, Engagement*, 3) *energisches, Energie*; 4) *Tätigkeit*; 5) *tun*, и рассмотрены приведенные в них иллюстративные контексты в каждом из трех изданиях словаря.

В словаре 1970 г. издания из 61 контекста, иллюстрирующего рассматриваемые леммы, 38 (62,3%) являются гендерно нейтральными, 17 (27,8%) указывают на активность лица мужского пола, в 2 (3,3%) активность мужчины отрицается. В 4 контекстах (6,6%) в качестве субъекта действия выступает женщина. Таким образом, женская активность упоминается более чем в 4

раза реже, чем мужская, что позволяет сделать вывод о высокой выраженности рассматриваемого стереотипа. Особый интерес представляет иллюстративный контекст *sie beobachtete seine Aktionen*, в котором активная роль мужчины противопоставляется женской пассивности, позиции наблюдателя.

В контекстах, иллюстрирующих активность полов, находит проявление группа стереотипов, описывающих социальные роли мужчин и женщин. Так, мужчина проявляет свою активность в политике и творчестве (*ein politisch engagierter Dichter*), женщина – в семейной жизни (*sie hat viel an den Kindern getan*).

В издании 1988 г. отмечается тенденция к «выравниванию» представленности образов мужчины и женщины за счет увеличения гендерно нейтральных контекстов: 72 (74,4%) контекста из 98 не указывают на лицо определенного пола. Активность в различных видах деятельности всего в полтора раза чаще приписывается мужчинам, чем женщинам 14 (16,5%) – 9 (11%). Это позволяет говорить об очень слабой выраженности стереотипа и присвоить ему самый низкий 1-й уровень.

Уменьшение количественного разрыва в презентации активности мужчин и женщин достигается путем замены в некоторых контекстах личного местоимения мужского рода *er* на соответствующее местоимение женского рода *sie*:

1970: *er ist politisch aktiv; er hat getan, was er konnte;*

1988: *sie ist politisch aktiv; sie hat getan, was sie konnte.*

При введении в издание 1988 г. нового иллюстративного контекста предпочтение отдается местоимению женского рода: *sie steckt voll Energie, birst vor Energie.*

Кроме того, снижение выраженности стереотипа в некоторых случаях происходит за счет изменения синтаксической структуры контекста, например стяжения предложения в словосочетание, в результате чего исчезает гендерная маркированность примера:

1970: *er hatte ein energisches Auftreten;*

1988: *ein energisches Auftreten.*

Еще более очевидно сглаживание стереотипа в издании 2010 г. Из 79 контекстов 60 (76%) гендерно нейтральны. Количественное же соотношение гендерно маркированных контекстов позволяет говорить о переломе ситуации: женщинам активность

приписывается в 2,5 раза чаще, чем мужчинам: 11(13,9%) – 5 (6,3%), т.е. наблюдается кардинальное изменение гендерной отнесенности стереотипа.

Главные средства «выравнивания» презентации гендерных образов в издании 2010 г. те же, что и в издании 1988 г.: замена личного местоимения *er* на *sie*:

1988: *was sollte er in dieser Lage tun?*

2010: *was sollte sie in dieser Lage tun?*

Обращает на себя внимание замена названия профессии *Dichter*, выраженного существительным мужского рода, которое часто интерпретируется как генерализованное обозначение профессии, указывающее на лиц безотносительно их пола, на дериват женского рода *Autorin*, который может относиться только к женщинам:

1970, 1988: *ein politisch engagierter Dichter*;

2010: *eine politisch engagierte Autorin*.

В новых иллюстративных контекстах чаще употребляется местоимение женского рода:

2010: *sie hatte das Falsche, das Richtige getan, sie übte ihr Amt mit großem persönlichem Engagement aus*

Таким образом, можно говорить о том, что в рассматриваемых изданиях словаря прослеживается планомерное разрушение стереотипа об активности мужского пола. В словаре 1970 г. издания стереотип находит яркое выражение, в издании 1988 г. наблюдается постепенное сближение стереотипных образов мужчины и женщины, а в последнем издании активность изображается как черта, скорее более свойственная женщинам.

Другим распространенным стереотипом является представление об интеллектуальном превосходстве мужчин над женщинами. Для исследования представленности данного стереотипа в каждом из трех изданий анализируемого словаря были отобраны словарные статьи, леммы которых несут в себе оценку интеллектуальных способностей человека 1) *klug*; *Klugheit*; 2) *umsichtig*; *Umsicht*; 3) *gescheit*; 4) *schlau*; 5) *dumm*, *Dummheit*, 6) *töricht*.

В словаре 1970 г. издания из 79 контекстов, иллюстрирующих рассматриваемые леммы, 52 (65,8%) являются гендерно нейтральными, 14 контекстов (17,7%) указывают на ум лица мужского пола, в 8 примерах (10,2%) мужчинам приписывается

глупость. В 5 иллюстративных контекстах (6,3%) описываются интеллектуальные способности женщины. В трех случаях (3,8%) женщинам приписывается ум, в 2 (2,5%) им в нем отказывается. Таким образом, женские интеллектуальные качества упоминаются в 4,4 раза реже, чем мужские. Ум приписывается женщинам в 4,6 раза реже, чем мужчинам, глупость – в 4 раза. При этом интересно, что соотношение между характеристиками для обоих полов является примерно одинаковым: мужчинам ум приписывается чаще, чем глупость в 1,75 раз, женщинам – в 1,5 раза. Тем не менее, количественный разрыв позволяет говорить о высокой степени выраженности стереотипа, о постулировании мужского интеллектуального превосходства и присвоить данному стереотипу 3 уровень выраженности.

Примечательно, что в иллюстративных контекстах, представляющих собой словосочетания *прилагательное + существительное*, преобладают существительные мужского рода: *ein kluger Schüler*; *ein umsichtiger Leiter*; *ein schlauer Junge*, *Bursche*, *Be-trüger*. При этом во всех зафиксированных случаях речь идет о мужском уме, в то время как в единственном контексте с аналогичной синтаксической конструкцией, в котором упоминается женщина, отмечается ее глупость: *eine törichte Frau*.

Схожая ситуация наблюдается и в зоометафорах, которые были обнаружены в проанализированных словарных статьях: женские образы ассоциируются с глупостью, а мужские – с хитростью, которая предполагает наличие определенных интеллектуальных способностей: *sie ist eine dumme Gans*, *Pute*; *er ist ein schlauer Fuchs*, *Hund*.

В издании 1988 г. из 86 иллюстративных контекстов 56 (65,1%) не несут гендерно релевантной информации, 15 (17,4%) свидетельствуют об уме лиц мужского пола, в 10 (11,6%) мужчинам в уме отказывается. Количество иллюстративных контекстов, описывающих умственные способности женщин, не меняется (5–5,6%), три феминных контекста (3,3%) указывают на ум, в 2 (2,3%) это качество отрицается.

Количественный разрыв в презентации мужского и женского образов несколько увеличивается: мужчины упоминаются в 5 раз чаще, чем женщины, в той же пропорции им чаще приписывается как ум, так и глупость, что позволяет говорить о высокой

выраженности рассматриваемого стереотипа и приписать ему третий уровень. Как мужчины, так и женщины в 1,5 раза чаще получают положительные характеристики в когнитивной сфере.

Изменения в издании 1988 г. по сравнению с изданием 1970 г. незначительны. В первую очередь обращает на себя внимание, что словарная статья к лемме *dumm* расширяется за счет двух контекстов, в которых глупость приписывается мужскому образу: *so dumm, dass er brummt; er war dumm genug, darauf hereinzufallen*. Остальные особенности, отмеченные в словаре 1970 г. справедливы и для издания 1988 г.

В издании 2010 г. из 94 иллюстративных контекстов 61 (64,9%) не являются гендерно окрашенными, таким образом доля гендерно нейтральных иллюстративных контекстов во всех трех проанализированных изданиях словаря сохраняется на одном уровне, составляя около 65%. В 13 контекстах (13,8%) мужскому образу приписывается ум, в 9 (9,6%) это качество отрицается. В презентации женского образа очевиден количественный скачок: в 2,5 раза чаще, чем в изданиях 1970 и 1988 гг. женщинам приписывается ум (7–7,5%), в 2 раза чаще женскому образу в нем отказывается (4–4,2%). Таким образом, в издании 2010 г. заметно снижение гендерной асимметрии в изображении когнитивной сферы. Иллюстративные контексты, в которых упоминаются умственные свойства женщин, встречаются в 2 раза реже, чем контексты, характеризующие умственные способности мужчин, т.е. гендерный стереотип о превосходстве мужчин в когнитивной сфере выражен слабо, располагаясь на границе между 1 и 2 уровнем нашей классификации.

Увеличение количества контекстов, в которых женщинам приписывается ум, произошло большей частью за счет замены личного местоимения мужского рода *er* на местоимение женского рода *sie*, например:

- 1970, 1988: *er zeichnet sich durch ungewöhnliche Klugheit aus; er ist sehr, schrecklich, verdammt gescheit; das hat er schlau angefangen, angestellt, angepackt;*
 2010: *sie zeichnet sich durch ungewöhnliche Klugheit aus; sie ist sehr, schrecklich, verdammt gescheit; das hat sie schlau angefangen, angestellt angepackt.*

То же справедливо и для иллюстративных контекстов, указывающих на низкие умственные способности описываемого лица:

- 1988: *er ist so dumm, dass er brummt; er war dumm genug, darauf hereinzufallen;*
 2010: *sie ist so dumm, dass sie brummt; sie war dumm genug, darauf hereinzufallen.*

Контекст, указывавший в более ранних изданиях на глупость женщины, заменяется высказыванием, в более мягкой форме транслирующим тот же стереотип за счет подачи его как субъективной оценки говорящего:

- 1970, 1988: *eine törichte Frau*
 2010: *ich halte sie für töricht genug, darauf zu reagieren.*

При введении в издание 2010 г. новых примеров мужчине приписывается, как великий ум, так и крайняя степень глупости: *ein Mann von großer Klugheit; wenn Dummheit wehtäte, müsste/würde er den ganzen Tag lang schreien.*

Таким образом, степень выраженности стереотипа об интеллектуальном превосходстве мужчин в последнем издании словаря понижается по сравнению с предыдущими изданиями, что позволяет говорить о сглаживании данного стереотипного представления.

Обобщая все вышеизложенные наблюдения, можно констатировать, что за четыре десятилетия, прошедшие с момента выхода в свет 6-го издания словаря сочетаемости, произошли определенные сдвиги в презентации мужских и женских образов. Снизилась количественная диспропорция мужских и женских образов, а также заметно уменьшилась степень выраженности стереотипов об активности и интеллектуальном превосходстве мужчин. Объясняются эти изменения целенаправленной политикой редакционной коллегии словаря в отношении проблемы гендерной асимметрии. К. Кункель-Рацум, член Ученого Совета редакции Duden, отмечает, что с 1997 г. – момента начала ее работы в редакции Duden – велись многочисленные дискуссии о презентации женских образов в словарях издательства. Эти дискуссии существенно повлияли на подход к составлению словарей, в частности на упоминание женщин и мужчин в иллюстративных контекстах [Kunkel-Razum, 2004]. Изменение политики редакционной коллегии издательства связано со сменой поколений, увеличением доли молодых женщин в составе редакции, а также появлением женщины в Ученом Совете издательства.

Список литературы

Kunkel-Razum K. Die Frauen und der Duden – der Duden und die Frauen // Beiträge zur Geschlechterforschung und Vorschläge zur sprachlichen Gleichbehandlung von Frauen und Männern. Bibliographisches Institut, Mannheim; Auflage: 1 – 2004. S. 308–315.

Pusch L. “Sie sah zu ihm auf wie zu einem Gott.“ Das DUDEN-Bedeutungswörterbuch als Trivialroman // Das Deutsche als Männer-sprache. – Fr.a.M., 2008. S. 135–144.

Sitnikova Irina Olegovna (Saint Petersburg, Russia)

Vabishevich Evgenia Sergeevna (Dresden, Germany)

GENDER STEREOTYPES IN THE DUDEN DICTIONARY

This article deals with gender stereotypes in dictionary. It examines the change of two gender stereotypes in three editions of The Duden Stilwörterbuch: 1) the stereotype of an active male and a passive female; 2) the stereotype of male mental superiority.

Keywords: gender stereotypes, gender asymmetry, diachronic aspect, example sentence, dictionary article

УДК 81'374

И. П. Шишкина (Санкт-Петербург, Россия)

Е. А. Смолоногина (Санкт-Петербург, Россия)

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ КОДИФИКАЦИЯ И ОПИСАНИЕ НЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются проблемы лексикографической кодификации и описания неологии современного немецкого языка: целесообразность/нецелесообразность маркирования неологизмов в общих толковых словарях; сложность определения статуса неологизма; критерии отбора словника в специальный словарь неологии. Анализируются словари неологии 90-х – 2010-х годов, определяются тенденции развития немецкой неологии.

Ключевые слова: лексикографическая кодификация, неология, неологизм, неолексема, семантический неологизм (новое значение)

Каждый период развития языка знаменуется появлением и вхождением в национальный стандарт обозначений новых денотатов, относящихся к самым различным областям жизни лингвокультурного сообщества. Этот процесс становится особенно интенсивным в знаменательные, переломные моменты развития общества. Так, во второй половине XX века активный процесс неологизации в немецком языке определило создание государства ГДР (50-е–80-е годы), в 90-е годы – объединение Германии и процессы глобализации, конец XX и начало XXI века – научно-техническая революция, развитие новых технологий и прочее.

Появление и дальнейшая узуализация большого массива обозначений новых понятий делало как нельзя более актуальным лингвистическое осмысление неологии и обсуждение возможностей лексикографической кодификации новых слов и значений.

Общим проблемам неологии и теоретическому обоснованию лексикографирования неологизмов посвящен целый ряд трудов современных немецких ученых, лексикологов и лексикографов. Основными вопросами, рассматриваемыми немецкими учеными, являются: 1) определение статуса неологизма; 2) условия узуализации и лексикализации неологизма в лексико-семантической системе языка; 3) теоретическое обоснование содержания и структуры специального словаря неологизмов; 4) установление

критериев для отбора лексики, подлежащей лексикографированию [Dou, 1989; Herberg, 1997; Kinne, 1997].

Принципиально важным вопросом, которого в той или иной степени касаются все ученые, является вопрос: «Neologismen im allgemeinen Wörterbuch oder Neologismenwörterbuch?» [Herberg, 1997, S. 61] Ответ автора однозначен: общие толковые словари не в состоянии оперативно фиксировать все «новшества» лексико-семантической системы языка, хотя попытка сделать это была предпринята.

Первый (и единственный) опыт фиксации и маркирования неологизмов в общем толковом словаре был осуществлен авторами словаря «Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache» [WDG, 1978] Р. Клаппенбах и В. Штейницем, кодифицировавшими неологию 50-х–60-х годов XX века. Авторы классифицируют неологизмы как новые слова (*Neuwort*), новообразования (*Neuprägung*) и новые значения (*Neubedeutung*), используя данные термины как лексикографические пометы. Анализ состава неологии показывает, что преобладающее большинство новых номинаций составляют новообразования, а именно лексика, являющаяся результатом деривации и словосложения на основе уже существующих в немецком языке корневых морфем и словообразовательных аффиксов. Семантические неологизмы (новые значения) составляют незначительную часть новых номинаций. Среди новых слов преобладают заимствования-англицизмы. Например: *abpacken, Abpackung, Abpackbetrieb, -maschine (Neuprägung); administrativ – 1. behördlich, 2. Neubed. DDR: bürokratisch; Babysitter (engl.) Neuwort.*

Авторы основных толковых словарей конца XX века отказываются от специальных маркеров новизны слова (сохраняя при этом временной маркер архаизации: *veraltet, veraltend*). Так, о своей позиции, никак ее не обосновывая, заявляют авторы словаря «Deutsches Universalwörterbuch – Duden»: «Neuwörter und Neubedeutungen sowie Modewörter sind nicht besonders kennzeichnend» [DUW, 2001, S. 10].

Анализ лексических единиц, отмеченных словарем «Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache» как неологизмы в словарных статьях на буквы «А» и «В», показал, что некоторые из них в словарях конца 90-х – начала 2000-х годов [DUW, 2001;

DgWddtS, 1999] не зафиксированы (*Baubrigade: Neupräg. DDR; Bedarfspitze: Neupräg.*), либо зафиксированы без помет (*abkassieren, Babysitter, bedarfsgerecht*) или с разного рода стилистическими пометами (*abbummeln – ugs., abfeiern – Jargon, abpacken – Kaufmannsspr., administrativ – DDR, abwertend*).

Утратили актуальность обозначения социально-политических и экономических реалий ГДР, они остаются за пределами словаря или маркируются как историзмы: *Volkskammer (DDR), das Parlament der DDR* [DUW, 2001]. Общеупотребительная лексика за прошедшие 30–40 лет утратила признак новизны и обрела ограничения в употреблении [подробнее об этом см. Barz, 2001, S. 93–104].

Сделанные наблюдения лишь подтверждают необходимость и целесообразность создания специальных словарей неологии, разработок которых требует решения комплекса теоретических и прикладных задач лексикографирования.

В 90-ые годы был издан ряд словарей неологии немецкого языка, таких как, например: 1) Horx M. *Trendwörter von ACID bis Zippies* (1994), 2) Schönfeld E. *Alles easy. Ein Wörterbuch des Neudeutschen* (1995), 3) Loskant S. *Das neue Trendwörter Lexikon. Das Buch der neuen Wörter* (1998).

Во вступительной статье к словарю С. Лосканти указывается, что в статусе неологизма слово существует короткий период времени. Затем оно или переходит в основной лексический состав языка, либо устаревает, перестает употребляться и исчезает совсем. Свою задачу автор видит в том, чтобы создать «путеводитель» по «лесу новых слов», а также привлечь интерес носителей языка к процессам, происходящим в нем [Loskant, 1998, S. 3–6]. Решению этих задач служит нестандартизованная форма словарной статьи. Она состоит из двух блоков: собственно толкования значения и авторского дефиниционного комментария, занимающего часто основное место в статье. В такой комментарий входит энциклопедическая информация, сведения о коммуникативной ситуации, в которой появляется и далее функционирует слово. При этом автор высказывает свою оценку как самого неологизма, так и контекстов его употребления. Оценочный компонент носит, главным образом, иронический характер. Вся информация в статье подается в повествовательном стиле, что должно привлечь

потенциального читателя [Смолоногина, 2007, с. 131–134]. Например:

Lifestyle (engl. „Lebensstil“):

Ist mehr als Lebensart und bedeutet, die richtigen Klamotten zu tragen, die richtige Uhr (nämlich die „Scall-Swatch“) am Handgelenk spazierenzuführen, in die richtigen → Fitness-Salons zu gehen, in die richtigen Clubs und Discos, möglichst immer top → gestylt, möglichst witzig → gagig, lässig → peppig → cool und wirklich und absolut immer gut → drauf zu sein. [Loskant, 1998, S. 48]

Словарь Э. Шёнфельд «Alles easy. Ein Wörterbuch des Neudeutschen» [Schönfeld, 1995] уже в заглавии содержит элемент оценочности, а именно, негативно-ироническую ноту. Термин «Neudeutsch» используется лингвистами с долей негативной оценочности, хотя в ряде тематических сфер (компьютерная техника, СМИ, новые виды спорта, мода и др.) «новый немецкий язык» занимает значительное место. Как указывает автор словаря, неологизмы (в основном англоязычные заимствования) не всегда являются необходимыми для обозначения денотатов, а являются выражением стремления к «престижности» речи.

Словарная статья, так же, как и в предыдущем словаре, имеет нарративный характер, содержит не только лингвистическую, но и энциклопедическую, концептуальную информацию. Автор в своем дефиниционном комментарии иронизирует, ведет имплицитный диалог с читателем, обращая его внимание на особенности употребления слова в контексте, приводя оценивающие ситуации комментария [Смолоногина, 2007, с. 135]. Пример словарной статьи словаря:

Akzeptanz. Danach fiebert der Werber, pardon: der → Art Director, wenn er das ihm anvertraute neue Produkt – nein: dessen Image, nein: das wir uns damit zulegen können – nach allen Regeln seiner Kunst flächendeckend der Zielgruppe angepriesen hat. Und wenn die Deutsche Bahn ihr Personal mit neuen Uniformen ausstattet, werden diese einmal einem Akzeptanztest unterworfen. Denn auch Schaffner brauchen Liebe. [Schönfeld, 1995, S. 18]

Рассмотренные словари неологии 90-х годов содержат интересный для пользователя языковой материал, вводят читателя в мир новых слов и значений, однако серьезного теоретического обоснования, по каким критериям составлялся словарь, какой

период охватывает включенный в словарь лексический материал и др., лингвистически ориентированный пользователь (и лексикограф) в них еще не находит.

Качественно новый этап развития неологии связан с разработкой во второй половине 90-х годов долгосрочного исследовательского проекта Института немецкого языка (Institut für deutsche Sprache) в Мангейме – «Lexikalische Innovationen». Результатом работы в рамках проекта явилось создание двух словарей неологии:

Herberg D., Kinne M., Steffens, D. Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen, 2004.

Steffens D., al-Wadi D. Neuer Wortschatz. Neologismen im Deutschen 2001–2010, 2 Bände, 2013.

Как уже следует из заглавий, авторы представляют в своих словарях неологию конкретного десятилетия, что является одним из принципов отбора словника. Последнее десятилетие XX века обоснованно выбрано как первый период конвергентного развития немецкого языка после объединения Германии. Второй словарь охватывает лексические инновации первого десятилетия нового века. Лексика этих двух изданий также собрана в электронном формате на портале Института немецкого языка «OWID» [Herberg, Kinne, Steffens, 2004; Steffens, al-Wadi, 2013].

В основу общей концепции названных словарей положены: 1) определение статуса неологизма в лексико-семантической системе языка, периодов его вхождения, узуализации, лексикализации и интеграции в систему; 2) зафиксированность слова или словосочетания в электронном корпусе текстов соответствующего периода; 3) установление критериев включения/ невключения лексической единицы в словарь¹.

Лексикографы-авторы словарей неологии называют три существенных критерия отбора лексики в издания:

¹ В предисловии к первому из названных словарей авторы пишут: «... Kann der Gegenstand des vorliegenden Wörterbuchs in folgender Weise konkretisiert werden: Lexikalische Einheiten bzw. Bedeutungen, die in den 90er Jahren des 20. Jahrhunderts in der deutschen Sprache aufgekommen sind, sich darin ausgebreitet haben, als sprachliche Norm allgemein akzeptiert und in diesem Jahrzehnt von der Mehrheit der deutschen Sprachbenutzer über eine gewisse Zeit hin als neu empfunden worden sind» [Herberg, Kinne, Steffens, 2004, S. 2].

- слово или значение слова должно быть новым для конкретного десятилетия;
- оно должно принадлежать общенародному немецкому языку;
- оно должно соответствовать немецкому языковому употреблению [Штеффенс, Никитина, 2012, с. 376].

Для определения времени вхождения слова в лексико-семантическую систему языка использовался корпус электронных текстов Института немецкого языка «DeReKo» (Deutsches Referenzkorpus), в котором должно быть зарегистрировано определенное количество употреблений слова в данный период (не менее пятидесяти к концу десятилетия). Одновременно проверялось наличие/отсутствие слова в общих толковых словарях конца 90-х годов. Как дополнительный источник использовалась выборка из печатных СМИ, общественно-политических и научно-популярных журналов для массового читателя [Там же]. Такой комплексный подход к отбору словника обеспечивает наиболее достоверные данные для составления словника.

Рассмотрим состав и структуру словаря неологии начала XXI века: Steffens D., al-Wadi D. Neuer Wortschatz. Neologismen im Deutschen 2001–2010. Кроме корпуса текстов «DeReKo» при отборе лексики использовался корпус «Archiv der geschriebenen Sprache», содержащий тексты разностороннего содержания из СМИ Германии, Австрии и Швейцарии [Штеффенс, Никитина, 2012, с. 379]. Инвентарь словаря составляют 615 неологизмов нулевых годов и 59 неологизмов десятых годов нового века. Для атрибуции неологизмов используются два термина: «Neulexem» и «Neubedeutung». К новым лексемам относятся новые слова (в основном, это заимствования-англо-американизмы), новообразования (композиции и дериваты), созданные как на базе немецких непосредственно-составляющих, так и гибридные образования, а также словосочетания, обозначающие единый денотат (*Best Ager*, *French Nail*).

Семантические неологизмы (*Neubedeutung*) составляют незначительную часть словника (5–7%) интерпретируемых лемм.

Лексикографическое описание леммы многоаспектно. Словарная статья содержит комплекс лексикографических параметров, в который входят атрибуция леммы, орфографические, орфоэпи-

ческие, грамматические, словообразовательные характеристики неологизма. Второй блок данных – толкование значения, типичные коллокации, необходимая энциклопедическая информация, указания на оценочность слова. Значительное место занимают аутентичные примеры употребления леммы в контексте, в основном, из прессы первого десятилетия XXI века.

Словарная статья заканчивается перечнем общих и специальных словарей, изданий 2002–2011 годов, в которых зафиксирована данная неолексема. Эти данные позволяют судить о динамике развития нового слова. Включение неолексем в общие толковые словари является важным показателем «освоения» неологизма системой языка¹.

Рамки данной работы не позволяют привести пример словарной статьи полностью, ограничимся наиболее важными, на наш взгляд, параметрами:

Juniorprofessor:

Neologismus der Nullerjahre. Neulexem.

Aufkommen: seit Anfang des ersten Jahrzehnts des 21. Jh. In Gebrauch.

Bedeutungsangabe: promovierter junger Wissenschaftler mit ziemlich befristeter Professur, die es ihm ermöglichen soll, den Qualifikationsweg zur regulären Professur zu verkürzen.

Typische Verwendungen: Juniorprofessoren berufen, als Juniorprofessor berufen werden, als Juniorprofessor arbeiten (...)

Enzyklopädisches: Die Juniorprofessur wurde im Jahr 2002 vonseiten der rot-grünen Regierungskoalition mit dem Ziel eingerichtet, den Qualifikationsweg zur Universitätsprofessur durch Abschaffung der bisherigen Habilitation auf sechs Jahre zu verkürzen und damit das Eintrittsalter der späteren Professoren nachhaltig zu senken. Voraussetzung für eine Einstellung als Juniorprofessor ist die (durch die Promotion nachgewiesene) besondere Befähigung zu wissenschaftlicher Arbeit.

Im Urteil des Bundesverfassungsgerichtes vom 27.07.2004 wird den Bundesländern mehr Gestaltungsraum, z.B. in Hinblick auf die Einstellungsbedingungen, zugesprochen und damit die Juniorprofes-

¹ В общих словарях новизна слова не маркируется. О чем это свидетельствует? Неолексема утрачивает новизну или лексикографы отказываются от маркера «neu», как об этом уже говорилось?

sur nicht als Regelvoraussetzung für eine Professur, sondern als eine Möglichkeit neben der Habilitation eingestuft.

Vorkommen in Wörterbüchern:

Duden-Rechtschreibung (2004), Wahrig-Rechtschreibung (2005), Duden-Rechtschreibung (2006), Wahrig-Rechtschreibung (2006), Duden-Universalwörterbuch (2007), Quasthoff: Deutsches Neologismenwörterbuch (2007), Duden-Rechtschreibung (2009), Wahrig-Rechtschreibung (2009), Brockhaus-Wahrig: Rechtschreibung (2011), Duden-Universalwörterbuch (2011). [Steffens, al-Wadi D, 2013]

Лексикографическое описание лемм характеризуется не только широтой, но и высоким уровнем филологической культуры, сочетанием лингвистической и энциклопедической информации, что особенно важно при лексикографировании неологизмов. В конце словарной статьи (Vorkommen in Wörterbüchern) намечается перспектива интеграции неолексемы/неозначения в лексико-семантическую систему языка. Словарь обращен прежде всего к лингвистически компетентному адресату, но не исключает и широкого круга пользователей. Все словарные статьи построены по единому принципу, что повышает степень доступности и эффективности восприятия словарного материала адресатом (Benutzerfreundlichkeit).

Одновременно с Институтом немецкого языка велась работа над словарем неологизмов в издательстве «Duden», результатом которой стал словарь «Duden. Unsere Wörter des Jahrzehnts. 2000-2010» [Duden. Unsere Wörter des Jahrzehnts, 2011]. Издатели словаря исследовали и кодифицировали неологию того же периода, что и авторы рассмотренного ранее словаря. Словник составлен на основе Корпуса текстов издательства «Duden» (das Dudenkorpus), насчитывающего около двух миллиардов словоформ из текстов прессы, художественной литературы, инструкций различного рода и т.д. как дополнительные использовались другие электронные источники и корпуса других институтов.

В предисловии составители говорят о критериях отбора лексики в словарь, которые в целом совпадают с критериями авторов предыдущего словаря, но являются менее определенными: слово должно с достаточной частотой встречаться в текстах («in einer bestimmten Häufung») в протяженном по времени периоде

(«über einen längeren Zeitraum, ... am besten über mehrere Jahre»), должно быть общепотребительным («in aller Munde, nicht nur von Fachleuten gebraucht») [Duden. Unsere Wörter des Jahrzehnts, 2011, S. 5].

Словник насчитывает 516 единиц, среди них преобладают неолексемы, прежде всего, композиты, среди которых есть большое количество гибридных образований. Семантические неологизмы представлены несколькими единицами.

Словарная статья содержит значительно меньший объем информации по сравнению с ранее проанализированным словарем. В нее входит грамматический показатель, фонетическая транскрипция (для иностранных слов), стилистическая помета, сжатое толкование значения, в редких случаях – энциклопедическая справка. Сравните:

Juniorprofessur, die (Hochschulwesen): Professur an einer Hochschule, die jüngeren Wissenschaftlerinnen und Wissenschaftlern ohne Habilitation eine akademische Laufbahn ermöglichen soll: das Modell der Juniorprofessur ist umstritten. [Duden. Unsere Wörter des Jahrzehnts, 2011, S. 38]

Отсутствие ряда параметров связано, очевидно, с тем, что словарь, небольшой по объему, имеет своей целью познакомить широкий круг потенциальных адресатов с появившейся в последнее десятилетие новой лексикой и объяснить значение новых слов.

Направленность на широкого адресата проявляется также в тематической отнесенности словарных единиц: в издании значительно меньше представлены неолексемы из сферы экономики, науки, новых технологий (по сравнению с первым словарем) и преобладают обозначения из области повседневной жизни, семейных отношений, поп-культуры и т.п. С этим связана метафоричность многих новообразований, их разговорно-обиходная маркированность (помета *umgangssprachlich*).

Своего рода дополнением к словнику является перечень «слов года» и «негативных слов года» (das Wort des Jahres, das Unwort des Jahres) последнего десятилетия и толкование их значений.

Сопоставительный анализ инвентаря неологизмов, кодифицированных в двух словарях, показал, что он совпадает лишь на 5–7%, что свидетельствует о том, что состав неологизмов одного и того же периода значительно шире, чем фиксирует каждый из

словарей. Расхождения в инвентаре, очевидно, связаны с тем, что словарь отбирался из двух различных текстовых корпусов и в текстах каждого из них зафиксированы частично совпадающие, но в большей степени различные лексические инновации. Нельзя исключить, конечно, и фактор адресованности словаря и «человеческий фактор», позиции коллектива лексикографов.

Изучение современной неогграфии показывает, что создание словарей неологии строго ограниченных периодов развития лингвокультурного сообщества остается актуальной задачей немецкой лексикографии. И следующий шаг в этом направлении сделан, вышел из печати двуязычный словарь неологии «Deutsch-russisches Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz im Deutschen 1991–2010. Немецко-русский словарь неологизмов. Новая лексика в немецком языке 1991–2010» [Steffens, Nikitina, 2014].

Список литературы

Смолоногина Е. А. Текстовые характеристики словарной статьи в немецких толковых словарях. Дисс. на соиск. уч. степ. канд. филолог. н. СПб., 2007.

Штеффенс Д., Никитина О. А. От словаря неологизмов немецкого языка к немецко-русскому словарю неологизмов // Acta linguistica petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Отв. редактор Н. Н. Казанский. СПб., 2012. С. 371–394.

Barz J. Was ist aus den Neologismen des WDG geworden? // Barz J., Fix U., Lechner G. (Hg.): Das Wort im Text und im Wörterbuch. Stuttgart, Leipzig, 2001. S. 93–104.

Dou X. Neologismus und Neologismenwörterbuch. // Wiegand H.E. (Hrsg.) Wörterbücher in der Diskussion. Vorträge aus dem Heidelberger Lexikographischen Kolloquium. Tübingen, 1989. S. 39–73.

(DgWddtS) Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in zehn Bänden. 1999.

(DUW) Duden. Deutsches Universalwörterbuch. Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich, 2001.

Duden. Unsere Wörter des Jahrzehnts: 2000–2010; Chai Latte, Ego-Googeln und Ich-AG / [Red.: Heike Pfersdorff]. Mannheim, Zürich, 2011.

Herberg D. Neologismen im allgemeinen Wörterbuch oder Neologismenwörterbuch? Zur Lexikographie von Neologismen. // Konderding K.-P., Lehr A. (Hg.) Linguistische Theorie und lexikographische Praxis. Symposiumsvorträge, Heidelberg, 1996. Tübingen, 1997. S. 61–68.

Kinne M. Neologismus und Neologismenlexikographie im Deutschen. // Deutsche Sprache 4/96. Berlin, 1997. S. 327–358.

Loskant S. Das neue Trendwörter Lexikon. Das Buch der neuen Wörter. Gütersloh, München, 1998.

Schönfeld E. Alles easy. Ein Wörterbuch des Neudeutschen. München, 1995.

Steffens D., Nikitina O. Deutsch-russisches Neologismenwörterbuch. Neuer Wortschatz im Deutschen 1991–2010. Немецко-русский словарь неологизмов. Новая лексика в немецком языке 1991–2010. 2 Bände. Mannheim., 2014.

(WDG) Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Hrsg. R. Klappenbach, W. Steinitz. Berlin, 1978.

Электронные источники

Herberg D., Kinne M., Steffens, D. Neuer Wortschatz. Neologismen der 90er Jahre im Deutschen. Unter Mitarbeit von Elke Tellenbach und Doris al-Wadi. Berlin/New York, 2004. XXXIX/393 S. Электронная версия словаря на портале «OWID»: URL: <http://www.owid.de/wb/neo/start.html> (дата обращения: 09.03.2015).

Steffens D., al-Wadi D. Neuer Wortschatz. Neologismen im Deutschen 2001–2010, 2 Bände, 2., durchgesehene Auflage. Mannheim : IDS, 2013. 577 S. Электронная версия словаря на портале «OWID»: URL: <http://www.owid.de/wb/neo/start.html> (дата обращения: 09.03.2015).

Shishkina Inna Pavlovna (Saint Petersburg, Russia)
Smolonogina Elena Anatoljevna (Saint Petersburg, Russia)

LEXICOGRAPHICAL CODIFICATION AND DESCRIPTION OF NEOLOGISMS OF THE CONTEMPORARY GERMAN LANGUAGE

This article describes some specific problems lexicographers have by selecting and defining neologisms of the modern German language for their further systematization as dictionary entries: necessity of labeling neologisms in general dictionaries; defining their status; selection criteria for specialized neologisms dictionaries. In this article we analyze some neologisms dictionaries of the 90's and the 21st century, show perspectives for the neography using text corpora and discuss its development trends.

Keywords: neography, neolexia, neology, semantic extension (new usage of an existing word), selecting words for systematization as entries (lemmatizing)

УДК 81'374

И.В. Толочин (Санкт-Петербург, Россия)

ОБ ОДНОМ ПАРАДОКСЕ СЛОВАРНОЙ ДЕФИНИЦИИ (наречие *up* в Macmillan dictionary on-line)

В статье рассматривается противоречивый характер дефиниции наречия *up* в первом варианте значения. Выявленный в словаре Macmillan парадокс обосновывается ограниченностью объективистской методологии при описании значения слова.

Ключевые слова: наречие, словарная дефиниция, объективизм, денотат, значение

В данной статье будет рассмотрено противоречие между дефинициями и иллюстративными примерами к ним в первом варианте значения наречия *up* в словаре Macmillan. Выявленное противоречие служит убедительным доказательством необходимости принципиального пересмотра основных положений объективистского подхода к словесному значению.

О сложностях, возникающих в лексикографических источниках в связи с описанием многозначных наречий типа *up*, мы уже подробно писали ранее [Толочин, 2010]. Обращение к словарю Macmillan позволит продемонстрировать то, насколько труднопреодолимой является установившаяся традиция в подходе к определению значения. Словарь Macmillan, в отличие от ранее рассмотренных нами словарей в связи с проблемным характером определения наречий, позиционирует себя как словарь, полностью ориентированный на корпусные исследования. Лексикографы, работающие над словарем, принимают активное участие в международных конференциях и форумах, посвященных проблемам современной английской лексикографии. Именно поэтому обращение к словарю такого типа представляется существенным для выявления серьезной на наш взгляд проблемы в современной английской лексикографии.

Первая неточность в структуре дефиниции наблюдается уже в кратком описании структуры значения, которое предлагается авторами словаря перед более подробным перечислением вариантов значения слова: “*Up* can be used in the following ways: as an adverb: *Their voices could be heard up in our room. Mary looked up at*

him. I stood up. as a preposition: He climbed up the steps. I set off up the road.” [Macmillan]. Здесь воспроизводится неточность, отмеченная ранее при анализе словаря The Concise Oxford Dictionary [Толочин, 2010, с. 202]. Дело в том, что *up* в предложениях типа *He climbed up the steps* является наречием, а не предлогом. Об этом свидетельствует его факультативный характер в подобных структурах. Вот несколько примеров из различных текстов: *He climbed the steps and measured the threshold of the gateway; He climbed the steps, moving as fast as he dared; he climbed the steps and opened the old fashioned glass framed door.* В данной статье мы не будем подробно останавливаться на непоследовательности в разграничении наречия и предлога в английских словарях при описании значений наречий и омонимичных ему предлогов типа *up*. Более существенным для цели данной статьи является анализ того, как, собственно, определяется значение наречия *up* в подобных контекстах.

Обратимся к первому значению *up* в словарной статье. В качестве первого значения словарь предлагает вариант, который представляется составителям словаря максимально частотным по результатам обработки корпусных языковых данных. Именно при анализе дефиниции и иллюстративных примеров этого наиболее характерного, по мнению лексикографов, варианта значения и становится очевидным парадоксальная несовместимость дефиниции и выделенных лексикографами в качестве иллюстративных примеров контекстов. Так как объем статьи ограничен, мы остановимся только на анализе первого лексико-семантического варианта *up* в трактовке словаря Macmillan.

Первый вариант наречия *up* обладает вполне знакомой любому пользователю английских словарей дефиницией: “1. in or towards a higher position” [Macmillan]. Далее словарь предлагает несколько более конкретных вариантов для первого ЛСВ, каждый из которых сопровождается рядом развернутых предложений. Именно использование более развернутых контекстов в качестве иллюстративных примеров для предлагаемой модели полисемии наречия *up* и дает возможность распознать более существенное противоречие в определении структуры значения, чем даже неточное разграничение мотивированной омонимии наречия и предлога, о котором мы упоминали выше.

Рассмотрим дефиницию 1а и ряд примеров, которые должны подтвердить и проиллюстрировать ее точность. Сама дефиниция уточняет ЛСВ 1 как “from a lower place to a higher place”. Таким образом, значение *up* определяется как указание на направленное определенным образом (*from... – to...*) движение по шкале lower – higher в объективном пространстве (place). Данная дефиниция сопровождается рядом примеров. Всего их шесть. Мы сразу исключаем из этой группы пример, в котором *up* представляет собой предлог, так как данное смешение двух мотивированных омонимов в рамках одной словарной статьи и ЛСВ одного слова представляется крайне неудачным с точки зрения соответствия языковой системности знаковых отношений характеру ее описания в словаре: *I got off my bike and walked up the hill*. Из оставшихся пяти примеров мы также исключаем следующий: *Put your hand up if you know the answer*. Анализ оставшихся четырех примеров позволит нам обосновать целесообразность выделения приведенного выше примера в отдельный вариант значения, отличный от варианта, представленного в основном корпусе примеров в рамках данного ЛСВ. Вот эти предложения: *Could you help me carry this old trunk up to the attic? He held the cup up to his lips and slowly sipped the tea. Pick your clothes up off the floor and put them away. He raised the child up above his head, which she seemed to enjoy*.

Именно эти примеры и формируют парадоксальный характер словарной дефиниции. Дело в том, что во всех этих примерах наречие *up* является факультативным в предлагаемых синтаксических моделях, что, очевидно, свидетельствует о том, что его роль в контексте является автономно значимой, поскольку для каждого из предложений возможен вариант без данного наречия при сохранении целостности и связности синтаксического ряда. Парадоксальность словарной статьи состоит в том, что при отсутствии наречия *up* приписываемое ему в словаре значение *from a lower place to a higher place* полностью сохраняется в микроконтексте. Чтобы доказать, что это именно так, мы смоделировали для каждого из этих предложений микроконтексты без *up* и далее проверили их частотность и содержание в системе Google – простейшем и, одновременно, наиболее полном корпусе английского языка. Приведем список микроконтекстов: *carry/lug the trunk/box to the attic; held the cup to his lips; pick your clothes*

off the floor; raised the child above his head. В микроконтекстах задана идентичная синтаксическая модель словесной ситуации при том, что само наречие, значение которого должна описывать словарная дефиниция, отсутствует.

Рассмотрим характерные примеры для каждого из микроконтекстов:

1. The owner carried the trunk to the attic where it would stay for the many years to come
2. She then has unwitting help from Friedel (the sensitive one of the trio), who helps her lug the trunk to the attic
3. I planned to carry the box to the attic
4. Alicia carried the box to the attic
5. His heart melted as he held the cup to his lips
6. She filled the cup with water, added the powder, and held the cup to his lips. He shook his head. “You’ve got to drink this.” She held the cup to his lips again
7. You pick your clothes off the floor and they stink
8. It’s the way you pick your clothes off the floor. It’s the way you scratch your skin when you yawn
9. He raised the child above his head and a cheer went up
10. He raised the child above his head quickly
11. He... raised the child above his head and presented him to the gods

Как видим, во всех примерах микроконтексты отчетливо демонстрируют присутствие содержательного элемента *from a lower place to a higher place* в словесной ситуации. Соответственно, мы должны сделать вывод о том, что при такой дефиниции первое значение наречия *up* остается неопределенным. Для того, чтобы разрешить этот парадокс, необходимо соотнести элементы словесных ситуаций, которые получают дополнительную наречную характеристику *up*, с аналогичными элементами без такого уточнения. При сопоставлении контекстов становится очевидным то, что роль *up* как дополнительной характеристики действия состоит в особом выделении значимости данного действия для словесной ситуации. *Up* указывает на особую сфокусированность внимания на характеризующем элементе ситуации. В словарных примерах действия, уточняемые с помощью *up*, получают особый выделенный статус значимости. В приведенных нами примерах

(особенно четко это видно в примерах 1, 6, 7, 9, 10 и 11) аналогичное действие без *up* представлено как менее существенное, чем то, что должно произойти в структуре ситуации после него. Это или перечисление действий, или переключение внимания на следующее действие, которое развивает динамику ситуации. В словарных примерах динамизм развития ситуации словно тормозится: достаточно сравнить пару *he raised the child up above his head, which she seemed to enjoy // he raised the child above his head quickly*. Здесь следует сразу отметить то, что подобный анализ предполагает детальное наблюдение за соотносительностью микроконтекста с более развернутым контекстом, позволяющим более четко представить сущность словесной ситуации. Объем данной статьи не дает возможности привести развернутый анализ такого рода, однако мы утверждаем, что при обращении к широкому контексту наша гипотеза подтверждается.

Выявленное противоречие еще раз доказывает высказанное ранее предположение о том, что в основе значения наречий типа *up* лежит функционально-оценочное отношение к систематизации отношений внутри ситуативного пространства [Толочин, 2010]. Пространство, моделируемое языком, является не описанием неких объективных независимых от человеческой природы связей в мире, находящемся за пределами человеческих реакций и устремлений, а распределением степени значимости тех или иных обстоятельств в рамках той ситуации, которая актуальна для человеческого сознания [Dennett, 1991]. Для *up*, таким образом, основой значения следует считать выдвижение какого-либо элемента ситуации в фокус внимания в связи с его высокой значимостью (coming into the focus of attention due to its significance). Такое определение, каким бы парадоксальным оно ни казалось на первый взгляд, в связи с укоренившейся объективистской практикой обязательно выводит основу значения из определений, которые бы казались максимально свободными от специфически человеческого переживания, позволяет снять парадоксальность от эффекта неопределенности слова при объективистской трактовке основы его значения. Более того, на основе такого определения значения *up* мы получаем возможность объединить большое количество контекстов в единую контекстуальную сферу, которая и формирует, судя по всему, основной вариант наречия *up* в структуре его полисемии. Так, в этот же тип контекстов можно отнести

целый ряд примеров из словаря Macmillan, которые рассредоточены в различных ЛСВ с самыми разнообразными дефинициями. Во всех этих примерах *up* является факультативным элементом в синтаксической структуре микроконтекста и выполняет одну и ту же функцию, которую мы определили выше и подтвердили сопоставлением аналогичных примеров микроконтекстов без данного наречия. Вот ряд этих примеров из словаря (в скобках мы приводим альтернативные микроконтексты без *up*, подробный анализ которых, подтверждающий приводимые нами аргументы, мы опускаем в связи с ограниченностью объема статьи): *We rolled on our backs and looked up at the sky (looked at the sky); I turned my face up towards the sun (turned my face towards the sun); A path leads up from the beach to the top of the hill (leads from the beach to the top of the hill); One of the salespeople came up and asked if she could help (came and asked); Just go up to him and say hello (go to him); eat up all your dinner (eat all your dinner)*.

В структуре значения наречия *up* рассмотренным выше типам употребления, в которых *up* реализует свой основной вариант значения (выдвижение элемента ситуации в фокус внимания в связи с его особой значимостью для данной ситуации), противостоят контексты, в которых *up* является обязательным элементом синтаксической структуры. Во всех этих контекстах *up* конкретизирует направленность обозначенного глаголом процесса по шкале *up versus down*, что делает данные контексты принципиально отличными по содержанию от контекстуальной сферы основного варианта значения наречия. Данный вариант значения мы предлагаем считать производным по метонимической причинно-следственной мотивационной связи: элемент пространства, который дает возможность максимально внимательно относиться к значимому элементу ситуации, обеспечивает возможность образования одного конца шкалы интенсивности значимости, которому противопоставляется противоположный конец, связанный с корневым значением *down*. Подчеркнем здесь то, что подобные шкалы внутренней дифференциации пространства, моделируемого с помощью слов типа *up*, обусловлены исходным мотивирующим значением каждого из таких наречий, которое выражает специфическое отношение к фокусу значимости в структуре ситуации. Пример *Put your hand up if you know the answer* как раз и следует отнести ко второй контекстуальной

сфере, служащей основой для ряда производных значений *up*. Вместе с тем, приведенный в словаре пример также и показывает насколько прозрачной остается исходная мотивировка для контрастного соотнесения *up versus down*: положение *your hand is up* воспринимается как более значимое и заметное. Уточнение и систематизация контекстов второй группы должны учитывать параметры ситуативного пространства. Это может быть физическое пространство в материальном окружении (*put your hand up, stand up*), пространственная систематизация слуховых и тактильных ощущений (*turn the volume up; the heat is up*), моделирование значимости в ситуациях, связанных с социальным пространством человека (*the prices went up*).

Как видим, парадокс, отмеченный нами в словарной дефиниции, позволяет поставить вопрос о возможности разработки последовательно антропоцентрического подхода к описанию словесного значения, который позволил бы более точно и последовательно описывать значение слова как гипотетическую модель его использования в языковой коммуникации.

Список литературы

Толочин И.В. Словесное значение – отражение или проекция? // Перцепция. Рефлексия. Язык. СПб., 2010. С. 175-211.
Dennett D. Consciousness Explained. New York, 1991.

Электронные источники

Macmillan Dictionary [сайт]. URL: <http://macmillandictionary.com/> (дата обращения: 25.04. 2015)

Tolochin Igor Vladimirovich (Saint Petersburg, Russia)

ONE PARADOX IN A DICTIONARY DEFINITION (the adverb *up* in Macmillan dictionary online)

The article discusses the contradictory nature of the definition of UP in the dictionary. The paradox of the adverb that remains undefined in its first sense is attributed to the objectivist methodology of analyzing meaning.

Keywords: *adverb, dictionary definition, objectivism, denotation, meaning*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

УДК 81'42

З.Я. Тураева (Бёблинген, Германия)

ЗАМЕТКИ О КНИГЕ ПОЛА ОСТЕРА “WINTER JOURNAL”

Статья посвящена одному из последних романов современного американского писателя Пола Остера – «Зимний журнал». В статье делается попытка проследить особенности мемуарной литературы и их взаимодействие с некоторыми характеристиками современной прозы.

Ключевые слова: *физические, духовные, эмоциональные стороны жизни, поток сознания, язык тела, постмодернизм*

Произведение современного американского писателя Пола Остера (Paul Auster, 1947–) – захватывающее путешествие по жизни. Автор вспоминает прошедшее, двигается вперед, возвращается к ранее пройденному, судит, чувствует. Эти чарующие раздумья порой кажутся ледяными душу, но при более внимательном осмыслении в них просматривается авторское глубинное тепло. Представляя физические, духовные и эмоциональные стороны своей жизни, автор открывает перед читателем глубоко личную картину мучений и блаженства тела. Да, никто не может уйти живым из этого мира, но в жизни человека бывают мгновения, которые переживают столетия.

Внутренняя речь романа приближается к «потoku сознания». В словесную ткань автор одевает свои чувства, своё восприятие образа мира, вечно меняющегося, находящегося в постоянном движении, существующего вне нашего сознания. Обращает на себя внимание отсутствие в тексте знаков препинания и членения на абзацы, как бы подчеркивающее нерасчлененность авторского восприятия [Gildner, 2003]. Необычно и употребление второго лица. Ломающая стереотипы, оно позволяет мемуаристу создать атмосферу непосредственного участия читателя в описываемых событиях, его причастности к изображаемым ощущениям

и чувствам, к тем воспоминаниям, которые Остер каталогизирует с удивительным мастерством. Адресат становится субъектом коммуникации, сливается воедино с отправителем (адресантом), который передаёт ему своё видение алфавита человеческих мыслей и чувств:

The wind in your face during last week's blizzard. The awful sting of the cold, and you are out there in the empty streets wondering what possessed you to leave the house in such a pounding storm, and yet, even as you struggled to keep your balance, there was the exhilaration of that wind, the joy of seeing the familiar streets turned into a blur of white, whirling snow [p.2].¹

Your grandmother's words to your mother: "Your father would be such a wonderful man – if only he were different" [p.3].

Самые пронизывающие воспоминания автора связаны с травмами, болезнями, с потерей близких ему людей. Раздумья о жизни и смерти матери приводят Остера к созданию нетрадиционного труда, в центре которого оказывается груз памяти, раздумья об основных категориях бытия – жизни и смерти. Название романа – "Winter Journal" («Зимний журнал») и описание физических радостей и страданий используется автором для того, чтобы показать читателю, что страдание имеет более постоянный и неотвратимый характер, чем радость. Остер останавливается на следах ран, нанесенных жизнью. Вот рана, полученная им ребенком, во время игры в мяч, рана, которая легко могла унести его жизнь, или, в лучшем случае, оставить инвалидом, лишив глаза [p. 8]. Вот раны, нанесенные ему природой – ураганом, который был назван «ураганом столетия» [p. 10]. Вот он, уже немолодой мужчина, заканчивает последний день съемок, которые он же и проводит. Выголощенный и изможденный, он испытывает физическое, нервное и умственное измождение [p. 12]. В том, что он ещё функционирует, немалую роль играют алкоголь и табак: как костыли, они помогают ему существовать в этом мире. Тот, кто когда-то казался себе суперменом, постепенно превращается в руину [p. 18–19], страдает от приступов страхов, основанных на неприятии смерти. Ужас сковывает человека перед расставанием с жизнью, этой юдолью печали (this valley of tears) [p. 29]. Эта

¹Здесь и далее при указании страниц романа Остера опускается ссылка на источник Paul Auster. Winter Journal. Picador Edition. New York, 2013.

проблема старения человека и возрастной дезинтеграции формирует один из важнейших концептуальных фокусов романа.

Все в мире человека, который описывает Остер, неразрывно связано: когниция встраивается в устройство человеческого тела, умственные силы образуют единое целое с физическими, комическое дополняется позорным. Некоторые детали романа носят натуралистический характер, но и в них присутствует мысль – лишь в единстве целого от поколения к поколению передается мудрость веков. «Сложное интересно исследователю не только как категория самостоятельной науки о сложности, но и как актуальная характеристика научных объектов, отражающая специфику современного мира и ориентирующая на поиск новых поисковых стратегий» [Щирова, 2013, с. 41]. Бытие взрослого человеческого организма дает возможность автору проследить способность человека к любви, дружбе и независимости. Осмысление физической деятельности подчиняется проникновению в психическую сферу человека, в когнитивную работу мозга. Внешняя реальность сопутствует описанию внутреннего состояния, ироничному, нередко проникнутому черным юмором. В какой-то мере Остер бросает вызов познанию – ему удается соединить зов нашего тела и работу мозга. Он рисует мир, переведенный на язык нашего тела.

Изображение детских игр и сопряженных с ними чувств используется Остером для отражения глубинной человеческой сущности. В играх может проявиться воинственное стремление человека к первенству, к главенствующей роли, может пробудиться его тяга к войне, однако автора детские драки делают несчастным, а желание ответить ударом на удар пропадает, когда во время драки он случайно ломает руку противнику.

По мере взросления меняются радости и страдания жизни, сложный человеческий опыт человека обретает новые и новые стороны. Не столько сексуальный голод, сколько стремление разорвать одиночество приводит автора к парижским жрицами любви (p. 42–45). На всю жизнь он запоминает встречу с Сандрой, одной из девушек парижских улиц [p. 50–51]. В ответ на вопрос, чем он занимается, он говорит, что пишет стихи и ожидает, что она удивленно пожмет плечами. Она же, к его изумлению, начинает читать Бодлера. Много лет спустя, вернувшись

в Нью-Йорк, он нередко думает о том, а не вернуться ли ему в Париж и не предложить ли Сандре стать его женой. Он не может забыть её улыбку: «Если бы все в мире могли так улыбаться, как она, не было бы в мире войн и кровавых конфликтов». Такое совмещение противоположностей, переплетение жизненных направлений, которые, казалось бы, едва ли могут встретиться, представляет в романе бесспорный интерес.

Мемуарная литература, как и исторические романы, стоит особняком в плане художественного времени. Время в мемуарных текстах обычно совпадает с исторической хронологией в отличие от художественного времени в других жанрах, где оно представляет собой «не столько календарный отсчет событий, сколько соотнесенность событий, установление ассоциативных, причинно-следственных, психологических связей между ними...» [Тураева, 2009, с. 16]. При этом когнитивным субъектом у Остера выступает тело субъекта. Оно определяет действия субъекта как такового. Некоторые веления тела действительны для разных людей в разные эпохи. Тело определяет все многообразие человеческой личности, ощущения и действия, кто ты есть [р. 52–53], поэтому можно сказать, что эстетические критерии в книге смещены: в ней скорее господствует эстетика физических чувств, чем человеческого разума:

Always lost, always striking out in the wrong direction, always going around in circles. You have suffered from a lifelong inability to orient yourself in space <...> Forget tramping alone in the woods. You are hopelessly lost within minutes; and even indoors, whenever you find yourself in an unfamiliar building, you will walk down the wrong corridor or take the wrong elevator <...>. Most other people <...> seem able to get around without difficulty. They know where they are, where they have been, and where they are going, but you know nothing, you are forever lost in the moment <...> with no idea where true north is, since the four cardinal points do not exist for you, have never existed for you. A minor infirmity until now, with no dramatic consequences to speak of, but that doesn't mean a day won't come when you accidentally walk off the edge of a cliff [р. 51–52].

Читатель знакомится с особенностями времени и пространства, в котором существует субъект повествования: “Your body

in small rooms and large rooms, your body walking up and down stairs, your body swimming in ponds, lakes, rivers, and oceans, your body traipsing across muddy fields, your body lying in the tall grass of empty meadows, your body walking along city streets, your body laboring up hills and mountains, <...> walking through forests, pastures and deserts <...>, waiting in airports and train stations, riding up and down in elevators, squirming in the seats of cars and buses...” [р.52]. Перечисление «жизненных пространств» субъекта охватывает две страницы, без членения на абзацы и предложения. Затем идут адреса, адреса, адреса... Адреса, по которым жил Остер (всего 21 адрес) становятся точкой отсчета в повествовании. Это постоянные адреса, хотя, учитывая частые переезды автора в некоторые периоды жизни, назвать их так можно лишь с определенной натяжкой. Детские воспоминания, воспоминания подростка, юноши, студента... За каждым из адресов в памяти возникает жилье, в котором автор находил приют. ... Где и почему человек находит приют? Где его ждёт общение с друзьями и близкими, а где одиночество?

“Enclosures, habitations, the small rooms and large rooms that have sheltered your body from the open air” [р. 53].

Перечисление посещенных мест и описание причин переездов иногда оказываются в одном предложении, как, например, в том выразительном фрагменте [р.40-41], где описываются мучения подростка, переживающего период созревания тела, возмужания и взросления. В анализе этого, как и любого иного опыта Остер транслирует близкую ему идею неразрывной связи зова тела и работы мозга, физических потребностей и «когнитивных откликов» на них. Тело субъекта определяет все многообразие человеческой жизни, когнитивная деятельность осуществляется не только интеллектом, но и всем телом. Для антропоцентрической лингвистики книга Остера – блестящая иллюстрация связи ментальной и физической деятельности [Попова, Стернин, 2007, с. 36–37, 45]. Пересечение лингвистики текста с когнитивной лингвистикой становится особенно очевидным, когда в центре исследовательского внимания оказываются психология художественного творчества, идеи и идеалы языковой личности, когда для интерпретации текста привлекается экстенциональная и интенциональная семантика, когда язык рассматривается не только

как средство коммуникации, но и как средство объективации и сохранения картины мира. Эстетическая проблема сложных отношений языка, искусства и экстралингвистической реальности находит особое отражение в мемуарах Остера.

Как и всякий текст, “Winter Journal” характеризуется столкновением индивидуального и системного, уникальности индивидуального стиля и заданности жанра мемуарной литературы, литературной школы рубежа тысячелетий и исторического и культурного контекста. Трудно отнести Остера к одной литературной школе. В романе прослеживается влияние постмодернизма, например, смешение жанров, эклектика и фрагментарность (пастиш), однако, ощущается и веяние новой волны реализма – попытка верного, правдивого воспроизведения действительности в ее типичных чертах. Эксперименты с формой (отсутствие абзацев, использование второго лица и т.д.) говорят о влиянии деконструктивизма. В одном нельзя упрекнуть автора – в рутине, в шаблоне, в следовании известным нормам. Основной метод в мемуарах, как и в эпосе, – обращение к тайникам памяти, к собственному опыту мемуариста, но роман Остера и здесь стоит особняком. Его нормативный аспект – набор признаков, охватывающий различные уровни художественной структуры, содержит явное отклонение – второе лицо (См. выше), использование которого делает читателя активным участником акта коммуникации, более активным, чем обычный адресат. Отметим, что связанная с адресатом коммуникативная асимметрия известна давно. Вспомним множество интерпретаций Библии, связанных с мирозданием таких ее толкователей, как Лютер, Кальвин и Тиндейл, а также религиозные войны, которые полыхали в разных частях планеты в разные века.

В романе просматриваются узнаваемые черты художественного текста, – амбивалентность, многоплановость, аллегоричность, подтекст, поиск новизны, и, конечно же, мучающий художника поиск истины. Художественное мышление имеет тенденцию быть вариативно и многозначно, теоретическое – скорее инвариантно и однозначно, однако, сегодня не стремятся обнаружить между ними полярные различия [Разинкина, 2004, с.12 и сл.]. Истинность не воспринимается как абсолютно неподвижный набор критериев (он меняется во времени и пространстве), истина

понимается как истина субъекта. В области морали и ценностных установок Остер остается в рамках универсальных принципов. Его мемуары чужды кризису идентичности, который называют характеристикой постмодернизма. Суть ответа писателя на ключевой для социума вопрос идентификации заключается в следующем: «Тысячелетиями племена рода человеческого путешествовали (бродили, скитались) по земле, охватывая разные континенты. Едва ли мы можем знать, кто наши предки. Мы знаем лишь то, что мы люди и неважно, к какому племени мы принадлежим. Вопрос о расе вносит раскол и ведет к междоусобным боям». Подобный ответ несет в себе попытку решения многих проблем и указывает путь к истине.

Автор предлагает читателю захватывающее описание слабостей и радостей нашего тела, многообразных «опытов» нашей жизни, порой достаточно неожиданных. Таковы, например, ощущения во время полета в воздухе, когда реальность отстывает, и ты, оказываясь в состоянии невесомости, теряешь ощущение не только собственной реальности, но и реальности вообще (р. 104). Порою ракурс повествования неожиданно меняется, действие романа прерывается, и читатель переносится в иной возможный мир – мир фильма, который в это время смотрит автор. Его поражает безумный бег героя, человека, смертельно отравленного, обезумевшего от ужаса и несправедливости происходящего [р. 150].

Блестящими следует признать авторские описания физических и нравственных страданий человека, чувства унижения от потери пожизненных навыков: речи, способности к общению, к выражению собственных мыслей и чувств [с. 172–173]. В этих описаниях Остер отсылает читателя к давно забытой книге – Joseph Joubert “The End of Life is Bitter”. Напомним, что в формирование Остера как личности, в его понимание того, что значит быть человеком, внесло свой вклад и общение с детьми-инвалидами в далёкие школьные годы. Это общение с людьми, имевшими физические проблемы, воспитало в Остере чувство сострадания, сформировало способность проникнуть в сущность страдания, что было бы невозможно сделать без понимания метафизики боли.

Правдиво, искренно и жестоко Остер рисует свои «встречи» со смертью. Ему было всего десять лет, когда этот мир покинула бабушка со стороны отца, полубезумная женщина, убившая сво-

его мужа: ни страха, ни чувства потери Остер, еще ребенок, не испытывает. Совсем иначе он воспринимает смерть матери – это событие становится для него подлинной трагедией. Образ матери, которой посвящена значительная часть мемуаров, сложен и противоречив [р. 108 и след.]. Обвиненная в неверности и в измене мужу, она безгранично предана сыну. Сын делает ее жизнь осмысленной, дает ключ к существованию. Остер рисует убедительную картину человеческой жизни с взлетами и падениями, с любовью и разочарованием. Конец этой жизни обычен – пепел матери развеян в лесу, и лишь пять человек присутствуют на последнем прощании. Годы проходят, но нет более болезненного воспоминания для сына, чем этот уход. С потерей матери связаны все раздумья Остера о времени и о бренности всего живого.

Итак, в романе “Winter Journal” Пол Остер бросает взгляд в своё прошлое и в прошлое своей семьи. Его мемуары содержат захватывающее описание слабостей и радостей нашего тела. Заверяя о примате физического начала, Остер рассматривает физические, духовные и эмоциональные ландшафты жизни в их неразрывном единстве. Этот способ описания «Я» позволяет писателю по-новому взглянуть на психологию действующих лиц, на мотивацию их поступков, на их ценностную шкалу. Анализ романа, предложенный в статье, не ставил своей задачей дать исчерпывающее толкование книги и ее места в творчестве писателя. Задача была значительно скромнее – познакомить читателя с новой страницей в творчестве известного современника, привлечь внимание к некоторым особенностям, которые прослеживаются в литературе XXI столетия.

Список литературы

- Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М., 2007
 Разинкина Н.М. Функциональная стилистика. М., 2004.
 Тураева З.Я. Категория времени. Время грамматическое и время художественное. М., 2009.
 Щирова И.А. Текст сквозь призму сложного. СПб., 2013.
 Gildner A. Человек и мир в русском постмодернизме. Literaturoznawstwo. Kulturologia. Folkloristika. Warszawa. 2003.
 Auster P. Winter Journal. New York, Picador Edition, 2013.

Turaeva Zinaida Yakovlevna (Biblingen, Germany)

REFLECTIONS ABOUT THE BOOK BY PAUL AUSTER “WINTER JOURNAL”

The article centres around one of the last books of the contemporary American writer Paul Auster – “Winter Journal”. An attempt is made to trace the peculiarities of memoir literature and their interaction with the characteristics of modern literature.

Keywords: physical, psychological, emotional sides of life, stream of consciousness, the language of the body, postmodernism

УДК 81.42

Т.Г. Гусакова (Санкт-Петербург, Россия)

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПЕРСОНАЖА

Язык пространственных образов художественного текста рассматривается в статье как языковая модель социального пространства самоидентификации персонажа. К исследованию привлекаются данные социологии, психосемантики, лингвистики и литературоведения.

Ключевые слова: социальная идентичность, социальная самоидентификация, социальное пространство, художественное пространство, авторское эмоционально-оценочное отношение

Пространство признается фундаментальным понятием человеческого мышления. Сложный пространственный образ мира, который формируется в процессе восприятия предметов и объектов, является необходимым условием ориентации любой человеческой деятельности. Возникшее и долго существовавшее как форма донаучного знания, понятие пространства обнаруживает историко-культурную и социальную нагруженность, описанную культурологией, исторической географией, психологией, социологией и лингвистикой [ФЭС, 2004].

Проблема содержания и языковой репрезентации категории пространства выступает предметом философского и научного описания со времен античности, однако, обретает особую значимость в период становления антропоцентричной парадигмы (Н.Д. Арутюнова, С.Ю. Богданова, Н.С. Болотнова, В.Г. Гак, Е.А. Гончарова, И.А. Домашнев, М.С. Каган, И.М. Кобозева, Т.В. Матвеева, В.В. Тарасенко, З.Я. Тураева, И.Я. Чернухина, И.П. Шишкина и др.). Согласно данным когнитивной науки, на членении пространства основывается концептуализация мира (выделение концептов в ходе структуризации потока информации). Пространственные отношения лежат в основе концептуализации и семантической репрезентации большинства объектов и явлений внутреннего и внешнего мира человека [Богданова, 2007; А.В. Кравченко, Р. Лангакер, Е.В. Рахилина, Л. Талми].

Пространство как важнейший компонент мировидения человека получает языковую репрезентацию в художественном тексте. Языковые единицы, денотативно соотнесенные с пространственными объектами и характеристиками действительности, формируют в сознании читателя образ художественного пространства произведения. Отражая свойства реального пространства (дискретность, непрерывность, протяженность, трехмерность, форму, местоположение, расстояние, границы между объектами) семантика данных языковых единиц переосмысливается автором. Изучению категории художественного (или литературно-художественного) пространства посвящены многочисленные исследования (В.В. Виноградов, И.Р. Гальперин, Д.С. Лихачев, В.Н. Топоров, З.Я. Тураева, Б.А. Успенский). Исследователи рассматривают художественное пространство в единстве с категорией времени как *хронотоп* – «тесно взаимосвязанные временные и пространственные отношения, художественно освоенные в литературе» (М.М. Бахтин) или как *топохронос* – «отраженный в сознании образ заполненного (населенного) пространства и времени <...>, меняющегося в соответствии с законами реального мира» (М.В. Никитин).

Актуальность изучения языковой картины мира и ее индивидуально-авторского компонента обращает ученых к художественному тексту как к действенному средству объективации авторской картины мира [Щирова, 2000, с. 112], а к языку художественного пространства как к языковой модели пространственного компонента индивидуально-авторского мировидения [Агуреева, 2006; Дудорова, 2006; Коваленко, 2002]. Язык художественного пространства – вторичная моделирующая система, которая позволяет автору литературного текста воспроизвести не только физические характеристики реального ландшафта, но универсум в наиболее общих и значимых для автора проявлениях, в том числе этических и социальных [Лотман, 1988]. К последним относится ключевая для современной науки и литературы проблема социальной самоидентификации человека.

Под социальной самоидентификацией понимается процесс социального сравнения и отождествления себя с социальной группой или «значимым другим»: родителем, учителем, сверстником, т.е. человеком, который воплощает присущие группе стереотипы

поведения, нормы, цели, социальные роли, установки и ценности группы. Результатом социальной самоидентификации становится социальная идентичность – концентрированное представление человека о собственной принадлежности к различным социокультурным группам: расовой, гендерной, национальной, этнической, конфессиональной, имущественно-классовой, профессиональной, семейной и возрастной [Ядов, 1995, с. 160–161]. Согласно современному пониманию, выработанному в рамках социального конструктивизма, социальная идентичность представляет собой социокультурный конструкт, динамическую модель [Гриценко, 2005, с. 15]. Человек непрерывно конструирует различные аспекты своей идентичности в многообразных социальных практиках, утверждает ее статус, производит и воспроизводит их, скрывает или выставляет напоказ [Батлер, 2005, с. 296].

Как и другие типы деятельности, социальное самопознание протекает в пространстве и осмысливается в пространственных категориях (Г. Бгабга, П. Бурдые, А. Лефевр, П.А. Сорокин, П. Штомка, Т. Парсонс, Э.Т. Холл.). «Идентифицировать себя означает не только провести границу между собой и другими, самоидентификация простирается на объекты и пространство, в котором они находятся» [Proshansky et al., 1983, p. 57]. Присвоение человеком социальных образцов, норм, целей и ценностей происходит в определенных типах пространства – типизированных контекстах социализации, наиболее значимыми из которых являются «комната», «игровая площадка», «школа», «рабочий кабинет» и др. Степень значимости этих пространств для социальной самоидентификации человека меняется с возрастом в зависимости от конструируемого им аспекта социальной идентичности. Пространство, в котором проходит социальная самоидентификация, и наполняющие его объекты ассоциируются в сознании человека с культурным опытом и ценностями социальной группы, а впоследствии используются им для объективации групповых ценностей, становясь пространством социальным [там же, с. 59–60].

В «драматургической перспективе социологии» Ирвинга Гофмана социальное пространство (раскладываемое на «декорации», «реквизит» и «место действия»), наравне с другими вербальными и невербальными знаковыми средствами выражения соци-

ального статуса, рассматривается как средство конструирования социальной идентичности и самопрезентации человека другим. «Стандартные составляющие (пространства, *Т.Г.*): обстановка, включая мебель, декорацию, физическое расположение участников и другие элементы фона, которые составляют сценический и постановочный реквизит для протекания человеческого действия. Обстановка тяготеет к неподвижности в географическом смысле, так что тот, кто хотел бы использовать определенную обстановку как часть своего представления, не сможет его исполнять, пока не попадет в соответствующее место, и будет вынужден прекратить свое выступление, если покинет его» [Гофман, 2000, с. 54].

Социальное пространство как контекст и средство социальной самоидентификации получает индивидуально-авторское художественное переосмысление и объективируется автором художественного текста посредством языковых единиц, денотативно соотношенных с пространственными реалиями и отношениями. В число таких единиц оправданно включить:

- 1) лексические единицы с семантикой абстрактного отношения частей или сторон объекта к самому объекту (верх\низ, центр\периферия, стороны, внутренность\поверхность);
 - 2) лексические единицы, обозначающие место или пространство;
 - 3) наречия и предлоги с пространственной семантикой;
 - 4) топонимы и географические термины;
 - 5) глаголы со значением местонахождения и движения в пространстве;
 - 6) лексемы, обозначающие форму пространства и наполняющих его предметов;
 - 7) лексемы непространственного значения, которые могут функционировать как таковые в контексте [Агуреева, 2006].
- В художественную модель социального пространства автор помещает иллюзорно независимый когнитивный антропоцентр «персонаж», который становится субъектом изображенного социального самопознания. Аналогично реальному социальному пространству, ассоциируемому человеком с той или иной социальной группой и аспектом конструируемой социальной идентичности, литературно-художественное пространство ассоциируется

читателем с тем аспектом социальной идентичности, который, согласно авторскому замыслу, конструирует персонаж. Заметим, что авторская рефлексия и эксплицитная оценка ценностей социальной идентичности, «конструируемой» персонажем, обычно отсутствует в текстах современной литературы. Так, в текстах психологической прозы XX в., где доминирует имплицитно-подтекстовый способ повествования, она уходит в подтекст, а в текстах постмодернистской прозы, реализующих иронический модус повествования, – высмеивается и девальвируется, хотя и предлагается читателю активно. В этом случае особую значимость для выявления сущностных характеристик конструируемой идентичности в индивидуально-авторской картине мира и определения авторского эмоционально-оценочного отношения к ним обретают актуализируемые в сознании читателя окказиональные и оценочные семы импликационала языковых единиц, обозначающих пространственные детали и отношения.

Обратимся к примеру. Главный персонаж романа М. Этвуд “Cat’s Eye” восьмилетняя Элейн поступает в начальную школу. Девочки и мальчики занимаются в ней совместно (“*The boys don’t have a separate classroom*”), однако, в старом довоенном здании школы для них предусмотрены отдельные входы (“*They go in the BOYS door*”). Создавая пространственный образ здания школы, автор моделирует социальное пространство «школа», в котором, согласно авторской интенции, персонаж конструирует свою гендерную идентичность. Языковыми маркерами конструируемой персонажем социальной идентичности (гендер) служат существительные “*boys*”/“*girls*”, которые используются в тексте для обозначения персонажей, участвующих в эпизоде, и формируют надписи над входами, предназначенными для соответствующих категорий учеников.

The school building itself is old and tall, made of liver-coloured brick...At the back are two grandiose entranceways with...ornate insets above the doors, inscribed in curvy, solemn lettering: GIRLS and BOYS. When the teacher in the yard rings her brass handbell we have to line up in twos by classrooms, girls in one line, boys in another, and file into our separate doors. The girls hold hands; the boys don’t. If you go in the wrong door you get the strap, or so everyone says [Atwood, 2008, p. 53].

Автор создает пространственный образ здания школы посредством номинации “school building”, а также существительных, обозначающих пространственные объекты, и прилагательных, обозначающих пространственные характеристики предметов: “liver-coloured brick”, “old and tall”, “two grandiose entranceways”, “ornate insets”, “curvy solemn lettering”, “separate doors”; словосочетаний с предлогами пространственного значения: “at the back”, “above the doors”, “in the yard”, “by classrooms”, “in one line...in another”; словосочетаний с глаголами с семантикой движения: “line up in twos”, “file into”. Создавая в сознании читателя пространственный образ здания с двумя отдельными входами для девочек и мальчиков (“*two entranceways: GIRLS and BOYS*”, “*our separate doors*”, “*girls in one line, boys in another*”), автор моделирует гендерную идентичность, которая предполагает строгую дихотомию женского и мужского. Идея антиномии и сегрегации женского и мужского гендера реализуется в тексте посредством конвергенции стилистических приемов, а именно посредством:

- повтора числительного\субстантивированного существительного *two* (“*two entranceways*”, “*line up in twos*”); (in twos = in groups of two people or things [LEDO]);
- параллельных конструкций и асиндетона (“*girls in one line, boys in another*”, “*The girls hold hands; the boys don’t*”);
- эпитета, выраженного прилагательным *separate* (“separate doors”), актуализирующим в сознании читателя значения: 1. *not joined, connected, or combined; placed or kept apart* 2. *different from something else; not related [MW]*.

Пространственный образ здания школы метонимически представляет социальный институт школы с его первостепенной функцией социализации подрастающего поколения. Эпитеты *old* и *tall*, которыми автор наделяет это здание, и представляемый им социальный институт, актуализируют в сознании читателя прямые денотативные пространственно-временные значения (*old* – *having existed or been used for a long time*; *tall* – *a greater height than normal*) и окказиональные коннотативные значения (“*old school*” = “*old-fashioned*”; “*tall*” = “*proud, pompous, improbable*”). Данные сущностные характеристики ассоциируются читателем со строгой двухчастной моделью гендерной идентичности предлагаемой социальным институтом школы.

Гендерная самоидентификация в социальном пространстве школы не является для персонажа свободным, ничем не ограниченным выбором. Согласно авторской интенции, процесс конструирования гендерной идентичности персонажем управляется властной инстанцией социального института в лице учителя (“*When the teacher in the yard rings her brass handbell we have to line up in twos by classrooms*”) и регламентируется строгим табу: за несоответствующее пространственное выражение гендера (“*If you go in the wrong door*”) предусмотрено физическое наказание (“*you get the strap*”). Императивную модальность выбора и адекватного выражения гендера персонажем автор объективирует посредством модального глагола *have to* (“*we have to line up in twos by classrooms, girls in one line, boys in another, and file into our separate doors*”).

Пространственные детали в описании здания школы (*entranceways, lettering of insets above the doors*) характеризуются персонажем и, опосредованно, автором, эпитетами *solemn, grandiose, ornate*.

solemn 1. marked by the invocation of a religious sanction; 2. awe-inspiring; 3. marked by grave sedateness and earnest sobriety.

grandiose – *seeming to be impressive or intended to be impressive but not really possible or practical*.

ornate 1. marked by elaborate rhetoric or florid style; 2. elaborately or excessively decorated [MW].

Повторяющиеся компоненты значений данных прилагательных “sacred”, “respectable”, “humourless” и “useless” актуализируются в сознании читателя и ассоциируются читателем с социальным институтом и предлагаемой им моделью гендерной самоидентификации.

Персонаж Элейн не находит объяснения символизму отдельных входов для девочек и мальчиков. Обратимся к фрагменту, в котором автор эксплицирует эмоционально-оценочное отношение Элейн к социальной предопределенности выбора женского гендера, – даже на время она не может встать на место «другого» – вслед за братом заглянуть в класс через дверь для мальчиков.

I am very curious about the BOYS door. How is going through a door different if you're a boy? What's in there that merits the strap,

just for seeing it? My brother says there's nothing special <...> The boys don't have a separate classroom, they are in with us. They go in the BOYS door and end up in the same place we do. I can see the point of the boys' washroom, because they pee differently, and also the boys' yard, because of all the kicking and punching that goes on among them. But the door baffles me. I would like to have a look inside [Atwood, 2008, p. 53].

Однако, запрет на выбор мужского гендера делает его возможность особо ценной для персонажа (“*Going through the BOYS door merits the strap*”; *merit* – *to be good, important, or serious enough for praise or attention* [LEDO]). Интерес и положительное эмоционально-оценочное отношение персонажа к проявлениям гендерной идентичности «другого» эксплицирован конструкцией с модальным глаголом *would like* (*to have a look inside*) и предикативной конструкцией *am curious* (*about the BOYS door*).

Отрицательное отношение персонажа к предопределенности собственной гендерной идентичности эксплицируется в тексте посредством глагола отрицательной оценочности *baffle – defeat or check by confusing or puzzling; disconcert, frustrate* [MW] (“*the door baffles me*”). Непонятное для персонажа разделение входов на мужской и женский противопоставлено функционально мотивированному разделению других типов социальных пространств (“the yard”, “the washroom”). Данное противопоставление функционального и нефункционального реализуется на синтаксическом и лексическом языковых уровнях посредством параллельных конструкций, лексических повторов, противительного типа союзной связи, а также контраста простого эллиптического предложения и развернутого сложноподчиненного предложения с причинно-следственной связью (*I can see the point of the boys' washroom, because they pee differently, and also the boys' yard, because of all the kicking and punching that goes on among them. But the door baffles me*).

Итак, художественное пространство литературного текста функционально направлено на моделирование социального пространства, в котором, согласно авторской интенции, происходит социальная самоидентификация персонажа. Моделируемое социальное пространство ассоциируется читателем с сущностными характеристиками социальной идентичности, которую в плане

изображенной коммуникации конструирует персонаж. Выявить сущностные характеристики конструируемой персонажем идентичности в индивидуально-авторской картине мира позволяет анализ семантики языковых единиц, посредством которых автор текста объективирует пространственные образы в тексте.

Список литературы

Агуреева Е. В. Языковое моделирование пространства в романах В.Набокова: автореф...дис. к.филол.н., Кемерово, 2006.

Батлер Дж. Присвоение телом гендера: философский вклад Симоны де Бовуар // Женщины, познание и реальность. Исследования по феминистской философии: [сборник] М., 2005. С. 292–303.

Богданова С.Ю. Концептуализация и реконцептуализация пространственных отношений: на материале английских фразовых глаголов: автореф. дис. ... д.ф.н., Волгоград, 2007.

Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни / Пер. с англ. и вступ. статья А.Д. Ковалева. М., 2000.

Гриценко Е.С. Язык как средство конструирования гендера: автореф. дис. ...д. филол. наук. Тамбов, 2005.

Лотман Ю.М. Художественное пространство в прозе Гоголя // В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. М., 1988. С. 251–292.

Щирова И.А. Текст сквозь призму сложного. СПб., 2013.

Щирова И.А. Художественное моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века. СПб, 2000.

Ядов В.А. Социальные и социально-психологические формирования социальной идентичности личности // Мир России. 1995. № 3–4. С. 158–181.

Atwood M. Cat's eye. L., 2008.

Proshansky H., Fabian A., Kaminoff, R. Place identity: physical world socialization of the self // Journal of environmental psychology. L, 1993. № 3, P. 57-83.

Электронные источники

Философия: Энциклопедический словарь (ФЭС). М., 2004. [электронный ресурс]: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/994/ ПРОСТРАНСТВО (дата обращения: 12.01.2015)

Longman English Dictionary Online (LEDO) [электронный ресурс]: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 24.01.2015)

Merriam-Webster (MW) [электронный ресурс]: <http://merriam-webster.com> (дата обращения: 24.01.2015)

Gusakova Tatiana Germanovna (Saint Petersburg, Russia)

FICTIONAL MODEL OF CHARACTER'S SELF-IDENTIFICATION SOCIAL SPACE

The article addresses the language of spatial imagery in fiction as a linguistic model of character's self-identification social space. The study combines the data of sociology, psychosemantics, linguistics and literary research.

Keywords: social identity, social self-identification, social space, fictional space, author's emotive-evaluative attitude

УДК 81'38

*М.А. Парфентьева (Санкт-Петербург, Россия)***МЕТАФОРИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА**

В статье рассматриваются механизмы формирования метафорического смысла поэтического текста, а также анализируется стихотворение, в основе смысла которого лежит концептуальная метафорическая парадигма «время дня/эмоциональное состояние человека».

Ключевые слова: метафора, когнитивная теория метафоры, базовый метафорический концепт, когнитивные модели, понятийное поле, поэтический текст

Природа поэтической образности привлекала к себе внимание многих исследователей. Однако при анализе поэтических текстов на протяжении довольно долгого времени как в отечественной, так и в зарубежной лингвистике прибегали лишь к описательным методам. Принципы формально-структурного подхода не позволяли перейти с уровня описания авторских индивидуальных стилей и отдельных стихотворений на уровень анализа процессов смыслоформирования и понимания поэтических текстов.

Благодаря когнитивным исследованиям конца XX века метафора перестала рассматриваться как лексикологическое явление, т.е. как компонент структуры лексического значения слова, или как явление синтаксической семантики, связанное с особым характером предикации в синтаксических структурах. Данные когнитивных исследований позволили говорить о системности поэтического смысла, а развитие когнитивной теории метафоры сделало возможным определить как метафору и содержание поэтического текста.

Значительная заслуга в разработке когнитивной теории метафоры принадлежит американским ученым Дж. Лакоффу, М. Джонсону [Lakoff, Johnson, 2003] и М. Тернеру. В основе данной теории лежит положение о метафоричности мышления как такового. Ученые утверждают, что формирование и освоение метафорического смысла высказывания происходит не на уровне отдельных лексических единиц, а на понятийном уровне [Lakoff, Turner, 1989, p. 2]. Механизм метафоризации обеспечивается су-

ществующими в сознании глубинными структурными отношениями между группами понятий, которые позволяют структурировать одни понятия в терминах других [Баранов, 1992, с. 54]. Именно эта особенность мышления позволяет человеку мыслить в сходных терминах о себе, природных явлениях, технике и пр., устанавливать отношения тождества между представлениями, относящимися к разным областям реального мира.

Таким образом, метафору можно определить как осмысление понятий одного рода в терминах понятий другого рода на основе устойчивой образной аналогии между этими понятиями, закрепленной в сознании носителей языка. Для обозначения такой метафорической связи между понятиями Дж. Лакофф и М. Тернер используют термин «базовый метафорический концепт».

В основе механизма установления метафорических отношений между понятийными полями лежат существующие в человеческом сознании и формирующие иерархическую структуру метафорические парадигмы – сложные комплексы организованных в ряды понятий (человек как растение, как животное, как камень, как машина и пр.). Для обозначения когнитивных метафорических моделей, позволяющих структурировать понятия на базе образной аналогии, ученые используют термин “conceptual schemata”. Данные концептуальные структуры возникают в результате устойчивого характера образной связи между определенными понятийными сферами.

Анализируя в своей работе концептуальную основу неповторимых поэтических образов Эмили Дикинсон, Дж. Лакофф и М. Тернер отмечают, что они являются реализацией общих для всех представителей западной культуры когнитивных структур [Lakoff, Turner, 1989, p. 8]. Таким образом, когнитивная теория метафоры позволяет по-новому анализировать процессы смыслоформирования отдельных поэтических текстов, процессы восприятия и понимания поэтической речи, соотношение общего и индивидуального компонентов в области поэтического творчества, описывать характерные черты индивидуальных авторских стилей.

Метафоричность признается одной из основных характеристик поэтической речи, поэтому механизм метафорического сопоставления целых понятийных полей на основе устойчивой об-

разной аналогии является ведущим в процессе формирования смысловой целостности текста.

Анализ отдельных поэтических текстов показывает, что в основе смысла каждого конкретного стихотворения лежит определенная концептуальная метафорическая структура, обеспечивающая восприятие текста как смыслового единства [Толочин, 1997].

Базовый метафорический концепт определяет общий характер смыслового взаимодействия между основными тематическими планами стихотворного текста и формирует метафорическую единицу смысла. Так посредством описания элементов материальной действительности может быть выражено субъективное отношение автора к базовым духовным ценностям человечества, через конкретные чувственные представления могут быть выражены трудноуловимые эмоциональные переживания и оценочные отношения человека к себе, окружающим и действительности.

Рассмотрим, каким образом осуществляется метафорическое формирование смысла в поэтическом тексте, на конкретном примере стихотворения Джеймса Херста "Evening". Данный текст принадлежит к метафорической парадигме «время дня / эмоциональное состояние человека».

James Hearst

Evening

*Be quiet, Heart, the sun goes down
The sun goes down on the meadow.
As far to the east as the eye can reach
The cottonwood spreads its shadow.
A team in the field makes its last slow turn,
In a barn on the hill the windowpanes burn.*

*Be comforted, Heart, the sun goes down,
The sun bends down to harvest
The two remaining straws of light
That the roofs and the trees still cherish,
And a late-winged bird drops a falling bar
Of sleep notes to the evening star.*

*Be peaceful, Heart, though the sun goes down
Though the sun goes down and ever
It leaves to the pouring layers of dark
Our fields as it might forever,
This day our love, our labor and grief
Like the fiber of life have surpassed belief.*

Стихотворение содержит два тематических плана: первый представляет собой развернутое описание пейзажа, второй – характеризует душевные переживания человека. Однако даже при первом беглом прочтении очевидная двуплановость текста не вызывает у читателя ощущения дискомфорта. Напротив, её присутствие воспринимается как естественное. Такая единость тематических планов обеспечивается существующей в сознании читателей образной аналогией между структурой концепта «вечер» и целой гаммой эмоций, характеризующих душевные состояния человека и обладающих четкой ассоциативной связью с данным концептом. Эти эмоции связаны с чувством окончания ещё одного прожитого дня, завершения очередного этапа жизни, лёгкой грустью и усталостью, подведением некоторых итогов.

Важно отметить, что буквального прочтения текста не происходит, т.к. мы заранее знаем, что перед нами поэтический текст (об этом говорит графическое оформление текста – строфное членение); то, что сознание читателя готовится к восприятию поэтической образности, является результатом нашей литературной компетенции. Кроме того, название стихотворения 'Evening' задаёт основное направление работы мысли и метафорического приращения смысла, и сознание читателя еще перед прочтением текста активирует тот ассоциативный потенциал, который имеется у каждого конкретного человека. В результате, во время прочтения стихотворения сознание читателя сразу актуализирует базовую метафорическую аналогию, что обеспечивает синтез тематических планов текста.

С точки зрения расположения тематических планов анализируемое стихотворение обладает рамочной структурой. Текст начинается и заканчивается словами, которые вводят тематический план, актуализирующий эмоциональные переживания человека. Все три строфы начинаются с императивных конструкций, со-

державших прямое обращение *Heart* (метонимическое замещение духовного и эмоционального мира человека), которое непосредственно отсылает читателя к его внутреннему миру, а последние две строки стихотворения обрамляют композицию.

Первые строки каждой из трёх строф являются элементами сцепления и занимают ключевые позиции в стихотворении, формируя смысловую целостность текста и обеспечивая единство поэтической структуры. Строгая одинаковость параллельных императивных конструкций и анафорический повтор прямого обращения выделяют важные по смыслу элементы и подсказывают читателю, на чем задержать внимание. Таким образом, связь в заполнении сильных позиций является важным фактором целостности текста, а их содержание становится понятным из взаимодействия с остальным текстом, в чём проявляются комбинаторные приращения смысла.

Фрагменты текста, обрамлённые начальными строками, содержат развёрнутое описание вечернего пейзажа, которое формируется следующими элементами текста: *the sun goes down on the meadow, the two remaining straws of light, a late-winged bird drops a falling bar of sleep notes to the evening star, the pouring layers of dark*, а также предложениями, описывающими завершение трудовой деятельности сельского жителя: *in a barn on the hill the windowpanes burn, a team in the field makes its last slow turn*. Каждая из указанных конструкций реализована одновременно в двух возможных вариантах – в своем буквальном значении, которое соответствует визуальному ряду, и как метафорическая аналогия.

Текст не является простой линейной соположенностью слов. Все виды выдвижения в тексте важной информации и придания ей экспрессивности основаны на взаимодействии элементов текста между собой и со структурой целого. Структурирование метафорического смысла в анализируемом поэтическом тексте осуществляется за счёт взаимодействия конкретных образов, реализованных языковыми средствами и описывающих вечерний пейзаж; императивных конструкций, стоящих в начальной позиции строф и содержащих прилагательные *quiet* и *peaceful*, а также причастие *comforted*. Все упомянутые языковые средства обладают сходной коннотативной окраской.

Параллельные императивные конструкции и анафорические повторы прямого обращения в начальной позиции строф не просто способствуют актуализации концептуальной аналогии, обеспечивающей метафоризацию описания вечернего пейзажа, они определяют характер конкретизации образных ассоциаций и раскрывают отношение автора к определённым бытийным ценностям и их роли в человеческой жизни.

Базовый концепт «вечер/завершение определённого этапа в жизни, увядание, приближение покоя, небытия» разворачивается в метафорическую структуру, изображающую переживания и чувства человека как нахождение в вечернем пейзаже.

На понятия, подвергающиеся метафоризации, указывают:

- первые строки всех трёх строф, которые с синтаксической точки зрения образуют идентичные конструкции, что помогает читателю выделить их в тексте,
- метонимия *Heart* как замещение всего внутреннего духовного и эмоционального мира человека,
- прилагательные *quiet* и *peaceful*, причастие *comforted*;
- предложение *the sun goes down*.

Начальные строки каждой из строф получают смысловое обогащение и органично сливаются с описательными фрагментами текста за счёт развёртывания базового метафорического концепта, задающего направление, в котором происходит дальнейшее усложнение коннотативных нюансов метафорического смысла.

Последние две строки первых двух строф также занимают эквивалентные позиции, занятые эмоционально и тематически эквивалентными образами: в первой строфе – это окончание трудовой деятельности человеком (*A team in the field makes its last slow turn, In a barn on the hill the windowpanes burn.*); во второй строфе – окончание дня в животном мире (*And a late-winged bird drops a falling bar Of sleep notes to the evening star.*) Автор выделяет их резким изменением метра – переходом от свободной рифмы к смежной, благодаря чему строки как бы подводят итог всей строфы, становятся завершающим штрихом в создании картины-образа. Детали описания конкретной ситуации выступают опорными элементами формирования образной конкретизации содержания абстрактных понятий.

Стихотворение необычайно мелодично и ритмично, переходы от одного элемента текста и смысла к другому малозаметны, сознание как бы скользит по воспринимаемой информации. Однако в третьей строфе появляются элементы малой вероятности, которые нарушают непрерывность восприятия. Их восприятие требует усилий со стороны читателя, а потому сильнее на него воздействует. Во-первых, это союз *though*, нарушающий параллелизм анафорических повторов и подготавливающий сознание читателя к изменению в настроении стихотворения. Во-вторых, это перенос во второй и четвёртой строках последней строфы. В первых двух строфах наблюдается соответствие смыслового и синтаксического членения метрическому членению, в соответствии с чем в конце строк делается пауза. Нарушение этого соответствия состоит в переносе на следующую строку слов, грамматически и логически связанных с концом предыдущей, и снижает вероятность паузы в конце строки. Это заставляет читателя фиксировать своё внимание на отрезке речи, построенном не так, как он ожидает, а переход к новой мысли и эмоции становится более заметным в силу своей неожиданности.

Последние две строки стихотворения дают лирическое разрешение темы. Резкое изменение метра в этой строфе – переход к смежной рифме в последних двух строках – также противопоставляет их и всей строфе, и стихотворению в целом, усиливая эффект обманутого ожидания. Это помогает читателю понять чувства автора: несмотря на сегодняшний вечер, завтра будет новый день, и жизнь продолжится. На фонетическом уровне данный эффект поддерживается обилием звуковых повторов – аллитераций. В последних двух строках пятикратное повторение плавного [л] придаёт речи нежную музыкальность.

Итак, анализ когнитивной основы поэтического текста показал, что в основе его смысла лежит одна концептуальная структура – метафорическая парадигма “время дня / эмоциональное состояние человека”. Существование такой аналогии определяет рамочную структуру смысловой организации текста, единство восприятия сосуществующих в стихотворении тематических планов и обеспечивает правильное понимание метафорического смысла читателем. Когнитивная теория метафоры позволяет анализировать поэтический текст на лингвистической основе.

Определение поэтического текста как структуры, для которой характерны отклонение от нормы и деавтоматизация восприятия, уже представляется изжившим себя. Индивидуальность поэтического образа определяется своеобразием конкретных словоупотреблений при создании конкретно-чувственных представлений, неповторимостью ритмического рисунка, фонемной мелодики и интонационного оформления.

Поэтическая метафора, обладающая неповторимой авторской образностью, одновременно очень неоднозначна. Конкретно-чувственная наглядность переживаний, воссозданная автором в тексте, лишь задает основное направление интерпретации метафорического смысла, в то время как художественный образ, выстроенный на основе метафорической парадигмы, остается открытым для многозначных толкований. Как справедливо отмечает М. Блэк, метафора создает, а не выражает сходство [Блэк, 1990, p. 162].

Список литературы

- Баранов Г. С. Научная метафора: модельно-семиотический подход. В 2 т. Т. 1. Кемерово, 1992.
- Блэк М. Метафора // Теория метафоры. М., 1990. С. 153–172.
- Толочин И. В. Системность поэтической метафоры и ее эволюция (на материале англо-американской поэзии XX века): дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1997.
- Hearst J. The Complete Poetry of James Hearst. Iowa City, 2001.
- Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. London, 2003.
- Lakoff G., Turner M. More than cool reason: A field guide to poetic metaphor. Chicago and London, 1989.

Parfenteva Marina Aleksandrovna (Saint-Petersburg, Russia)

THE METAPHORICAL CONCEPTUAL STRUCTURE OF A POETIC TEXT

The article considers the mechanisms forming the metaphorical meaning of a poetic text. The analysis of a poem based on the conceptual metaphorical schemata “a man’s feelings as a time of day” is given.

Keywords: metaphor, cognitive theory of metaphor, basic metaphorical concept, conceptual schemata, conceptual domain, poetic text

УДК 811.111'34.08

А.А. Приходько (Запорожье, Украина)

ФРЕЙМОВАЯ СТРУКТУРА КОНЦЕПТА «ЖИЗНЬ» И ЕЁ ВЕРБАЛЬНОЕ НАПОЛНЕНИЕ

Фреймовое моделирование раскрывает структуру концепта «ЖИЗНЬ» в романах о вампирах. Оно демонстрирует лексическое наполнение всех слотов фрейма данного концепта и особенности его репрезентации.

Ключевые слова: фрейм, концепт, фреймовое моделирование

Существует много подходов к анализу содержательных единиц, их структуры и систематизации знаний о них, в числе основных из которых следует упомянуть семантический (компонентный) анализ (Алефиренко Н.Ф., Попова З.Д., Стернин И.А.) и концептуальный анализ (Карасик В.И., Кубрякова Е.С.). Эти методы отличаются друг от друга. Во-первых, для концептуального анализа важно не только выявить элементы, которые входят в состав значения (это важно для семантического анализа), но и установить определенные связи между этими элементами, связать их друг с другом, а во-вторых, единицам концептуального анализа свойственна «большая степень абстракции» [Жаботинская, 2005, с. 53].

Каждый концепт может быть представлен в виде некоей структуры, элементы которой существуют в составе целого в определенной взаимосвязи. Одним из способов (форм) представления структурированного содержания концептов является фрейм. Фрейм рассматривается и как тип концепта, и как один из способов структурирования его содержания. Ряд исследователей характеризуют фрейм как «понятие, которое включает в себя наиболее общие понятия, информацию о предметах мира, в котором существует человек, об их особенностях и взаимодействии» [Минский, 1979, с. 15], «как единицу знания, которая организована вокруг концепта и содержит в себе данные о сущностном, типовом и возможном для этого концепта в рамках определенной культуры» [Болдырев, 2000, с. 5]. Другие определяют фрейм «как структуру информационных данных, в которой отражены полученные

эмпирическим путем знания об определенной стереотипной ситуации и текст, который их описывает» [Селиванова, 2004, с. 101], «особенную организацию знаний, которая состоит из необходимого предварительного условия нашей способности понимать те слова, которые тесно связаны между собой» [Fillmore, 1985, р. 230].

Целью данной статьи является определение специфики фреймовой структуры концепта «ЖИЗНЬ» и его вербального наполнения на материале романов о вампирах. Фрейм является основой когнитивных структур, репрезентирующих в языке образ, представление, содержащее универсальные и идиоэтнические черты. Индивидуальный характер наполнения этой когнитивной структуры зависит от особенностей носителя языка. В описании фреймовой структуры концепта будем придерживаться определения фрейма как типовой ситуации, которая связана с реальными психологическими процессами восприятия, относится к глубинному пласту социального сознания и характеризуется следующими признаками: схематичностью, упрощенностью и укорененностью в сознании членов социума [Селиванова Е.А. и др.].

Методика фреймового анализа оправдала себя как при изучении концептов в отдельной лингвокультуре, так и при сопоставительном изучении одного концепта в разных лингвокультурах (лингвисты обращались к концептам «ПАМЯТЬ», «ЛЮБОВЬ», «ЖИЗНЬ», «ЗНАНИЕ/ПОЗНАНИЕ», «ВЛАСТЬ», «ВОЕННОЕ ВРЕМЯ», «КОНФЛИКТ», «СМЕРТЬ», «СКРОМНОСТЬ» и др.). Согласно С.А. Жаботинской, для описания концептуальных структур используется 5 базисных фреймов, каждый из которых имеет свои модификации: предметный, таксономичный, посевивный, акциональный и компаративный [Жаботинська, 2006].

Ограничиваясь конструированием фрейма концепта «ЖИЗНЬ», автор статьи использует следующие возможности фреймового моделирования: возможность систематизации информации о концепте; возможность изучения особенностей определенных частей целого; возможность воссоздавать типичные ситуации, «стереотип», служащий точкой отсчета для рассмотрения ситуации, в которой оказался человек. Фреймовое моделирование позволяет полностью отобразить информацию, которая ассоциируется с анализируемым концептом.

При описании фреймовой структуры концепта «ЖИЗНЬ» представляется целесообразным его сравнение с антонимическим концептом «СМЕРТЬ». «ЖИЗНЬ» и «СМЕРТЬ» являются контрадикторными антонимами, разделяющими семантическое поле биологического существования пополам [Хо Сон Тэ, 2001]. Контрадикторная антонимичность проявляется в языке, когда пространство основания «делится на два исчерпывающих его признаков пространства» [Никитин, 2007, с. 425]: например, ширина = *широкий – узкий*; высота, рост = *высокий, рослый – низкий* и т.п. Контрадикторность, с одной стороны, может быть чисто интенциональной, когда оба оппозитивных признака известны и в связи, и независимо друг от друга, т.е. каждый из них предстает качественно определенным: *широкий – узкий; высокий, рослый – низкий; живой – неживой, мертвый; хороший – плохой; приятный – неприятный*. С другой стороны, контрадикторность может быть смешанной интенционально-экстенциональной [Никитин, 2007].

Хотя концепты «ЖИЗНЬ» и «СМЕРТЬ» универсально присутствуют в концептосфере любого социума, явления, которые они называют, по-разному соотносятся с индивидуальным опытом. Поскольку жизнь – это субъективный опыт, а смерть не является постоянным, эмпирическим опытом личности, представление о смерти мы обретаем, наблюдая за тем, что происходит с другими индивидами. Именно поэтому смерть, находящаяся за гранью реального, эмпирического опыта, может быть представлена при помощи некоторых признаков, сходных с теми, которые формируют представление о жизни – например, жизнь после смерти.

Для определения специфики фреймовой структуры и вербального наполнения концепта «ЖИЗНЬ» был рассмотрен роман *Raphael* из серии *Vampires in America* Д.Б. Рейнолдс. В ходе анализа был сконструирован фрейм концепта «ЖИЗНЬ», который состоит из нескольких слотов: ВРЕМЯ (период протекания жизни), ПРОСТРАНСТВО (где именно протекает жизнь), КОЛИЧЕСТВО (продолжительность жизни), КАЧЕСТВО (особенности жизни) и БЫТИЕ (способ жизни). Методом сплошной выборки были отобраны фрагменты текста, которые демонстрируют тот факт, что жизнь протекает на протяжении определенного време-

ни, в определенном месте, а смерть, хоть и является окончанием жизни, тоже соотносится с понятиями пространства и времени.

Анализ иллюстративного материала позволил сделать следующие выводы.

Содержание слота ПРОСТРАНСТВО вербализовано при помощи языковых единиц с семами «ограниченность» (*of great or more than average width, spread over a large area*) или «неограниченность» (*not closed or blocked, extremely large, enormous, not covered*): *down the hall, huge space, open space, wide space* [D.B. Reynolds]. Жизнь описана как феномен, который протекает на поверхности, в пределах определенного города: *territory* (an area of land that belongs to or controlled by a person); *neighborhood* (a place or region near), то есть характеризуется локативными параметрами. Следовательно, жизнь показана как сущность, соотносимая с определенным центром – местом существования человека, поскольку этот мир является видимым, реальным.

Наполнение слота ВРЕМЯ представлено числительными, обозначающими бесконечность. Если можно определить, сколько лет или столетий длится жизнь, то в контекстах, где появляются такие упоминания, используются прилагательные и числительные в сочетании с существительными во множественном числе: они ассоциируются с определенным длительным, промежуточным временем: *an adult of several hundred years; More than two but not many centuries; one has lived for centuries*

Слот КОЛИЧЕСТВО репрезентируется такими прилагательными, как *long life; short life*, которые подразумевают, что время жизни не конкретизируется точными временными маркерами

Слот КАЧЕСТВО вербализован при помощи прилагательных, в семантике которых присутствуют семы *recent, existing at all times, authentic* (*eternal life; new life; real life* и которые характеризуют такую жизнь, которая реальна и в то же время является вечной, непреходящей).

Языковые единицы, в значениях которых содержится сема *to last, to extend*, описывают способ протекания жизни, формируя слот БЫТИЕ: *eternal life; continued existence*.

Таким образом, жизнь показана линейной, длительной, бесконечной, не имеющей границ и ограничений. Можно высказать предположение, что подобная вербализация концепта «ЖИЗНЬ»

характерна для романов о вампирах, так как жизнь в этих романах описана как цикл, который не завершается, – его конец становится точкой отсчета для новой, бесконечной жизни.

Список литературы

Жаботинська С.А. Посесивна конструкція і концептуальні трансформи // Мова. Людина. Світ. До 70-річчя професора М. П. Кочергана. Зб. наук. статей. / Під ред. Тараненка О.О. Київ, 2006. С. 178–192.

Жаботинская С.А. Лексическое значение: принципы построения концептуальной сети // Złoto z perspektywy językoznawcy i tłumacza, tom II. / In Pstyga, Alicja (red.). Gdansk, 2005. P. 53–62.

Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.

Никитин М.В. Курс лингвистической семантики: Учебное пособие. – 2-е изд., доп. и испр. СПб., 2007.

Селиванова Е. А. Когнитивная ономазиология. Киев, 2000.

Хо С. Т. Концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ в русском языке : На материале фразеологизмов и паремий: дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 «Русский язык». – М., 2001.

Fillmore Ch. J. Frames and the semantics of understanding // Quaderni di semantica. Vol. VI, No. 2, December 1985, P. 222–254.

Reynolds D.B. Raphael. N.Y., 2009.

Prihodko Alexandra Alexeevna (Zaporozhye, Ukraine)

THE FRAME STRUCTURE OF THE CONCEPT “LIFE” AND ITS VERBAL FILLING

Frame modeling shows the structure of the concept “LIFE” in the novels about vampires. It demonstrates the lexical content of all the slots of the frame of the analyzed concept and the peculiarities of its representation.

Keywords: frame, concept, frame modeling

УДК 821.11

Э.В. Седых (Санкт-Петербург, Россия)

КАТЕГОРИЯ ДЕКОРАТИВНОСТИ В ПОЭЗИИ О. УАЙЛДА

В статье речь идёт о декоративности поэтического творчества О. Уайлда 1880–90-х гг. Категория декоративности была воссоздана в творчестве прерафаэлитов, под их влиянием стала знаковой в модерне и символизме. Декоративность характерна для первого поэтического сборника Уайлда. Декоративный диптих составляют поэмы из циклов «Цветы на ветру» и «Цветы Золотые». Принцип декоративности прослеживается и в поздних поэмах, например, в «Симфонии в жёлтом» и «Декоративных фантазиях: Панно и Воздушные шары».

Ключевые слова: английская литература, Оскар Уайлд, декоративность, прерафаэлиты, модерн

Для всего поэтического творчества Уайлда характерна декоративность, апеллирование к декоративным началам художественного текста. В его поэзии эстетическое начало выступает в «декоративном» одеянии. Декоративность можно рассматривать здесь как свойство, усиливающее выразительную и организующую роль произведения. Декоративность – эстетическое освоение поэтической среды, его художественное оформление в качестве «второй природы», создающее орнаментальную красоту, украшающее обыденное и сиюминутное, дополняющее живописное. Декоративность в произведениях Уайлда – искусство украшения текста, а не украшательство, формирующее целостную картину описания, запечатлевающее неповторимый авторский стиль. Категория декоративности создаёт особую, «декоративно-смысловую» [Скурту, 1990, с. 55], художественную картину мира в его метатексте.

Понятие «декоративность» берёт начало в «Поэтике» Аристотеля, «Риторике» Цицерона, «Искусстве поэзии» Горация. Декоративность была чтима в эпохи античности, средневековья и Ренессанса. Как художественная категория она возродилась в контексте творчества прерафаэлитов, особенно, Д.Г. Россетти и У. Морриса, и под их влиянием стала знаковой в модерне и символизме, в том числе, и в метатексте Уайлда. Категория декоративности стала основным компонентом его стилистики 1880–90-х гг. Вслед за Моррисом [Morris, 2015], Уайлд считал, что произведение ис-

кусства должно обладать декоративностью: оно должно не только рассказывать о чём-то и что-то выражать, но и представлять чистую, гармоничную, осознанную красоту, быть орнаментальным, являться органичной частью прекрасного целого.

Качество декоративности требует от мастера поэтического слова особых приёмов, особого типа художественно-образного мышления, мифопоэтического отношения к действительности. Декоративность является прерогативой авторов – сторонников *романтического* в искусстве [Каган, 1973, с. 14]. Декоративность, или «декоративная живопись», украшающая произведение, предполагает ясность, определённую, цельность художественной формы. Она «строит» художественный текст как иллюзорное пространство и подчёркивает условные ракурсы форм изображаемого, его орнаментальный, метафорический характер.

В произведениях Уайлда декоративность используется для воссоздания художественных деталей, украшает целостную картину изображения. Она развивает характер описания, заданный композицией, обнажая конструктивные элементы, акцентируя внимание на фактуре поэтического материала. В поэтике Уайлда декоративность выступает и как внутренняя, органически присущая конструкции текста, и как внешняя – дополнительное украшение, декор, фон. Она обслуживает «первичную реальность», отражённую в тексте [Лихачёв, 1999, с. 166], – художественную первичность (живописность), выступая как «детализация исходного конструктивного образа» [Лосев, 1982, с. 34].

В 1881 г. под влиянием эстетики Россетти и Морриса Уайлд выпустил первый поэтический сборник «Поэмы», который перепечатывался и перепечатавался им пять раз; окончательная версия в авторской редакции вышла в свет в 1892 г. В сборник вошли поэтические высказывания, которые, как и все произведения искусства, были пропитаны интертекстуальностью. Среди прочих в нём звучали голоса У. Шекспира, Ф. Сидни, Дж. Милтона, Дж. Донна, У. Вордсворта, Дж. Г. Байрона, Дж. Китса, А. Теннисона, М. Арнольда, У. Морриса, А. Суинбёрна, символистов. Кроме того, его поэмы были насквозь эстетичными, воспевающими красоту наслаждения и озарения, и декоративными (например, поэма «Впечатления», состоящая из двух частей: «Силуэты» и «Исчезновение луны»). Декоративность использо-

валась здесь для описания художественных деталей – строительного материала, составной части художественной реальности, представляющей воспроизведение предметов и явлений вещного мира. Каждая поэма сборника, как и у Морриса, – это отдельная сюжетная картина, гобелен, фреска, панно, ковёр, ткань.

Сборник имел строгую архитектурную композицию: пять поэтических циклов («Свобода», «Тайная Роза», «Цветы на ветру», «Цветы Золотые», «Четвёртое движение») чередовались с эпическими поэмами: «Сад Эроса» (пасторальное видение мифа о Венере и Адонисе), «Бремя Итиса» (любимая поэма Уайлда, выражающая его отношение к языческому многобожию), «Хармид» (изображает греческого юношу, восплававшего страстью к статуе богини), «Пантея» (попытка осознания своего происхождения), «Во человечестве» (образец философской лирики). В состав книги были также включены «Впечатления о театре». Поэмы из данного раздела представляли собой портреты театральных деятелей, современников Уайлда. Синтетичность сборника, кроме категорий живописности, скульптурности, музыкальности, базировалась и на декоративности. Все поэмы в качестве «декоративной канвы» были насыщены архаизмами и устаревшими синтаксическими конструкциями. Многие из них являлись стилистически декоративными («декоративные истории» в романтической традиции); воплощали в себе культ растительных форм и персонифицировали мифопоэтическую модель уайлдовского «сада» (здесь очевидна параллель с «садом» Морриса).

Самыми «декоративными» являются поэмы из циклов «Цветы на ветру» и «Цветы Золотые». Цветы на ветру – одинокие, застывшие в порыве откровений поэтические шедевры очеловеченной городской природы («Утреннее впечатление», «Серенада», «Шансон», «Эндимион», “La Bella Donna Della Mia Mente”). Это необычно-прекрасные впечатления, яркие вербальные картины, наполненные кристальной музыкой ветра. Цветы золотые – антитеза цивилизованной декоративности природы, воплощение необузданной декоративности искусства («В Золотой Комнате: Гармония», «Впечатления», «Могила Китса», «Интеллектуальная любовь», “Santa Decca”).

Данный цикл содержит аллюзию к Золотому Дому Нерона, руины которого были обнаружены в Риме в XV в. Все поэмы цик-

ла связаны образами и тематикой с предметами искусства; они живописно-декоративны, визуальны, наполнены реминисценциями. Так, поэма «В Золотой Комнате: Гармония», с одной стороны, соотносима с «Павлиньей гостиной» (1877), декорированной последователем прерафаэлитов Дж. Уистлером: «Гармония в синем и золотом». С другой стороны, в поэме прослеживается связь с поэмой Морриса «Beata mea Domina»/«Восхваление моей дамы», в которых оба поэта представляют своих возлюбленных в «скульптурно-декоративном» одеянии, наделяют их чертами готовых «произведений искусства». Сравните начальные строки: “*Her ivory hands on the ivory keys*” (Уайлд) – “*My lady seems of ivory*” (Моррис) [LN, 2015].

Декоративный диптих «цветов на ветру» и «цветов золотых» ярко демонстрирует двойное отношение Уайлда к интерпретации жизни и искусства относительно первичности одного из этих элементов (в этом он является последователем концепции взаимосвязи жизни и искусства прерафаэлитов).

Обратимся к поэме «Утреннее впечатление» (цикл «Цветы на ветру»):

Impression Du Matin

*The Thames nocturne of blue and gold
Changed to a Harmony in gray:
A barge with ochre-colored hay
Dropt from the wharf: and chill and cold
The yellow fog came creeping down
The bridges, till the houses' walls
Seemed changed to shadows, and St. Paul's
Loomed like a bubble o'er the town.
Then suddenly arose the clang
Of waking life; the streets were stirred
With country waggons: and a bird
Flew to the glistening roofs and sang.
But one pale woman all alone,
The daylight kissing her wan hair,
Loitered beneath the gas lamp's flare,
With lips of flame and heart of stone.*
[цит. по Седых, 2013, с. 85]

Поэма воплощает в себе утреннее впечатление от Лондона; автор как будто ткёт гобелен из синестетичных слов, постепенно расширяя пространство восприятия декоративности очеловеченной природы – природы большого города. Он предлагает некое объективное описание, лишённое как излишних эмоциональных откровений, так и дидактического комментария. На интертекстуальном уровне поэма перекликается с поэтически-декоративными зарисовками Т. Готье, на интерсемиотическом – с полотнами французских импрессионистов и с декоративно-музыкальными картинами «Ноктюрн в синем и золотом» и «Гармония в сером – Челси во льду» Дж. Уистлера.

Уайлд в поэме использует уистлерский образ жёлтого тумана над синими водами Темзы, который поглощает реальность, преобразуя её природные порывы (реку, золото, окру, поющую птицу, свет дня, пламенные губы) в серую монотонность города: стены домов превращаются в безликие тени, бледная женщина с выцветшими волосами и каменным сердцем бессмысленно бредёт по оживающему городу. Жёлтый цвет трансформируется у него в серый цвет, символизируя упадок, бесцветность, растворение во тьме бытия, смерть. Пробуждающийся к жизни город уже изначально «не жив»; в нём нет намёка на обновление, свойственное восходу жизни, ибо, как считает Уайлд, оцивилизованная природа замирает в своём развитии, становится статичной; несмотря на все попытки выглядеть естественной, её красота меркнет.

После публикации сборника 1881 г. Уайлд возвращался к принципу декоративности поэтического текста в опубликованных в различных изданиях изумительных стихотворениях, таких, как «Впечатление I: Сад» и «Впечатление II: Море» (1882), «Под балконом» (1884), «Розы и рута»/«К Л.Л.» (1884), «Сад Тюильри» (1885), «Дом падшей женщины» (1885), «К зиме от дней весенних» (1876), «Декоративные фантазии: Панно и Воздушные шары» (1887), «В лесу» (1889), «Симфония в жёлтом» (1889).

Его поэма «Симфония в жёлтом» является авто-реминисценцией на рассмотренную нами выше поэму «Утреннее впечатление»:

Symphony in Yellow

*An omnibus across the bridge
Crawls like a yellow butterfly,*

*And, here and there, a passer-by
Shows like a little restless midge.
Big barges full of yellow hay
Are moored against the shadowy wharf,
And, like a yellow silken scarf,
The thick fog hangs along the quay.
The yellow leaves begin to fade
And flutter from the Temple elms,
And at my feet the pale green Thames
Lies like a rod of rippled jade
[цит. по Седых, 2013, с. 91].*

Уайлд вновь фокусируется на значимых для него элементах упадка, ставших одной из ведущих тем его поэзии. Но в данном случае он рассматривает их с иной точки зрения. Декоративная канва произведения включает в себя всё ту же Темзу с мостами и баржами, везущими сено; всё тот же всепоглощающий туман; всё тех же летящих в никуда людей (серые мошки). Золото и синева исчезли до начала повествования; серость поглотила природное естество, всё выцвело: река, причал люди. На этом фоне развивается действие, наполненное декоративными метаморфозами. Сущности не исчезают в небытии и не превращаются в эфемерные создания, – они трансформируются в нечто иное: автобус становится жёлтой бабочкой, туман – жёлтым шёлковым шарфом, жёлтые листья вязов соприкасаются со священным храмом, а бледно-зелёная Темза сравнивается с трепещущим нефритом. Жёлтые бабочки, листья и туман, будучи частицами природы, олицетворяют идею Уайлда о том, что природа жива, будучи в состоянии бесконечного упадка. Искусство как дело рук человеческих в состоянии помочь природе как творению божественному. Не случайно поэма заканчивается надеждой на вечный союз природного, живописного и искусственного, декоративного: Темза приобретает зеленоватый оттенок, уподобляется нефритовой нити – нити жизни.

Декоративными шедеврами Уайлда являются его две «Декоративные фантазии» – «Панно» и «Воздушные шары». С одной стороны, поэмы – своего рода вариации на темы из книги «Галантные празднования» (1869) Поля Верлена и тесно связаны с

идеями французского романтизма (Т. Готье «Эмали и камеи», 1852), символизма, импрессионизма. С другой стороны, в них, по-прежнему, ощущается влияние эстетических идей прерафаэлитов, имплицитно цитируются мотивы декоративного искусства Морриса. Так, в поэме «Панно» содержится явная аллюзия на сюжетный гобелен Морриса «Флора»:

*Under the rose-tree's dancing shade
There stands a little ivory girl,
Pulling the leaves of pink and pearl
With pale green nails of polished jade... [LN, 2015]*

Настоящим образцом декоративного поэтического искусства является и вторая уайлдовская поэма из «Декоративных фантазий»:

Les Ballons

*Against these turbid turquoise skies
The light and luminous balloons
Dip and drift like satin moons
Drift like silken butterflies;
Reel with every windy gust,
Rise and reel like dancing girls,
Float like strange transparent pearls,
Fall and float like silver dust.
Now to the low leaves they cling,
Each with coy fantastic pose,
Each a petal of a rose
Straining at a gossamer string.
Then to the tall trees they climb,
Like thin globes of amethyst,
Wandering opals keeping tryst
With the rubies of the lime.
[цит. по Седых, 2013, с. 90]*

Уайлд мастерски декорирует небесное полотно, хотя и мутное, но всё же бирюзовое, постоянно движущимися вверх, разноцветными воздушными шарами. Шары, являясь предметами деятельности рук человеческих, сливаются с природой, с небом, даруя ему свет и цвет. Они, как живые существа способны трепе-

тать, парить, плавать, танцевать, взбираться на древо, блуждать, падать и подниматься ввысь. Воздушные шары бросают вызов самой природе, одухотворяя искусство, становясь одновременно частицей природы (отождествление с луной и бабочкой) и произведениями декоративного искусства (атласными лунами, шёлковыми бабочками). Здесь очевидна взаимосвязь поэтики Уайлда с японским искусством, которым увлекались символисты.

Уайлд создаёт нарастающий синестетический эффект. Воздушные шары превращаются в средство «вышивания» на полотне гобелена: они ложатся на холст прозрачным жемчугом невиданной красоты, становятся серебристым напылением, проступают на поверхности лепестками розы, рассыпаются по зелени бусинками аметиста, стремятся воссоединиться в декоре в виде опалов и рубинов. Следует заметить, что стихотворение сопоставимо с декоративными тканями Морриса, на которых в «воздушное пространство» устремляются цветы, разнообразные по окраске и форме (например, «Тюльпаны»).

Поэтические фантазии Уайлда были оригинальными и эстетичными потому, что впитали изысканную декоративность. Они характеризовались тонко выписанными деталями, богатым орнаментальным языком, цветовой образностью. Его поэзия, как и поэзия Морриса, стремилась отлиться в зримые, вещные, осязаемые, декоративные формы. Она отличалась предметностью и материальностью изобразительной манеры. Уайлд сумел воспринять декоративность искусства, воплотить её в своих поэтических творениях и внести свой достойный вклад в искусство модерна – art Nouveau.

Список литературы

- Каган М.С. О романтическом // Творчество. № 11. 1973. С. 12–14.
 Лихачёв Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков. СПб., 1999.
 Лосев А.Ф. Проблема вариативного функционирования живописной образности в художественной литературе // Литература и живопись. Л., 1982. С. 31–65.
 Седых Э.В. Английская поэзия второй половины XIX века: учебное пособие. СПб., 2013.
 Скурту Н.П. Искусство и картина мира. Кишинёв, 1990.

Электронные источники

- LN: The Literature Network: [сайт]. URL: <http://www.online-literature.com/wilde/2297/> (дата обращения: 15.03.2015).
 Morris W.: Articles [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marxists.org/archive/morris/works/index.htm> (дата обращения: 15.03.2015).

Sedykh Elina Vladimirovna (Saint Petersburg, Russia)

THE CATEGORY OF DECORATIVENESS IN O. WILDE'S POETRY

The paper deals with the decorative effects of the poetic works of O. Wilde of the 1880–90th. The category of decorativeness was recreated by the Pre-Raphaelites; under their influence it became significant in art Nouveau and symbolism. Decorativeness is characteristic of Wilde's first collection of poetry. The decorative diptych is made by the poems from the cycles "Wind Flowers" and "Flowers of Gold". The principle of decorativeness can also be seen in his late poems, for example, in "Symphony in Yellow" and in "Fantaisies Décoratives: Le Panneau & Les Ballons".

Keywords: English literature, Oscar Wilde, decorativeness, Pre-Raphaelites, art Nouveau

УДК 81'22

Ю.В. Сергаева (Санкт-Петербург, Россия)

МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ ТЕКСТ: ЧИТАТЬ, СМОТРЕТЬ И/ИЛИ СЛУШАТЬ?

Статья посвящена мультимодальному направлению в лингвистических исследованиях, базирующемуся на таких понятиях, как *поликодовость*, *интермедиальность*, *синтез искусств* и пр. На примерах произведений литературы и современного искусства показано взаимодействие разных семиотических систем, вербальными и невербальными средствами которых создаётся единое целое, требующее от интерпретатора высокой степени активности и сотворчества – многоканального (но не идентичного авторскому) восприятия.

Ключевые слова: мультимодальность, мультимодальная лингвистика, поликодовость, мультимодальный текст, семиотическая система, синтез искусств, творчество

Понятия *мультимодальность*, *поликодовость*, *интермедиальность*, *интерсемиотичность* достаточно прочно вошли в сферу научных интересов представителей широкого спектра наук, которые видят в них как сложную многомерную реальность, постоянно пополняющуюся новыми кодами, средствами передачи информации, так и собственно методологическое направление исследования этой реальности (см., напр., [Multimodal Studies, 2014]). Как отмечает В.Е. Чернявская, на современном этапе развития науки можно говорить «о так называемом медиальном повороте (*medial turn*, *medienkritische Wende*)» в лингвистике [Чернявская, 2013, с. 122]. В то же время эксплицируемая в самих номинациях названных выше терминов сложность и множественность формы, по справедливому замечанию И.А. Щировой, «свидетельствует о неоднозначности обозначаемых ими сущностей, как и о потенциальной вариативности очерчиваемых ими границ» [Щирова, 2013, с. 6].

Идея мультимодальности в применении к филологии и теории коммуникации не нова. О многоголосии, полифонии как свойстве текста писал М.М. Бахтин, об отношении языка к другим системам коммуникации и о многократном кодировании текста и культуры, полиглотизме рассуждали Р. Якобсон, Р. Барт и

Ю.М. Лотман, понятие вербальной музыки предложил ещё в 60-е гг. С.П. Шер, а экспериментам с синтезом искусств находилось место практически в любую эпоху. К настоящему времени креолизованные тексты, живописность и музыкальность литературного произведения, а также ряд других проявлений поликодовости стали традиционным объектом изучения [см. напр., Сорокин, Тарасов, 1990; Анисимова, 2003; Чернявская, 2009; Седых, 2010 и др.]. Более того, метафоры «полифония» и «симфония» применяются сегодня не только к описанию коммуникации, но и к процессам познания мира вообще [см. напр., Архипов, 2004]. Тем не менее, о формировании «мультимодальной лингвистики» как отдельного направления исследований, заговорили относительно недавно (см. об этом [Кибрик, 2010]).

Определяя термин «мультимодальный», Кибрик А.А. опирается на принятое в нейрофизиологии и информатике понимание модальности как «типа внешнего стимула, воспринимаемого одним из чувств человека, в первую очередь зрением и слухом» [Кибрик, 2010, с. 135]. Мультимодальность представляется неотъемлемым свойством любой коммуникации, осуществляющейся по трём информационным каналам: вербальному, визуальному и просодическому.

Важность просодики переоценить трудно, т.к. единицы сверхсегментного уровня (паузы, акценты, тон, темп, высота, долгота звука, особенности произношения и другие речевые характеристики) не только повышают информативность вербального канала, но и создают образ, почти не уловимый при зрительном восприятии текста, как это имеет место при декламации художественного произведения.

Так, известно, что Дж. Джойс придавал особое значение музыкальности своего трудного для прочтения романа «*Finnegans Wake*», который и сам писатель, и многие критики советовали воспринимать не зрительно, а на слух, чтобы почувствовать на просодическом уровне семантически глубокий и медленный, как река, «язык ночи» (*nat language*) или, как его ещё называют, *Wakese*. Существует несколько вариантов аудиозаписи отрывков из этого произведения в исполнении профессиональных чтецов, однако, наибольшую ценность представляет собой фрагмент Анна Ливия Плюрабелль (*Anna Livia Plurabelle*), записанный в

1929 году самим Дж. Джойсом. По свидетельству Ю.Джоласа, авторская декламация отрывка раскрывает необыкновенной красоты музыкальность и ритм уникального стиля писателя: *“Those who have heard Mr. Joyce read aloud from Work in Progress know the immense rhythmic beauty of his technique. It has a musical flow that flatters the ear, that has the organic structure of works of nature, that transmits painstakingly every vowel and consonant formed by his ear.”* (выделено мной – Ю.С.) [цит. по Music in...].

Следует упомянуть участие Дж.Джойса в эксперименте по «переводу» фрагмента Анна Ливия Плурабелль на English BASIC – упрощенный язык, состоящий из 850 наиболее употребительных слов английского языка и разработанный лабораторией Ч.К. Огдена. Создание ещё одного вербального кода имело своей целью демонстрацию на экране перед аудиторией «перевода» с *Wakese*, который сопровождался прослушиванием аудиозаписи оригинального текста. [Ogden, 1995]. Изначально нацеленный на чистоту эксперимента Дж.Джойс во многих случаях, однако, предпочел заменить слова из оригинального текста другими, подходящими по звучанию, но не соответствовавшими по значению единицам упрощенного языка BASIC. Писателю было важнее передать не семантическое содержание, а сохранить ритм, мелодику. Например, лексему *hooks* («and two *hooks* in the front») Джойс заменил лексемой *books* («and two *books* in the front»). Замена не обеспечивала совпадения по значению, но сохраняла свойства нарратива на фонологическом уровне.

В современном культурном пространстве мультимодальный способ создания текста или какого-либо другого произведения искусства становится ведущим художественным методом креативной личности. Он находит отражение не только в литературе периода постмодернизма, но и во многих современных инсталляциях, перформансах, хеппенингах и требует от интерпретатора особых затрат – многоканального восприятия, необязательно идентичного авторскому. Не претендуя на подробное освещение вопроса, назовем лишь несколько произвольно выбранных примеров синтеза искусств в произведениях наших современников, представителей разных творческих профессий.

Ярким примером взаимодействия нескольких семиотических систем – языкового кода и трехмерного визуального образа явля-

ются скульптурные композиции современного испанского скульптора Ж.Пленса. Мировую известность Ж.Пленса принесли вариации скульптуры *Nomade*, которые можно увидеть во многих уголках земного шара: гигантская фигура человека, сидящего, обхватив руками колени, и смотрящего, как правило, на море. Стальная фигура состоит из букв латинского алфавита, создающих ажурный, полый внутри каркас, который позволяет «зайти внутрь» скульптуры любому желающему. Подчеркивая необходимость сотворчества при восприятии его творения, скульптор утверждает: «Когда кто-нибудь входит внутрь, то он наполняет скульптуру душой. Моя работа не завершена, пока она пуста внутри» [цит. по Человек из букв ...]. Таким образом Пленса выражает идею о некоей «сверх-задаче» языка – язык не только служит для осуществления коммуникации, но и является своего рода оболочкой («envelope»), наполняющей находящегося внутри человека энергией и особым знанием о мире. Буквы символизируют строительный материал, конструирующий слова и предложения, которые облекают мысли в материальную форму.

Обратимся к следующему примеру.

Трехмерный образ и поэтический текст составляют объёмную картину-инсталляцию ливерпульского поэта Роджера Макгофа, известного своими социальными бунтарскими произведениями и участием в хэппенингах, которые устраивались в Ливерпуле в 60-70-е гг. Стихотворение Макгофа *“To Massa’s Trousers”* демонстрируется в застекленном стеллаже вместе с брюками, когда-то принадлежавшими Полу Маккартни и отданными его братом Макгофу ещё в 60-е гг. (имя Майкла Маккартни также упоминается в стихотворении). Творчество *The Beatles* оказало на автора инсталляции сильное влияние, прежде всего, потому что в течение нескольких лет, с 1964 по 1973 гг., он играл в группе *The Scaffold* вместе с братом Пола. Как комментирует инсталляцию сам Р. Макгоф: *“Then, as the trousers unfolded, so did the story”*. Конструкция *“as..., so...”*, а также загнутая (folded) часть брюк, иллюстрирующая цитату, подчеркивают неотделимость одной части инсталляции от другой, единство текста и артефакта, их взаимовлияние. Брюки модного в 60-е годы фасона стали стимулом к созданию стихотворения и явились главным образом инсталляции. Составив с вербальным кодом стихотворения

смысловое и культурное целое, они позволили читателю/зрителю соотнести себя с иной культурной эпохой.

В творческих экспериментах художницы и музыканта Йоко Оно реализуется синтез искусств и иных созидательных начал, включая природу. Произведения-инструкции “Painting to be constructed in your head” и “Secret Piece” являются примером «разгерметизации» искусства, когда использование разных семиотических кодов и ориентир на акциональность расширяют рамки текста или картины.¹

В картине-инструкции “Painting to be constructed in your head” представлена совокупность вербального кода, визуальных образов и ментальных образов, которые должны возникнуть у реципиента после прочтения инструкции, написанной художницей на белом полотне:

PAINTING TO BE CONSTRUCTED IN YOUR HEAD

Observe three paintings carefully.
Mix them well in your head.

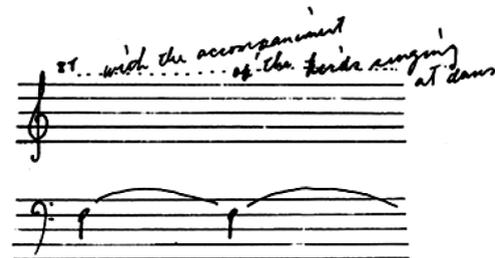
В произведении «Secret Piece» представлена модификация так называемой «вербальной музыки» (по терминологии, С.Шера [Scher, 1969]). Но если, анализируя литературные произведения, С.Шер определял вербальную музыку как подробное описание в тексте реального или вымышленного музыкального сочинения, как словесное приближение к партитуре и характеру исполнения, то Йоко Оно оставляет простор для интерпретатора. В своём «музыкальном» тексте она ограничивается установкой на одну ноту, (её выбирает сам интерпретатор; *Decide on one note that you want to play*), время и место (*woods from 5 a.m. to 8 a.m., in summer*) и предлагает вид аккомпанемента:

¹ Происходит также стирание границ между формами – тексты-инструкции Йоко Оно издаются и демонстрируются как в виде книг (например, в коллекции музея MoMA в Нью-Йорке), так и представляются на выставках в виде картин (например, в Музее современного искусства в Стокгольме)

SECRET PIECE

Decide on one note that you want to play.
Play it with the following accompaniment:

The woods from 5 a.m. to 8 a.m.
in summer.

Нотный стан, расположенный под инструкцией, вместо привычных нот содержит авторскую ремарку – «*with the accompaniment of the birds singing at dawn.*». Указание на то, что мелодию должно сопровождать пение птиц, прогнозирует взаимодействие со звуками и образами живой природы, т.е. многоканальность и выход за пределы пространства, в котором непосредственно демонстрируется данное произведение. Заметим, что творческие акции в соответствии с данными инструкциями действительно периодически проводятся Йоко Оно в Центральном парке Нью-Йорка или других местах.

Так, через текстовые указания (сигналы адресованности) Йоко Оно вовлекает зрителя/читателя в процесс саморефлексии, творчества и сотворчества. Характерная императивность текстов-инструкций призывает к действию, требует отклика адресата интерпретатора, который, помимо языкового кода, должен владеть и некоторыми представлениями о музыкальной семиотической системе.

Работы Йоко Оно являются наглядным примером концептуального искусства, в основе которого лежит идея диалогизма и интерактивности творчества. Художник формулирует концептуальную идею, конечный продукт творчества создается адресатом, и лишь ментальное пространство (границы воображения, знание

о предмете и т.п.) адресата ограничивает рамки дозволенного. Синтез искусств стирает границы между автором и интерпретатором, между профессиональным художником и любителем. Йоко Оно доносит до общества важную мысль: художником без труда может стать любой из нас: “*Art is not a special thing. Anyone can do it. Making art does not have to be so unusual*” [цит. по Foote, 2014].

Краткий обзор некоторых примеров органичного создания и функционирования мультимодального произведения позволяет заключить, что «мультимодальный текст» представляет собой многокомпонентное смысловое и функциональное единство, элементы которого могут быть представлены как эксплицитно, так и имплицитно, а информация передаётся по вербальному, визуальному и просодическому каналам с помощью разных семиотических кодов. Облегчая восприятие произведения, наличие разных кодов, вместе с тем, требует от интерпретатора фоновых знаний, рефлексии и сотворчества.

Список литературы

- Анисимова Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). М., 2003.
- Архипов, И.К. Полифония мира, текст и одиночество познающего сознания // *Studia Linguistica*. Вып. XIII. СПб., 2004. С. 23–36.
- Кибрик А.А. Мультимодальная лингвистика // *Когнитивные исследования* – IV. М., 2010. С. 134–152.
- Седых Э. В. Проблема синтеза искусств в истории и теории литературы и искусства: монография. СПб., 2010.
- Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // *Оптимизация речевого воздействия*. М., 1990. С. 178–187.
- Чернявская В.Е. Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // *Вестник ИГЛУ*. № 2(23). 2013. С. 122–127.
- Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Поликодовость. Интертекстуальность. Интердискурсивность. М., 2009.
- Щирова И.А. Текст сквозь призму сложного. СПб., 2013.
- Multimodal Studies: exploring issues and domains* / Ed. by K.L. O’Halloran, B.A. Smith. N.Y.–London, 2014.
- Ogden C.K. *The Orthological Institute London-Tokyo*, 1995.
- Quigley M. *Modernist Fiction and Vagueness: Philosophy, Form and Language*. N.Y., 2015.
- Scher S.P. *Verbal Music in German Literature*. New Haven, 1969.

Электронные источники

- Человек из букв: скульптура Жауме Пленса / [Сайт] URL: <http://www.kulturologia.ru/blogs/271009/11642/> (дата обращения 10.05.2015)
- Music in the works of James Joyce / [Сайт] URL: http://www.james-joyce-music.com/finnegans_wake.html (дата обращения 19.04.2015)
- Foote C. *Yoko Ono’s Secret Piece*. April 30, 2014 / [Сайт] URL: http://www.moma.org/explore/inside_out/2014/04/30/yoko-onos-secret-piece (дата обращения 19.04.2015)

Sergaeva Yulia Vladimirovna (Saint Petersburg, Russia)

MULTIMODAL TEXT: READ, WATCH AND/OR LISTEN?

The article explores the domains of multimodal linguistics – a new field in language studies that focuses on *multimodal /polycode texts, interconnection of different semiotic systems and synthesis of arts*. Modern works of arts and literary texts are used as an example of how verbal and non-verbal means of communication can be interwoven in the process of meaning-making. Multimodal texts require high-order receptive and interpreting skills, as well as co-creativity in the multilevel text analysis.

Keywords: *multimodality, multimodal linguistics, multimodal /polycode text, semiotic system, synthesis of arts, creativity*

УДК 81.42

С.Г. Филиппова (Волхов, Россия)

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОПИСАНИЯ АВТОРСКОГО КОНЦЕПТА

Статья посвящена проблеме моделирования авторского концепта художественного текста с позиции аксиологически ориентированной лингвистики. В художественном тексте как результате аксиологической деятельности его автора субъективные ценности коррелируют с авторскими концептами. О характере субъективных ценностей автора позволяют судить оценочные характеристики концептов, которые реализуются в оценочных когнитивных значениях, оценочных коннотациях и окказиональных оценочных смыслах.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, ценность, авторский концепт, оценочность

Аксиология – философская дисциплина, исследующая категорию «ценность», характеристики, структуры и иерархии ценностного мира, способы его познания и его онтологический статус, а также природу и специфику ценностных суждений [НФЭ, <http://iph.ras.ru/elib/0086.html>]. Сам термин «ценности» широко используется в философской и социологической литературе для указания на «человеческое, социальное и культурное значение определенных явлений действительности» [ФЭС, 1983, с. 765]. Объективирующееся в языке понятие «ценность» становится базовой категорией интенсивно развивающегося аксиологического направления в современной лингвистике. Выделяемая в составе лингвистики аксиологическая лингвистика определяется как сфера междисциплинарного знания, предметом которой является воплощение ценностей в языковом сознании и коммуникативном поведении реципиентов [Джамбаева, 2013]. Данное направление называют и лингвистической аксиологией (лингвоаксиологией), однако, существует мнение, что, при обозначении соотношения аксиологии и лингвистики представляется целесообразным вести речь об «аксиологически ориентированной лингвистике», что коррелирует с понятием «аксиологическое измерение языка» [Лингвистика и аксиология, 2011, с. 18].

В рамках аксиологической лингвистики предлагается методология изучения аксиологического аспекта языка, получившая название этносемиометрии, в основе которой лежит анализ установленных в философии, семиологии, культурологии или социальной психологии концептов, объективируемых словами и выражениями с особой коннотативно-оценочной семантикой [там же, с. 23]. Кроме того, проводятся психолингвистические исследования, ориентированные на использование данных ассоциативного эксперимента, который дает возможность выявить, каково ценностное отношение представителей разных этносов к тому или иному предмету или явлению, и каким образом это отношение представлено в их языковом сознании [Джамбаева, 2013].

В аксиологии различаются предметные (блага) и субъектные (цели) ценности. К предметным ценностям относят: 1) все многообразие материальных предметов природы и культуры, 2) весь комплекс общественных отношений, 3) явления природы, включенные в сферу культуры. Субъектные ценности – это отношение в форме оценки по шкале «хорошо-плохо» предметных ценностей (благ) на основе определенных критериев и процедур и сами эти критерии и процедуры. Предметные ценности ценностно не нагружены сами по себе. Они имеют смысл только как знаки, «читаемые» человеком. Их смысл и аксиологическая нагруженность формируются отношением к ним человека. Термин «субъектные ценности» отражает, таким образом, процессуальность и привязанность предметных ценностей (благ) к действительному, то есть действующему человеку [ФЭС, 1983, с. 765]. Проблема субъектных ценностей состоит в критериях и процедурах оценивания, т.е. связана с познанием и имеет отношение к истине.

Современный философ и логик А.А. Ивин отмечает, что вопрос о соотношении истины и ценности является одним из аспектов более общей проблемы взаимосвязи созерцания и действия, теории и практики. Истинностное отношение – это теоретическое отношение, соотносимое с духовной формой освоения мира человеком, т.е. научной деятельностью. Ценностное отношение – это практическое отношение, соотносимое с духовно-практической формой освоения мира человеком, т.е. аксиологической деятельностью, к которой относят нравственную, религиозную и худо-

жественную деятельность [Ивин, <http://encdic.com/philosophy/Cennost-2621/>].

Таким образом, истина в искусстве – аксиологической деятельности с целью поисков истины, опосредованных сложными комплексами образов, – имеет процессуальный, деятельностный характер. Так, в психологической литературе автор моделирует когнитивную активность субъекта-персонажа в процессе познания мира, который и представляет по своей сути путь к истине. Истинность в художественном тексте неразрывно связана с субъективными состояниями человека [Щирова, 2013, с. 136].

Экстраполируя разграничение предметных и субъектных ценностей на художественный текст, отметим, что реализованная в нем предметная ценность (благо) есть его тема (topic). Это ценность-благо, интерес к которой служит основанием авторской интенции, мотивом к созданию текста. Это ценность-цель, поскольку «автор отбирает и комбинирует лишь те фрагменты действительности, которые полагает важными для воспроизведения в художественной модели» [Щирова, 2013, с. 73].

Субъектная ценность, реализованная в художественном тексте, представлена авторским концептом как конденсированным глубинным смыслом.

Под концептом вообще понимается ментальная единица индивидуального сознания человека, идеальная сущность, «обращённая к отражаемому человеком миру». Структура и членение сознания человека на концепты обусловлены структурой и содержанием действительного мира, совокупной деятельности человека в действительном мире [Никитин, 2001, с. 16, 53]. Несмотря на реальность концепта, он неизбежно имеет для лингвиста умопостигаемую природу, не наблюдается, а моделируется [Щирова, 2013, с. 71].

В лингвистике выделяют два основных исторически сложившихся подхода к изучению природы концепта: лингвокогнитивный и лингвокультурологический. Обозначенные подходы различаются векторами по отношению к индивиду: «лингвокогнитивный концепт – это направление от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный концепт – это направление от культуры к индивидуальному сознанию» [Карасик, 2004, с. 117]. В центре внимания лингвокогнитивного подхода находят-

ся связи концепта и значения, языковые реализации концепта. Лингвокультурологические исследования концепта связываются с его социокультурными особенностями.

Аксиологически ориентированной лингвистике в большей степени отвечает лингвокультурологический подход, поскольку ценностные ориентации личности в основном определяются национальной культурой. Однако для исследователя авторских концептов художественного текста необходимо синтезировать оба ракурса описания, поскольку, с одной стороны, авторские концепты формируются на базе культурных концептов, с другой стороны важнейшей характеристикой авторского концепта является его индивидуальность, выраженная в уникальной языковой форме.

Авторские концепты как ментальные единицы индивидуального сознания автора художественного текста и элементы авторской картины мира выступают исходными точками развития смыслов текста; они определяют его коммуникативную направленность, лексико-семантическое строение и структурно-композиционную организацию. Интерпретация текстовых смыслов лежит в основе моделирования авторских концептов.

Моделирование концепта предполагает его структурирование. Структура концепта может быть представлена как слоисто-полевое образование, состоящее из ядра, приядерной зоны и периферии (полей), и понятийного (фактуального), ценностно-оценочного и ассоциативного (образно-ассоциативного) слоев [Филиппова, 2008, с. 10]. Принципиальное значение для аксиологического описания авторского концепта имеет анализ его ценностно-оценочного слоя.

Собственно *ценностным* можно назвать такое интенционально направленное оценочное отношение, которое, во-первых, обретает особую важность в смыслообразовании; и, во-вторых, в ходе оценивания возводит значимость осмысляемого / переживаемого к сущностным смыслам духовного плана [Лингвистика и аксиология, 2011, с. 39]. В художественном тексте ценностные смыслы коррелируют с доминантными глубинными смыслами (базовыми концептами), которые, как правило, ассоциируются с общечеловеческими ценностями – человеком, смыслом жизни и т.д.

Оценочный слой авторского концепта вписывает его в систему ценностей автора и может быть представлен в виде 1) ядерной характеристики концепта, если оценка включена в словарное значение соответствующей ЛЕ, 2) приядерной характеристики концепта, если присутствуют оценочные коннотации, или 3) периферийной характеристики концепта, если имеют место личностные окказиональные оценки и эмоции.

Проиллюстрируем сказанное на конкретном языковом материале.

Базовый концепт художественного текста не всегда эксплицируется соответствующим языковым коррелятом. Случаи, когда значение ЛЕ-имени концепта включает оценку, т.е. оценочный слой занимает его ядерную зону, особенно редки. Однако в качестве иллюстрации сошлемся на известный рассказ С. Моэма «Сальваторе» (S. Maugham, Salvatore), повествующий о простом крестьянине и рыбаке, который отличался своей добротой и состраданием. Автор восхищается добротой как человеческим качеством и эксплицирует базовый концепт в заключительном предложении (сильной позиции) рассказа *goodness* с положительно-оценочным когнитивным значением:

«And in case you have not guessed what the quality was, I will tell you. *Goodness, just goodness*» [Maugham, 1988, p. 148].

Подобная экспликация глубинного смысла является ключом понимания оценочной составляющей авторского концепта и ценностной ориентации писателя.

Оценочные коннотации, способствующие пониманию ценностной составляющей авторского концепта, требуют более глубокого понимания текстовой смысловой организации, поскольку стилистически маркированная лексема представляет собой определенную рецептивную трудность. С другой стороны, такая лексема – эффективное средство эмоционального и эстетического воздействия на адресата. Примером лексем с положительно оценочной коннотацией может послужить прилагательное *ruddy* в одном из описательных фрагментов известного романа Т. Харди «Тэсс из рода д'Урбервиллей» (T. Hardy, Tess of the d'Urbervilles). Цветообозначение красного цвета *ruddy* синонимично ЛЕ *red*:

«But of all *ruddy* things that morning the brightest were two broad arms of painted wood, which rose from the margin of a yellow cornfield hard by Marlott village» [Hardy, 1891, p. 146].

Компонентный анализ позволяет выделить положительно-оценочную коннотацию в семном составе ЛЕ *ruddy – red, as showing good health* [Hornby, 1984, p. 562]. Красное, таким образом, представляется субъектной ценностью для автора, что вполне согласуется с философией этого писателя, который прославляет солнце, природу летнего дня, символизирующих простую деревенскую жизнь и сельский труд в поле.

Окказиональные смыслы как оценочные характеристики авторского концепта требуют еще более глубокой интерпретации текста, осмысления всей текстовой концептосферы, т.к. находят выражение в ЛЕ и их комбинаторике, составляющих ассоциации в структуре концепта. Проиллюстрируем такие смыслы на примере известного романа А. Мердок «Черный принц» (The Black Prince).

Физическая запретная любовь-страсть к девушке втрое моложе героя поглощает писателя Брэдли Пирсона целиком. Ради нее он идет и на предательство, и на преступление. Авторский концепт (физическая любовь) реализован метафорой *Black Prince* – заглавием романа. Прямая номинация *love* используется автором в целом ряде микроконтекстов, что способствует выявлению ближайших ассоциаций. Моделирование концепта осложнено интертекстуальными смыслами. Основными репрезентантами ассоциативных компонентов являются ЛЕ *suffering*, аллюзивный антропоним *Hamlet*, ЛЕ *Prince*, выражение *Black Eros* – аллюзия на философскую концепцию Платона – и др.

То, что образ черного принца связывается с Шекспировским Гамлетом, имплицитно положительную оценку в структуре концепта благодаря оценочным прилагательным:

“Hamlet is unusual because it is a great work of literature...”, “It’s the greatest of Shakespeare’s plays”, “...it’s the best known work of literature in the world” [Murdoch, 1967, p. 196, 198].

Ряд аллюзий на концепцию Платона о четырех видах Эроса также включают в себя слова и выражения, формирующие положительные оценочные смыслы:

How right Plato was to think that embracing a lovely boy, he was on the road to the Good [p. 210], Human love is the gateway to all knowledge, as Plato understood [p. 390]; The pains of love? Pooh! And yet: the ecstasy of love, the glory of love. Plato lay with the

beautiful boy and thought it no shame to see here the beginning of the path to the sun. Happy love undoes the self and makes the world visible [p. 349].

Хотя любовь Пирсона – это страдание, несчастная любовь, омраченная ревностью, ненавистью, злобой и сожалением, страдания такого рода автор относит к чистому, возвышенному чувству. Это находит выражение в ЛЕ *pure* (morally good) и *sublime* (so good or beautiful that it affects you):

Unhappy love is, or can be, a revelation of pure suffering. Too often of course our reverses are clouded and embittered by jealousy, remorse, hatred, the mean and servile if onlys' of a peevish spirit. But there can be intuitions even here of a more sublime agony [p. 349].

Таким образом, ценностная составляющая авторского концепта, который можно обозначить как «физическая любовь», предполагает ее величие, красоту и божественность. В конце романа, находясь в тюрьме, Пирсон создает свой шедевр, и, таки образом, низший, разрушающий, «темный эрос» Пирсона ведет его к настоящему искусству.

Интерпретируемые оценочные смыслы наиболее значимых авторских концептов позволяют выделить ценностные ориентации личности автора, соотнести их с культурнозначимыми ценностными концептами и постулатами. Такой аксиологически ориентированный анализ художественного текста имеет важнейшее значение для понимания лингвокогнитивной деятельности творческой личности.

Список литературы

Джамбаева Ж. А. к вопросу о разработке психолингвистического направления аксиологической лингвистики // Cuadernos de Rusnstica Espasola № 9. 2013. С. 29–36.

Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004.

Лингвистика и аксиология: этносемиотрия ценностных смыслов. М., 2011.

Никитин М.В. Концепт и метафора // Проблемы теории европейских языков. Studia Linguistica 10. СПб., 2001.

Филиппова С.Г. Интертекстуальность как средство объективации авторской картины мира: автореф...к.ф.н., СПб., 2008.

Философский энциклопедический словарь. М., 1983.

Щирова И.А. Текст сквозь призму сложного. СПб., 2013

Hornby A.S. Oxford dictionary of current English. Oxford, 1984.

Maugham W.S. Salvatore // Английская новелла первой половины XX века. Сборник. Сост. В.А. Скороденко. М., 1988. С. 145–148.

Электронные источники

Новая философская энциклопедия // <http://iph.ras.ru/elib/0086.html> (дата обращения: 11.04.2015)

Murdoch Iris. The Black Prince. Suffolk, 1967

Ивин А.А. Ценности // Философский словарь. URL: <http://encdic.com/philosophy/Cennost-2621/> (дата обращения: 11.04.2015)

Hardy T. Tess of the d'Urbervilles // URL: <http://pinkmonkey.com/dl/library1/book0994> (дата обращения: 11.04.2015)

Filippova Svetlana Gennadievna (Volhov, Russia)

THE AXIOLOGICAL ASPECT OF THE AUTHOR'S CONCEPT DESCRIPTION

The article is dedicated to the problem of the author's concept modeling in a literary text from the point of view of axiologically oriented linguistics. In a literary text which is the result of the author's axiological activity the subjective values correlate with the author's concepts. The character of the author's subjective values can be suggested by the evaluative characteristics of the concepts which are realized in evaluative cognitive meanings, evaluative connotations and occasional evaluative senses.

Keywords: axiological linguistics, value, author's concept, evaluation

УДК 81'42

И.А. Щирова (Санкт-Петербург, Россия)

О ПОНЯТИИ И РОЛИ ВЫДВИЖЕНИЯ

В статье анализируются некоторые из научных подходов к понятию выдвижения, прослеживаются его истоки, содержательное наполнение и соотношение с понятием остранения, описывается роль выдвижения в создании текстового смысла, кратко характеризуется динамика его осмысления в науке.

Ключевые слова: выдвижение, остранение, отклонение от нормы, параллелизм, фигура-фон, значимость, иерархия текстовых смыслов

Истоки понятия *выдвижение* обнаруживаются в трудах представителей Пражской лингвистической школы, чьи имена ассоциируются с реализацией структурных и функциональных подходов в лингвистике и литературоведении. Ян Мукаржовский, предложивший термин *aktualisace*, называл выдвижением на передний план актуализацию какого-либо компонента текста. Всё, что находится на переднем плане, считал Мукаржовский, познаётся в сравнении с чем-то, что является фоном (задним планом)» [Мукаржовский, 1967, с. 410]. Аналогичным образом характеризовал актуализацию Б. Гавранек. Противопоставляя актуализацию автоматизированному восприятию. Гавранек видел в ней «такое использование языковых средств, которое привлекает внимание само по себе и воспринимается как необычное, лишённое автоматизма, деавтоматизированное» [Гавранек, 1967, с. 355]. В трудах русских формалистов выдвижение связывалось с очевидным для читателя\зрителя изменением формы и противопоставлялось автоматизированному восприятию художественных норм, т.е. трактовалось как остранение, «способ видеть вещи выведенными из их контекста», «способ увеличения ощущения вещи» (В.Б. Шкловский). Все эти идеи, формирующие основное содержание понятия выдвижения, получили дальнейшее развитие и в отечественной, и в зарубежной науке, например, в американской «новой критике», где они осваивались лингвистами, которые активно исследовали литературный текст (Riffaterre, Halliday). Осмысление общих принципов выдвижения не утрачивает своей актуальности и сегодня.

В самом общем смысле выдвижение подразумевает выделение в тексте чего-то значимого, существенного, при этом в сферу значимого часто помещаются тема и идея литературного произведения (*topic or theme*). Реже выдвижение проецируется на микроуровень (*micro-level*) текста и связывается с нарушением нормы относительно не столько содержания, сколько языковой формы [Douthwaite, 2000, p. 32]. Использование техник и приемов, актуализирующих выдвижение, позволяет автору организовать текст таким образом, чтобы сконцентрировать внимание читателей на значимых текстовых смыслах.

В современной зарубежной научной литературе толкование выдвижения обычно сочетает в себе две идеи – идею отклонения от нормы (*deviation*) и идею параллелизма (*parallelism*). Дж. Даутуэйт характеризует их как фундаментальные (глобальные) техники высокого порядка (*high-order techniques*). Отклонение от нормы трактуется при этом как намеренное нарушение какого-либо правила, совершение «ошибки» (*deliberately masking "mistakes" of one kind or another*), а параллелизм – как повторение, т.е. многократное использование языковой характеристики: фонологической, грамматической графологической, тематической и пр. Актуализация стратегии выдвижения как сочетания упомянутых фундаментальных техник осуществляется, по мнению Даутуэйта, посредством использования приемов более низкого уровня (*lower-level devices*). В сфере грамматики таким приемом может стать, например, нарушение порядка слов в предложении, в сфере графологии – использование строчной буквы в первом слове или капитализация всех слов и пр. Ссылаясь на опыт обучения в школе, где для выражения мысли ученику рекомендуют не повторять слово, а употреблять его синоним, Даутуэйт трактует параллелизм как частный случай отклонения от нормы [Douthwaite, 2000, p. 37].

В. ван Пер и Ф. Хакемюлдер, также анализирующие выдвижение в контексте понятий отклонения от нормы и параллелизма, проецируют его преимущественно на сферу стилистики и риторики. Отклонение от нормы приписывается ими поэтическому творчеству и рассматривается по отношению к нему как традиция. В отличие от обычного носителя языка, считают В. ван Пер и Ф. Хакемюлдер, художник обладает правом нарушать прави-

ла, максимы и конвенции в сфере языка, литературных канонов и текстовой организации. Нарушение привычных ожиданий вызывает удивление читателя и, как следствие, фокусирует его внимание, причем скорее на форме, чем на содержании текста (his / her attention is thereby drawn to the form of the text itself (rather than to its content)). Типичными случаями отклонения от нормы (clear examples of deviation) В. ван Пер и Ф. Хакемюлдер называют неологизмы, авторские метафоры, нарушение грамматических норм, архаизмы, парадоксы и оксюмороны, т.е. тропы. Параллелизм, в той же интерпретации, подразумевает повторение структуры или её части, в результате которого эта структура (или её часть) выдвигается на первый план читательского восприятия. Примерами параллелизма объявляются многообразные фигуры речи, собранные в учебниках по стилистике и риторике: ассонанс, аллитерация, размер, семантическая симметрия и пр. [Hakemulder, Peer, 2006, p. 546–547].

Подобно В. ван Перу и Ф. Хакемюлдеру (Ср. выше his / her attention is thereby drawn to the form of the text itself rather than to its content), Джон Каддон относит выдвигание к акту выражения (форме), хотя и признает закономерность его связи с содержанием. Художественные приемы и средства, обеспечивающие выдвигание акта выражения на первый план (push the act of expression into the foreground), пишет Каддон, сосредотачивают внимание читателя на литературном языке и неизбежно влекут за собой дальнейшее фокусирование этого внимания на реальности, которую язык репрезентирует. В поддержку своей позиции Каддон цитирует слова Я. Мукаржовского о функции поэтического языка: “The function of poetic language consists in the maximum of the utterance... it is not used in the services of communication, but in order to place in the foreground the act of expression, the act of speech itself [Cuddon, 1991, p. 349]. Как следует из цитаты, коммуникативная функция поэтического языка сводится Мукаржовским к минимуму, а функционирование слова связывается с реализацией установки на выражение.

Подобное акцентирование специфики поэтического языка было характерно и для русской формальной школы, где оно формировало основание для противопоставления поэтического языка языку обыденному (заметим, что правомерность такого

противопоставления признаётся далеко не всеми современными исследователями). Специфика организации плана выражения (форма) объявлялась формалистами важнейшим свойством художественной литературы. Формулируя принципы структурной лингвопоэтики, Р. Якобсон назвал предметом науки о литературе не литературу, а «литературность» – превращение речи в литературное произведение, а также систему приёмов, благодаря которым оно происходит [Якобсон, 1987, с. 81]. Б.М. Эйхенбаум усматривал в литературном произведении «сумму приёмов», а Ю.Н. Тынянов – сложное целое, систему взаимосвязанных элементов. Структурное начало идей русских формалистов эксплицировалось в названиях их трудов. Ср. «Как сделан Дон Кихот» В.Б. Шкловского или «Как сделана «Шинель» Гоголя» Б.М. Эйхенбаума. Говоря о понимании поэзии как об оформлении самоценного слова (Р. Якобсон), о «воскрешении слова» (В.Б. Шкловский), уместно напомнить и историю создания Шкловским термина «остранение», пересказанную им самим: «И вот мы, особенно я, заметили, <...> вот это затруднение языка, вот эти звукописи, сгущения, рифмовка, которая повторяет не только звуки предыдущего стиха, но заставляет заново вспоминать прошлую мысль, вот этот *сдвиг* в искусстве – явление не только звуков поэтического языка, это *сущность поэзии* и *сущность искусства*. И я тогда создал термин «остранение»; и так как уже могу сегодня признаваться в том, что делал грамматические ошибки, то я написал одно «н». Надо «странный» было написать. Так оно и пошло с одним «н» и, как собака с отрезанным ухом, бегаёт по миру» [Шкловский, 1983] (курсив мой – *И.Щ.*).

Как центральная категория формального метода, таким образом, *остранение* связывается с «выведением художественного явления из автоматизма обыденного восприятия» [Литературная энциклопедия терминов и понятий 2001, с. 791]. Шкловский, первоначально использовавший это понятие для описания художественных принципов Толстого, интерпретирует его достаточно широко: «<...> остранение есть почти везде, где есть образ». [Шкловский 1983]. Вслед за Якобсоном, который утверждал, что, если наука о литературе хочет стать наукой, она должна «признать «прием» своим единственным героем» [Якобсон 1921], Шкловский предостерегает автора от автоматизации, «съедаю-

щей вещи». Значимость остранения связывается им с тем, что искусство существует «<...> для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, для того, чтобы делать камень каменным <...>». Цель искусства, пишет Шкловский, – «дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание», а прием искусства – это прием «остранения» вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия. Процесс восприятия в искусстве самоцелен и должен быть продлен; искусство есть способ пережить делание вещи, а сделанное в искусстве не важно [Шкловский 1983] (выделено Шкловским – И.Щ.)

Соотношение остранения и выдвижения трактуется в науке неоднозначно. В выдвижении видят концепцию, развившуюся из идеи остранения (van Peer & Nakemulder); стратегию, с помощью которой создается эффект остранения (Douthwaite); разновидность литературности, тесно связанную с понятием остранения (Cuddon. Ср.: “<...> is closely connected with Victor Shklovsky’s concept of making strange and defamiliarization”). Дж. Каддон именуется выдвижение техникой, скорее обнажающей, чем скрывающей себя. Наиболее очевидные примеры выдвижения он обнаруживает в творчестве Стерна, Джойса, Римбо, Фолкнера и Беккета, а для пояснения сути остранения использует апологику Беккетом художественного метода Джойса. Напомним, что критикам, которые, отвергая странный метод Джойса, язвительно замечали, что тот пишет книги «не на английском языке» (Ср. “<...> *this stuff* is not written in English) (курсив мой – И.Щ.), Беккет рекомендовал их не только читать, но и смотреть, и слушать. Письмо Джойса – это не письмо о чем-то, оно само и есть это «что-то» (“His writing is not about something, it is that something itself”) [Cuddon 1991, p. 349]. Уникальную возможность проследить «пошаговое изменение» текста Джойсом «от нормы до авторского новообразования» предоставляют нам черновики легендарных романов [Сергаева 2008].

В очередной раз подтверждая справедливость слов Р. Якобсона о закономерности союза лингвистики и литературоведения, выдвижение формирует важную проблему исследования в обеих науках. Так, в описании И.В. Арнольд, давно ставшем классикой для отечественного лингвиста, выдвижение трактуется «как еди-

ница текстового уровня, надстраивающегося над уровнем стилистических приёмов» [Арнольд 1999, с. 196]; формальный прием, делающий высказывание более содержательным. Выдвижение, по мнению Арнольд, охватывает разные типы (подтипы) контекстной упорядоченности: сцепление, конвергенцию, обманутое ожидание, выдающуюся особенность, сильную позицию и пр. Все они не исключают друг друга, но могут встречаться порознь и вместе, распространяясь на весь текст или на его отдельные части [там же, с. 195, 206]. В числе лингвистических трактовок выдвижения встречаются также: выделение и помещение на передний план новой и более значимой информации (Richards); выдвижение фрагментов дискурса, играющих главную роль в реализации коммуникативной цели говорящего и формирующих скелет текста, его базовую структуру (Hopper and Tompson); акцентуация тех пропозиций дискурса, которые имеют отношение к его ключевым понятиям или излагаемым событиям (Tomlin) и пр. Литературоведческие контексты употребления понятия выдвижения не менее разнообразны. Этот термин используется для описания миметического способа художественного творчества (письма) в литературе Ренессанса (Frye); стилистического эксперимента в модернистской литературе (Lodge); отличий постколониальной литературы от литературы империалистического центра (Ashcroft, Griffiths and Tiffin) и пр. (См. подробнее [Douthwaite 2000, p. 33–34]).

Несмотря на достаточно долгую историю осмысления в гуманитарных науках, понятие выдвижения активно обсуждается и сегодня, а его новые трактовки закономерно учитывают установки когнитивной научной парадигмы. Уточнение принципов выдвижения на основе подходов когнитивистики позволяет описать базовые принципы организации текста, основываясь на универсальных механизмах распределения внимания и языковых способах из реализации. Когнитивистика характеризует выдвижение как концепт и исходит из особой значимости психологических аспектов этого явления, той роли, которую оно играет в процессах текстопорождения и текстовосприятия. Выдвижение соотносится с «важностью помещения на первый (передний) план языковой формы, которая выступает в качестве поискового стимула, или ключа в процессах языковой обработки информации [Кубрякова,

Демьянков, Панкрац, Лузина, 1996, с. 21]. Л.Г. Лузина отмечает связь психологической реальности концепта выдвижения с неожиданностью, удивлением и повышенным вниманием, которые, по её мнению, отличают выдвижение от иного, близкого по своему содержанию концепта, – выделенность vs. существенность (релевантность) (*salience vs. relevance*). В.З. Демьянков, подробно анализирующий тот же набор понятий, пишет, что они, хотя и получают неоднозначные трактовки, но в единых рамках когнитивных теорий, «принимающих, что в центре внутреннего мира каждого человека находится он сам», а мир воспринимающих как межсубъективную действительность». «Логически увязанная система «релевантности», которой человек руководствуется в жизни, предопределяет и то, что он предполагает, и его мотивацию, и его действие в социальном мире» (Natanson). Выдвижение трактуется когнитивистами как «выделенность первого порядка, базирующаяся на непредсказуемом выдвижении информации» (Culler), «неестественная выделенность» (Osgood), «мотивированное коммуникативное выделение» (Филлмор), категория текста, отождествляемая с риторическим подчеркиванием информации (Longacre). Не менее востребованной трактовкой выдвижения в когнитивистике является его понимание в контексте перцептуального различия *фигура-фон (основа)* (*figure-ground*), где эти термины гештальтпсихологии обозначают когнитивную и психическую структуру (гештальт), характеризующую человеческое восприятие и интерпретацию действительности и не сводимую к сумме её частей [Кубрякова, Демьянков, Панкрац, Лузина 1996, с. 21–22, 185].

Примером использования такого подхода к идее выдвижения служит «Когнитивная поэтика» Питера Стокуэлла, который выделяет следующие характеристики фигуры, обеспечивающие ей выделенность по отношению к основе: 1) фигура замкнута и имеет границы; 2) фигура движется, в то время как фон остаётся неподвижным; 3) фигура предшествует фону во времени и пространстве; 4) в случае разрушения фона фигура оказывается его частью или выступает вперёд, чтобы стать фигурой на новом фоне; 5) фигура детализирована, находится в фокусе и привлекает больше внимания, чем фон; 6) фигура находится сверху, впереди фона, в то время как фон находится под фигурой, за

ней. Фигурами на фоне окружающей обстановки П. Стокуэлл называет персонажей литературного произведения. Правомерность таких аналогий подтверждается следующими рассуждениями. Персонажам присущи «границы», которые очерчиваются именами, психологическими характеристиками и личностными свойствами. Персонажи, а не окружающая их обстановка, оказываются в фокусе повествования. При описании персонажей, как правило, используются глаголы действия, а при описании обстановки – прилагательные или глаголы состояния. Персонажи перемещаются во времени или пространстве по мере развития сюжетной линии. Психологические портреты персонажей дополняются дополнительными характеристиками, что также свидетельствует о движении [Stockwell, 2002, p. 15–16].

Как видим, идея выдвижения продуктивно используется для анализа и объяснения механизмов порождения и актуализации текстовых смыслов. Устанавливаемая с помощью выдвижения иерархия текстовых значимостей позволяет увидеть связи между текстовым целым и его отдельными частями, выделить главное на фоне второстепенного. Способность элемента текста к выдвижению, как правило, ассоциируется с широким набором художественных средств, которые воспринимаются как формы отклонения от привычного использования языка: повторением, метафорой, необычной синтаксической организацией текста, каламбуром, аллитерацией и т.д. В самом широком смысле деавтоматизированным иногда признаётся и сам поэтический язык. Оправдано заметить, однако, что эстетическая значимость элементов художественного текста не сводится к внешней образности, а отсутствие в тексте богатых ассоциациями метафорических образов не говорит о его стилистической бедности. В любом элементе текста актуализируется авторское отношение к изображаемому, любой из них используется для выполнения «сверхзадачи» – трансляции авторского взгляда читателю через сложную систему текстовых смыслов. Осмысление принципов выдвижения помогает исследователю обнаружить среди элементов текста те, которые «приводят в движение и определяют отношения всех прочих компонентов» (Мукаржовский).

Список литературы

- Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999.
- Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 338–378.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Литературная энциклопедия терминов и понятий. Под ред. Николюкина Н.М., М., 2001.
- Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 406–432.
- Сергаева Ю.В. Лингвокогнитивные механизмы творческого поиска (на материале черновиков Дж.Джойса) // Вестник Ленинградского гос. ун-та им. А.С.Пушкина. Серия Филология № 4 (18) Санкт-Петербург, Изд-во ЛГУ им. А.С.Пушкина, 2008. С. 50–60.
- Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.
- Cuddon J. A. The Penguin Dictionary of Literary Terms and Literary Theory. Third Ed. L., 1992.
- Douthwaite J. Towards a Linguistic Theory of Foregrounding Torino, 2000.
- van Peer, W. & Hakemulder, J., Foregrounding // K Brown (Eds.), Encyclopedia of Language and Linguistics. Oxford, 2006.
- Stockwell P. Cognitive Poetics. An Introduction. L.-N.Y. 2002.

Электронные источники

- Шкловский В. О теории прозы. М., 1983. [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/shklovsky/prose1983.htm> (дата обращения: 27.04.2015)
- Якобсон Р. Новейшая русская поэзия. набросок первый: Подступы к Хлебникову. Прага, 1921. [Электронный ресурс]. URL: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-nrp.htm> (дата обращения: 27.04.2015)

Schirova Irina Alexandrovna (Saint Petersburg, Russia)

ON THE CONCEPT AND THE ROLE OF FOREGROUNDING

The article dwells on certain scientific approaches to the concept of foregrounding. The issues of the concept, its main semantic nuances and its relation to the concept of ostranenie are traced. The role of foregrounding in the creation of textual meaning is described as well as the dynamics of its scientific study.

Keywords: foregrounding, ostranenie, deviation, parallelism, figure-background, relevance, hierarchy of textual meanings

**УНИВЕРСАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ
В ПЕРЕВОДЕ**

УДК 81'25

С.Л. Пшеницын (Санкт-Петербург, Россия)

**МЕТОДИКА ВЫЯВЛЕНИЯ ЛАКУН КАК ИНСТРУМЕНТ
ИССЛЕДОВАНИЯ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ
И РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ПЕРЕВОДЧИКОВ**

В статье анализируются потенциал методики выявления лакун для анализа трудностей перевода, обусловленных различиями культур, в контексте задач развития навыков рефлексии как основы профессионализма переводчика.

Ключевые слова: лакуны, переводческие решения, рефлексия, навыки критического мышления, профессионализм переводчика

Исследования лакун и лакунарности за последние 20 лет получили в отечественном языкознании широкое распространение и признание. Сам термин «лакуна» имеет различные толкования. Следует отметить, что, пожалуй, более распространенным является его узко-лингвистическое понимание как «отсутствие какой-либо единицы языкового уровня», выявляемое при сопоставлении различных языков (межъязыковые лакуны) или посредством внутриязыковых сравнений (внутриязыковые лакуны) [Тамерьян, 2010, с. 739]. Более широкое понимание лакун возникло в русле лингвокультурных исследований, посвященных изучению национально-культурной специфики психологии и речевого поведения, а также выявлению особенностей национального мировосприятия народов. При таком более широком подходе под лакуной понимается любое «несоответствие» – не только языковое, но и элементов культур [Эйнуллаева, 2003], устанавливаемое при анализе межкультурного общения, восприятия и понимания инокультурного текста.

Очевидны возможности применения теории лакун в переводоведении. Однако исследователи и теоретики перевода вплоть до настоящего времени почти исключительно обращаются к узколингвистической трактовке лакун. Данная статья ставит своей задачей показать, что широкий подход к лакунарности, предло-

женный в пионерских работах И.Ю. Марковиной и Ю.А. Сорокина [Антипов и др., 1989; Марковина, Сорокин, 2010], позволяет выйти за рамки межъязыковой лексической лакунарности (явления, которое в практическом плане довольно хорошо изучено в переводоведении как проблема перевода т.н. безэквивалентной лексики и реалий) и дает широкие возможности не только для анализа различных трудностей перевода, обусловленных культурой [Пшеницын, 1998], но и оказывается плодотворным в методическом плане в контексте задачи развития навыков рефлексии и критического мышления как основы профессиональной переводческой деятельности.

По необходимости очень кратко остановимся на сущности широкого подхода к лакунарности. Задача выявления лакун при культурологическом подходе ставится в связи с необходимостью установить и рассмотреть специфические трудности, возникающие в условиях межкультурного общения. Под термином «лакуна» в этом случае понимается «тот или иной элемент национальной специфики некоторой культуры, зафиксированный в тексте и затрудняющий понимание соответствующего фрагмента текста инокультурным реципиентом» [Марковина, Сорокин, 1990, с. 56]. Лакуны трактуются как «сигналы не только специфических реалий, но и специфических процессов и состояний, противоречащих узуальному опыту носителя того или иного языка (культуры)» [Антипов и др., 1989, с. 96]. Следует подчеркнуть, что лакунами при восприятии инокультурного текста является не только все то, что осознается реципиентом как нечто странное, требующее экспликации, но также и все то, что может остаться незамеченным или же интерпретированным не так, как это было бы типичным для реципиента культуры-источника. На этом основании лакуны классифицируются как эксплицитные и имплицитные.

Основным материалом для выявления лакун служат различные виды текстов, представляющих собой результат межкультурного общения. Именно этим и обусловлено в рамках метода лингвокультурного сопоставления обращение к переводу как одному из разновидностей текста, который представляет в одной культуре фрагмент – в «перевоплощенном» виде – другой культуры.

Перевод рассматривается как процесс осуществления межкультурной коммуникации, в котором теоретически выделяется два этапа. Первый этап, представляющий собой результат интерпретации переводчиком текста оригинала, отражает трансформирование текста, созданного на языке одной лингвокультурной общности, в другой текст, предназначенный для использования другой лингвокультурной общностью. Сопоставление текста перевода с текстом оригинала дает для лингвокультурологических исследований информацию о наличии лакун в тексте оригинала и о стратегии переводчика при обнаружении им лакун; все это, в свою очередь, служит источником данных для экспликации межкультурных различий.

Второй этап непосредственно связан с реципиентом текста перевода. Исследование этого этапа заключается в изучении результатов осуществления межкультурной коммуникации в отношении понимания и восприятия переводного текста читателем (в частности, методом анкетирования читателей). Как и данные анализа первого этапа, полученная информация используется для описания специфики картины мира и различий между лингвокультурными общностями, участвующими в процессе межкультурной коммуникации [Антипов и др., 1989, с. 99–102].

Рассмотрим, каковы возможные пути применения такого широкого подхода к лакунарности в переводоведении и его ценность для педагогического процесса при развитии профессионализма переводчиков.

Очевидно, что при использовании теории лакун в переводоведении цели исследования будут связаны не с экспликацией различий в условиях межкультурного общения, а будут ориентированы на задачи исследования перевода. Процесс выявления и изучения лакун при сопоставлении исходного и переводного текстов (ИТ и ПТ) для целей исследования перевода может включать три базовых этапа. На первом этапе ИТ и ПТ сопоставляются для выявления лакун и стратегий переводчика по их элиминированию – заполнению или компенсации. Второй этап может включать в себя работу с информантами (носителями исходной культуры и культуры языка перевода) путем проведения интервью и анкетирования, а также изучение исследований, комментариев, блогов и т.п. для уточнения возможных и/или типичных

интерпретаций тех или иных смысловых элементов текста, которые были определены на первом этапе как лакуны. На третьем этапе выявленные устойчивые различия в типичных интерпретациях ИТ и ПТ анализируются в отношении выявленных лакун и использованных переводческих стратегий для установления их адекватности и приемлемости. Выясняется, насколько хорошо «работает» данный перевод для получателей принимающей культуры, в какой мере переводчик учитывает особенности реципиента как носителя определенного комплекса знаний, свойственного принимающей культуре.

В силу своей универсальности методика выявления и анализа лакун предоставляет инструментарий для того, чтобы, используя методы критического мышления, как на семинарских занятиях, так и при руководстве исследовательской работой студентов-переводчиков обращаться к широкому диапазону переводческих проблем, связанных с культурой, стратегиями культурной адаптации при переводе, определением и учетом потребностей потенциального адресата ПТ.

Следует отметить, что применение такого комплексного метода выявления и анализа лакун оказывается весьма плодотворным не только для целей исследования перевода, но и для развития профессионализма будущих переводчиков. В самом деле, современные представления о профессионализме справедливо связывают профессионализм с развитием навыков рефлексии и критического мышления [Schön, 1987]. Использование методики выявления и анализа лакун позволяет связать воедино и критически осмыслить все этапы переводческого процесса в их взаимосвязи – от предпереводческого анализа ИТ (выявление потенциальных лакун) до рецепции ПТ получателем (эффективность и адекватность применения приемов элиминирования лакун переводчиком, принимая во внимание специфику адресата). Причем в целях развития навыков рефлексии эта методика позволяет сосредоточить внимание на каждом отдельном этапе и прояснить значение переводческих решений с учетом всей взаимосвязи различных этапов и аспектов переводческого процесса.

Список литературы

- Антипов Г.А., Донских О.А., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989.
- Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Два способа оптимизации речевого воздействия в межкультурном общении // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М. 1990. С. 53–62.
- Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А. Культура и текст. Введение в лакунологию: Учеб. пособие. М., 2010.
- Пшеницын С.Л. Культурологический подход к переводу: теоретическое значение // Studia Linguistica. Вып. 7. Языковая картина в зеркале семантики, прагматики, текста и перевода. СПб., 1998. С. 185–199.
- Тамерьян Т.Ю. Культурные различия как причина коммуникативных неудач // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (2). С. 739–741.
- Эйнуллаева Е.А. Лакуны в структуре языковой личности и их заполнение в межкультурной коммуникации (на прим. англ. и рус. яз.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
- Schön D. Educating the reflective practitioner: toward a new design for teaching and learning in the professions. San Francisco, 1987.

Pshenitsyn Sergei Leonidovich (Saint Petersburg, Russia)

A METHODOLOGY FOR IDENTIFYING LACUNAS AS A TOOL FOR ANALYSING TRANSLATION DECISIONS AND DEVELOPING TRANSLATOR PROFESSIONALISM

The article focuses on identifying lacunas as a methodology for analyzing translation difficulties in order to develop reflection and critical thinking skills in student translators as a basis for translator's professionalism.

Keywords: lacunas, translation decisions, reflection, critical thinking, translator's professionalism

УДК 81'25

*Н.В. Сигарева (Санкт-Петербург, Россия)***ТАКТИКИ УБЕЖДЕНИЯ В НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОМ ТЕКСТЕ:
ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРЕДАЧИ
С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА НА РУССКИЙ**

Данная статья посвящена исследованию особенностей построения аргументативного дискурса. В статье анализируются стратегии и тактики убеждения в научно-популярных текстах, определяются лингвостилистические средства их реализации в текстах на английском языке и в их переводах на русский язык.

Ключевые слова: аргументация, тактики убеждения, переводческая проблема, научно-популярный текст

Аргументация как целенаправленная деятельность всегда привлекала внимание великих мыслителей. Философы Древнего Китая и Индии посвящали свои труды проблемам аргументации. Теория речевых актов, разработанная в середине XX века Дж. Остином, описывающая внутреннюю структуру речевого акта и развивающая представление о языке, как виде деятельности, имела огромное значение для изучения аргументации [Остин, 1986].

Феномен аргументации как способа речевого воздействия на адресата активно изучается с позиций построения аргументов в ходе рассуждения, анализа риторических приемов построения убеждающей речи и определения структурной организации единиц и компонентов в модели аргументации. Однако, проблемы, связанные с изучением лингвостилистических средств реализации стратегий и тактик убеждения и средств их передачи при переводе научно-популярных текстов, требуют специального исследования. Эффективность процесса аргументирования обеспечивается с помощью соблюдения правил построения аргументации, а перевод предполагает адекватное использование тактик и стратегий данного процесса. В ходе развертывания аргументации в рамках определенной коммуникативной ситуации автор выдвигает аргументы для доказательства своей позиции, используя речевые стратегии убеждения на основе речевых тактик с учетом коммуникативного задания, формата и жанра статьи, адресата.

Данные параметры определяют выбор языковых средств реализации стратегий и тактик убеждения при переводе.

Как известно, воздействующая функция представляет собой один из элементов смоделированной ситуации общения, представленной в информационной модели научного стиля. Е.И. Варгина выделяет три понятия, тесно связанных с аргументацией в научном тексте: воздействие, убеждение и информирование. Воздействие – сложная сверх-функция, производная от всех других функций языка в тексте. Воздействие представлено разными видами, которые зависят от того, какая именно функция языка актуализируется и выходит на первый план в конкретном тексте. Основной формой воздействия в научном тексте является убеждение, которое связано, прежде всего, с коммуникативной функцией языка, осуществляется сознательно и направлено на адресата научного текста. Информирование, по мнению Е.И. Варгиной, представляет собой основной способ убеждения в научном тексте, т.к. именно через информацию автор убеждает читателя [Варгина, 2004, с. 50].

Научно-популярный подстиль в системе научного стиля занимает особое место, поскольку совмещает в себе черты художественного, публицистического и разговорного стилей. Характерными чертами данного стиля являются высокая информативность, подчеркнутая логичность построения текста, плотность и лаконичность. Научно-популярный текст содержит элементы доказательства, рассуждения, убеждения, отличается экспрессивностью [Сигарева, 2013]. Его главная функция – популяризация знаний, а адресатом является не специалист, а любой человек, интересующийся данной тематикой. Особая коммуникативная задача научно-популярного текста определяет особенности его речевого построения. Текст состоит из блоков речевых действий, выступающих в виде тезисов и доводов, представляющих собой последовательность высказываний в определенной аргументативной коммуникативной ситуации, цель которых заинтересовать и убедить читателя принять определенную точку зрения. Для убеждения читателя автор текста использует как рациональные (логические), так и нерациональные (риторические) средства. Сообщаемая информация вводится в текст и не связана с процессом ее получения в последовательности когнитивных фаз (пробле-

ма – идея – гипотеза – доказательство – вывод). В таких текстах нет ссылок, сносок, библиографии. Источник информации часто обозначается через приблизительные указания. Информационная избыточность является результатом повторов, описанием многочисленных деталей, уточнений, пояснений, отступлений, предназначенных для создания максимальной доступности для реципиента-неспециалиста. Объяснения даются с опорой на иллюстрации, которые апеллируют к повседневному опыту читателя. В научно-популярных статьях используются общеизвестные термины, как правило, с объяснениями, расшифровками для большей наглядности и доступности. Направленность на читателя становится прагматической доминантой такого рода текстов. Автор активно использует прием обращения к читателю через риторические вопросы, советы, рекомендации, императивные конструкции. Также могут активно использоваться графические средства выделения [Чернявская, 2004, с. 43–45].

Как отмечают исследователи аргументации, убеждение в равной мере включает в себя как доказательство, так и внушение. Автор предъясвляет не только рациональные аргументы, но и эмоциональные, апеллируя к разуму, влияет на чувства читательской аудитории, обращается к истине и к мнению адресата, показывает все возможности, выгоды и преимущества своего варианта решения проблемы, добивается, чтобы аудитория поверила сказанному и восприняла его как руководство к действию [Анисимова, 2001; Герасимова, 2003].

В данной статье стратегия убеждения понимается как собирательный термин для определения всех мер, позволяющих с помощью планирования и проведения определенных действий убедить читателя. Под речевой тактикой понимается «одно или несколько действий, которые способствуют реализации стратегии. Стратегический замысел определяет выбор средств и приемов его реализации, следовательно, речевая стратегия и тактика связаны как род и вид» [Иссерс, 2008, с. 110]. Тактика призвана обеспечить осуществление избранной коммуникативной стратегии и развертывание избранного речевого жанра.

Анализ различных научно-популярных текстов на английском и русском языках позволил выделить стратегии прямого и косвенного воздействия, к которым авторы исследуемых текстов

прибегают для построения аргументации. К стратегиям прямого воздействия относится убеждение через информирование. Стратегия убеждения через информирование служит средством убеждения читателя в научно-популярном тексте. Данная стратегия часто строится с помощью следующих тактик (классификация тактик убеждения, предложенная О.Н.Паршиной): тактика контрастивного (сопоставительного) анализа, тактика указания на перспективу, тактика иллюстрирования [Паршина, 2013]. Стратегии и тактики убеждения определяют выбор языковых средств воздействия на читателя с целью осуществления основной коммуникативной задачи – убеждения.

Сравнительно-сопоставительный анализ лингвостилистических средств реализации тактик убеждения в научно-популярных текстах на английском языке и в текстах переводов на русский язык показал, что в большинстве случаев лингвостилистические средства передаются полностью или частично компенсируются при переводе. Средства создания убедительности наблюдаются на разных уровнях текста. Убедительность возникает вместе с текстом и рассматривается как его свойство. Следует отметить, что в ряде случаев лингвостилистические средства в оригинале и в переводе отличаются, что можно объяснить различием в языковом строе. Тем не менее, иногда при переводе эти средства опускаются, нейтрализуются или передаются не адекватно, что ведет к нарушению построения авторской стратегии убеждения и, как следствие, к снижению убедительности текста, искажению коммуникативной задачи.

Рамки данной статьи не позволяют привести полный анализ структуры аргументации исследуемых текстов. Проанализируем лишь некоторые переводческие решения, связанные с задачей основного содержания в статьях из журнала «Scientific American» за 2009 год. Так, статья «Turbo charging the brain» поднимает проблему возрастающего употребления нейростимуляторов здоровыми людьми для улучшения когнитивных функций. Автор статьи последовательно доказывает читателям, что эффект от употребления нейростимуляторов здоровыми людьми сильно преувеличен, он также выражает сомнения по поводу того, что подобные лекарства могут появиться в ближайшем будущем. В качестве ведущей стратегии убеждения автор выбрал страте-

гию информирования, построив ее с помощью тактики указания на перспективу и тактики иллюстрирования. Основная задача автора заключается в том, чтобы убедить читателя, что лекарства, действительно способные улучшить когнитивные функции, еще не существуют и появятся не скоро. Приведем несколько примеров несовпадения средств реализации тактик убеждения в оригинале и в переводе. Рассмотрим перевод предложения, в котором автор вводит аргумент, о том, что возможность улучшить когнитивные функции человека рассматривается как вполне осуществимая:

The notion of enhancing mental functions by gulping down a pill that improves attention, memory and planning — the very foundations of cognition — is no longer just a fantasy shared by futurists. — Сегодня возможность усовершенствовать интеллектуальные функции при помощи таблетки уже не кажется фантастикой.

Как можно увидеть, при переводе данного предложения были потеряны лексические единицы, несущие важную с точки зрения убеждения нагрузку: «gulp down» – разговорная единица, обеспечивающая передачу идеи улучшения интеллектуальных возможностей без особых усилий; «futurists» – единица, реализующая модальную составляющую текста (малую вероятность положительных прогнозов). Обе единицы представляют собой основу для дальнейшего выстраивания контраргумента (о сомнительной эффективности этих лекарств). Лексема «the very foundations of cognition», содержащая интенсификатор «very», в русском тексте нейтрализована («интеллектуальные функции»). Кроме того, в переводе опущен ряд однородных членов: «attention», «memory», «planning», уточняющих понятие «cognition», которые позволяют читателю осмыслить, какие конкретно функции могут или не могут быть усовершенствованы в результате приема стимуляторов. Все эти изменения нарушают построение тактики убеждения, заложенной в оригинальном тексте.

В статье используется тактика указания на перспективу, так как именно она лучше всего передает основную идею вероятности, сомнения и неуверенности в оценке эффективности стимуляторов:

Do current drugs developed for attention problems or excessive sleepiness really allow a student to do better on an exam or an executive to perform flawlessly under sharp questioning from

a board of directors? Will any drug that fiddles with basic brain functions ever be safe enough to be placed on pharmacy shelves alongside nonprescription pain relievers and antacids? — Позволят ли современные препараты, разработанные для людей с проблемами концентрации внимания или чрезмерной сонливостью, лучше сдавать экзамены или безупречно отвечать на вопросы клиентов или руководства? Безопасны ли они настолько, что их можно поставить на одну полку со свободно отпускаемыми обезболивающими или антацидами?

При переводе данного сверхфразового единства на русский язык была нарушена темпоральность текста, которая отражает действие, реализуемое в будущем. Атемпоральность перевода нарушила временную направленность не только отдельного предложения, но и всего текста в целом. Сместился модальный акцент, в результате чего основная идея статьи, которая лейтмотивом проходит через весь текст, была изменена. При переводе также были опущены интенсификаторы «any drug», «ever», усиливающие идею гипотетичности, сомнительности: «любой препарат», «когда-нибудь».

Тактика убеждения была нарушена, за счет этого в переводе была нарушена и авторская аргументация. На протяжении всей статьи автор методично дает понять читателю, что рано говорить о решении проблемы стимулирования работы головного мозга медикаментозными средствами. Таким образом, неправильная или неполная передача средств реализации тактики убеждения может привести к ее нарушению, и, как следствие, к снижению убедительности всего текста, а иногда и к деформированию общей коммуникативной направленности текста.

Интересно также пронаблюдать переводческие решения, направленные на передачу средств реализации тактики иллюстрирования. Тактика иллюстрирования, в основном, опирается на числовые данные, приемы обращения к читателю, цитирование ученых в виде прямой речи, подразумевает употребление вводных слов и конструкций. Часто эти средства имеют национально-культурную специфику, вызванную различиями в системах исчислений в России и в Великобритании или США, разными требованиями к оформлению научного цитирования, различным подходом в научной традиции к округлению цифр.

В следующем примере, для большей наглядности и убедительности автор приводит данные опроса читателей журнала «Nature», известного авторитетного источника в научном мире:

And an informal online reader survey by Nature last year showed 20 percent of 1,427 respondents from 60 countries polled about their own use said they had used either methylphenidate, modafinil or beta blockers (the last one for stage fright). – В онлайн-опросе читателей Nature в 2008 году более 20% из 1,5 тыс. респондентов в 60 странах мира указали, что они принимали метилфенидат, модафинил или бета-адреноблокаторы (последние – в случае боязни публичных выступлений).

В переводе полностью сохранена структура английского предложения. Что касается прецизионных единиц, то числовые данные тоже сохранены, но в их передаче наблюдаются различия: «last year» в русском тексте передается как точная дата «2008 год», процентное соотношение «20 percent» в тексте перевода передано как «более 20%», а точное количество участников опроса «1,427 respondents» представляет собой округленную цифру «1,5 тыс. респондентов». Такие переводческие решения, несомненно, связаны со стремлением переводчика сохранить средства реализации тактики иллюстрирования и адаптировать их для русскоязычной аудитории. Очевидно, что адресат текста перевода получает достоверную информацию о точном времени проведения опроса (2008г.); а округление числа респондентов до десятичного (1,5) представляет собой более доступный и запоминающийся визуальный образ, привычный для широкой читательской аудитории. Что касается передачи процентного соотношения то, имеющееся в переводе преувеличение, является нарушением, которое, тем не менее, не разрушает тактику иллюстрирования, а, в определенной степени, усиливает ее.

Таким образом, при переводе научно-популярных текстов для создания качественного продукта на языке перевода, необходимо выявить стратегический замысел исходного текста, сохранить его построение и логику аргументации, а также адекватно передать лингвостилистические средства реализации стратегий и тактик убеждения.

Список литературы

- Анисимова Т.В., Гимпельсон Е.Г. Современная деловая риторика: учебное пособие. М., 2001.
- Варгина Е.И. Научный текст: функция воздействия: дисс. доктора филол. наук: 10.02.04. СПб., 2004.
- Герасимова А.И. Аргументация как методология убеждения // Вопросы философии. 2003. № 10. С. 72–84.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.
- Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986.
- Провоторов В.И. О жанрово-стилистической норме перевода научно-популярного текста // Перевод и межкультурная коммуникация: мат. междунар. научн. конференции. Курск, 2001. С. 84–89.
- Сigareва Н.В. Особенности передачи имплицитной информации при переводе текстов в сфере научной коммуникации с английского языка на русский // Studia Linguistica. Вып. XXII. Язык. Текст. Дискурс: современные аспекты исследования. Сборник научных трудов. СПб., 2013. С. 370–376.
- Стикс Г. Турборазгон мозга // В мире науки, № 12, 2009. С. 26–34.
- Чернявская В.Е. Интертекстуальное взаимодействие как основа научной коммуникации. СПб., 1999.
- Stix G. Turbocharging the brain // Scientific American, №10. 2009. P. 28–35.

Электронные источники

- Паршина О.Н. Как нас убеждают: анализ стратегий и тактик в примерах // Elitarium (центр дистанционного образования) [Электронный ресурс]. URL: http://www.elitarium.ru/2008/09/03/kak_ubezhdajut_strategija_taktika_primery.html (дата обращения: 15.12.2013).

Sigareva Natalia Vilenovna (Saint Petersburg, Russia)

TACTICS OF PERSUASION IN ENGLISH-RUSSIAN TRANSLATION OF SPECIALIZED TEXTS

The paper focuses on the issues of argumentation. The author deals with the persuasive modus of the text and analyzes the means of linguistic representation of persuasive tactics in English texts and the problems of their transfer in Russian translations.

Keywords: argumentation, tactics of persuasion, translation problem, specialized text

УДК 811.133.1

О.Н. Кузьменко (Санкт-Петербург, Россия)

ПАРИЖСКИЕ АДРЕСА А.И. ГЕРЦЕНА

В задачи статьи входит выявление всех адресов А.И.Герцена в Париже – городе, сыгравшем значительную роль в его жизни, а также уточнение фактов биографии А.И.Герцена в связи с юбилейными событиями присвоения его имени нашему университету.

Ключевые слова: Герцен, Париж, революция 1848 г., «Колокол»

Герцен – особая категория

В 2015 г. отмечают две даты, значимые для Российского государственного педагогического университета: 145 лет со дня смерти А.И. Герцена (1812–1870 гг.) и 95 лет со дня присвоения нашему университету (в 1920 г. это был Ленинградский государственный педагогический институт (ЛГПИ)) имени этого выдающегося писателя, философа, публициста.

Значительную часть своей жизни – 23 года – А.И. Герцен провел за рубежом, посещая разные европейские страны (Францию, Италию, Великобританию, Швейцарию, Бельгию). Французский период его жизни тесно связан с Парижем, сыгравшим заметную роль в его биографии. Именно здесь во многом определились его идейно-политические взгляды. Задача данной статьи – выявление всех парижских адресов А.И. Герцена и связанных с ними фактов его жизни и деятельности.

Возможность уехать за границу, обернувшаяся непредвиденной пожизненной эмиграцией, представилась А.И.Герцену в 1846 г., когда скончался его отец, оставивший ему значительное наследство. В начале 1847 г. Герцен с семьей выезжает из России и после путешествия по Европе 25 марта 1847 г. приезжает в Париж, где поселяется в отеле Rhin (в наст. время Hôtel Neuzé

de Vologer) на Вандомской площади (6, place Vendôme (1er)): «Я отворил старинное, тяжелое окно в Hôtel du Rhin; передо мной стояла колонна

*...с куклою чугунной,
Под шляпой, с пасмурным челом,
С руками, сжатými крестом.*

Итак, я действительно в Париже, не во сне, а наяву: ведь это Вандомская колонна и Rue de la Paix» [Герцен, 1956, с.16].

Волнение Герцена от встречи с Парижем столь велико, что он тотчас же отправляется бродить по его улицам и площадям, узнавать те места, которые до этого знал лишь по книгам – «rue St.-Honoré, Елисейские поля – все эти имена, сроднившиеся с давних лет» [там же, с. 17]. В этот же день на улице он встречается со своим давним другом – русским анархистом, также находящимся в эмиграции, Михаилом Бакуниным, о котором Герцен писал, что он рожден не под звездой, а под кометой [Анин, 1976, с. 134]. Говоря о чрезмерных надеждах Бакунина на близкую революцию, Герцен не без юмора отмечал, что это, как его называли, «большое дитя без методического образования», этот «Стенька Разин русского дворянства», склонен принимать второй месяц беременности за девятый [там же, с. 135]. У Бакунина Герцен познакомится с политиком, социалистом, публицистом П.-Ж. Прудонем, которого он будет чтить как своего учителя и который во многом определит его идейные взгляды. И когда позднее (в 1849 г.) этот, по определению Герцена, «неукротимый гладиатор, упрямый безансонский мужик» [Герцен, 1956, с.184], не желающий сложить оружия в борьбе с властями, обратится к нему за помощью в издании газеты “La voix du peuple” («Голос народа»), Герцен в память о том, сколь многим обязан Прудону в своем развитии, предоставит ему необходимые для спасения издания 24000 франков залога и станет сотрудником его газеты.

Весной 1847 г. по рекомендации Н.П. Огарева Герцен знакомится с немецким поэтом и революционером, «железным жаворонком революции», как его называл Г. Гейне, – Георгом Гервегом, не подозревая, к каким драматическим событиям в его личной жизни приведет это знакомство. Впоследствии Герцен,

ссылаясь на письмо своей жены к нему, так охарактеризует ее отношения с Гервегом: «Эта неудовлетворенность, что-то оставшееся незанятым, заброшенным, искало иной симпатии и нашло её в дружбе к Г<ервегу>» [Герцен, 1956, с. 184].

Герцен вместе с Гервегом нередко посещают знаменитое парижское кафе “Tortoni”, находящееся на углу **boulevard des Italiens (n°22) и rue Taitbout (n°2) (9e)**, где собираются финансовые дельцы, политики, интеллектуалы и где ведутся бесконечные споры и дискуссии. Современник Герцена, русский писатель и журналист П.Д.Боборыкин вспоминал: «Истинным духовным удовольствием были для всех, кто пользовался его обществом, те беседы, которые так согревались и скрашивались его искрометным умом, особенно за столом в ресторане или в кафе за стаканом грога» [Боборыкин, 1920, с. 338].

В апреле 1847 г. Герцены переезжают в квартиру на втором этаже по адресу: **9, avenue de Marigny (8e)**. Этот адрес остался в истории. Именно здесь Герцен пишет свои знаменитые «Письма из avenue Marigny» (впоследствии в переработанном виде вошедшие в «Письма из Франции и Италии»), в которых дает социально-исторический анализ современной ему Франции – Франции накануне событий 1848 г. В «Письме четвертом» Герцен высказывает замечание, актуальное до сих пор: «Настоящим положением Франции – все недовольны <...>; чем недовольны – знают многие, чем поправить и как поправить – почти никто» [Герцен, 1956, с.234]. Здесь в июле 1847 г. его навещает лечившийся сначала в Германии, а теперь приехавший на лечение в Passy В.Г. Белинский.

Эту квартиру Герцены покидают в октябре 1847 г., отправляясь в путешествие по Италии. Вернутся они в Париж уже после февральских дней 1848 г. и полгода с мая по ноябрь проведут на квартире близ Елисейских полей и Триумфальной арки. Точный адрес не указывается в письмах Герцена – возможно, как отмечают комментаторы его писем, из конспиративных соображений [Герцен, 1961, с. 365].

Последствия февральской революции разочаровывают Герцена: «Пятнадцатого мая сняло с моих глаз повязку, даже места сомнения не осталось – революция побеждена, вслед за нею будет побеждена и республика. Трех полных месяцев не прошло после 24 февраля, «башмаков еще не успели износить», в которых

строили баррикады, а уж Франция напрашивается на рабство, свобода ей тягостна» [Герцен, 1955, с. 132].

Следующие полгода (ноябрь 1848-май 1849) Герцены проведут по новому адресу: **Cité Vindée, Boulevard Madeleine 1ère cour (8e)**. Герцен сообщает московским друзьям: «В жизни нашей перемены мало – правда, мы переехали возле самой Мадлены» [Герцен, 1961, с. 114].

Май 1849 г. и обрушившаяся на Париж эпидемия холеры заставляют Герцены по новому адресу: **1, rue Tronchet (8e)**. В это время Герцен часто видится с И.С. Тургеневым, проживающим неподалеку. Тургенев должен был освободить снимаемое им жилье и приехал провести несколько дней у Герцена. Тут его и настигла эпидемия. Герцен, отправивший к тому времени свою семью из Парижа, выхаживает заболевшего друга. Описывая в письме Н.П. Огареву обстоятельства этого времени, он вспоминает эпидемию холеры в России в 1831 г. и сравнивает меры, принятые русским и французскими правительствами: «Помнишь холеру в Москве в 31 г.: сколько было благородных усилий, сколько мер, временные больницы, люди, шедшие добровольно в смотрители, и пр. Здесь правительство не сделало ничего, общество – ничего, болезнь продолжалась два месяца, – вдруг жары неслыханные (в тени 30, 32°), и Париж покрылся трупами. Ни мест в больницах, ни даже дрог для трупов... трупы лежат в домах два, три дня. – Мы переехали, наконец, на несколько дней в Ville d'Avray, у меня на квартире Ив<ан> Тург<енев> занемог холерой, чуть не умер, – однако отходился» [там же, с. 141].

20 июня 1849 г. Герцен, получивший от французского правительства распоряжение о высылке, уезжает в Швейцарию. В квартире его матери (**111, rue de Chaillot (16e)**) производят обыск. В конце декабря 1849 г. Герцен вынужден вернуться в Париж для улаживания своих финансовых дел: Николай I наложил арест на имущество Герцена и его матери из-за отказа Герцена выполнить распоряжение царя о возвращении в Россию. Но благодаря барону Ротшильду, консультировавшему Герцена, и его давлению на Николая I, Герцену возвращается большая часть его средств.

Приехав в Париж, он ненадолго (с 27 декабря 1849 по январь 1850) останавливается в квартире у Эммы Гервег, супруги Георга

Гервега: **9, rue de Cirque (8e)** но вскоре съезжает в отель Mirabeau (**8, rue de la Paix (2e)**).

Супружеские пары Герценов и Гервегов, несмотря на противоречия и безысходность, разрывающие этот сложный союз изнутри, пытаются сохранить видимость благопристойности и дружбы, поселившись в Ницце в одном доме и обозначив его как «гнездо близнецов». Двусмысленность ситуации приводит к неминуемому выяснению отношений. В январе 1851 г. Гервеги покидают дом Герценов. Наталья Александровна остается со своим мужем. В ноябре 1851 г. они переживают страшную трагедию: в кораблекрушении погибает их восьмилетний глухонемой сын Коля вместе с матерью Герцена, неизменной помощницей семьи. Все пережитое подрывает здоровье Натальи Александровны. 30 апреля 1852 г. она родит сына, который через несколько дней умрет, а 2 мая 1852 г. скончается и она сама.

После смерти жены Герцен уезжает в Лондон. В Париж он вернется лишь много лет спустя. Годы, проведенные в Лондоне, – это годы интенсивной деятельности, годы создания и издания газеты «Колокол» (1857–1867), на страницах которой Герцен и Огарев излагают программу социально-политических преобразований общества. Впрочем, на радикальный призыв Н.Г.Чернышевского: «Перемените тон и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит набат. К топору зовите Русь!» Герцен отвечает: «Мы никогда не добивались звания архиепископа пропаганды, ни барабанщика восстания. Топор — ultima ratio притесненных» [Валентинов, 1951, с. 213].

С Лондоном связан и новый, неожиданный поворот в личной жизни Герцена. Весной 1856 года в Лондон приезжает Огарев со своей женой Натальей Алексеевной Тучковой-Огаревой, которая, встретившись с кумиром своей юности Герценом, понимает, что любит его. В 1858 г. у них рождается дочь Елизавета, которая, впрочем, носит фамилию Огарева и и считает его своим отцом. Герцена она называет дядей. Тайну своего рождения девочка узнает лишь в возрасте 11 лет.

В декабре 1864 г. судьба наносит Герцену очередной жестокий удар: умирают от дифтерита их с Тучковой-Огаревой близнецы «Лёля-boy» и «Лёля-girl», при этом во время операции трахеотомии Герцен сам держал головку девочки.

В последующие годы Герцен сменит не одну страну и не один город: Париж, Виши, Лион, Женева, Лозанна, Цюрих, Марсель, Ницца, Страсбург, Брюссель. В Париже он будет наездами в феврале 1865 г. и в 1869 г., останавливаясь в Grand Hôtel (**12, Boulevard des Capucines (9e)**), чтобы окончательно вернуться туда с семьей в 1869 г. С августа по октябрь 1869 г., а затем с 18 декабря по конец декабря 1869 они живут в Grand Hôtel du Louvre (в наст. время Louvre des Antiquaires) (**2, place du Palais-Royal (1er)**), сначала в № 169 (август), затем в № 221 (сентябрь) и № 328 (октябрь)). Здесь в конце 1869 г. Герцена настигает новая горе: его любимой дочери Тате ставят диагноз «умственное расстройство».

В начале января 1869 г. Герцены перебираются в Pavillon de Rohan (**172, rue Rivoli (1er)**) – это последний адрес Герцена: «Тогда мы переехали в большую квартиру на улице Rivoli, Pavilion Rohan, № 172, – в страшный роковой дом, где тот, который, забывая себя, думал и жил для родины, для человечества, для семьи, вдруг в какие-нибудь пять дней болезни оставил нас навсегда» [Тучкова-Огарева, 1903, с. 269]. Здесь 21 января 1870 г. Герцен скончается.

За неделю до его смерти Герцена посетил Тургенев: старые друзья долго разговаривали и много смеялось, ничто не предвещало близкого конца. Но неожиданно Герцену стало хуже. По воспоминаниям Н.А. Тучковой-Огаревой, пользовавшийся его знаменитый врач Шарко, выслушав больного, сказал, что у него незначительное воспаление в левом легком. «Мне было очень больно, что он сказал это при Герцене», – продолжает она, – «потому что я вспомнила, что Александр Иванович говорил всегда:

– Я умру или параличом, или воспалением легких.

Все изумились неосторожности Шарко» [Тучкова-Огарева, 1903, с. 272].

Несмотря на благоприятные прогнозы врача, состояние Герцена ухудшалось, но накануне смерти у него хватило сил обратиться к жене: «Не надобно плакать, не надобно мучиться, мы все должны умереть». А через несколько часов предложить: «Отчего бы не ехать нам в Россию?» [там же, с. 275].

География европейских адресов А.И. Герцена достаточно широка. Представляется важным восстановить ее в возможно пол-

ном объеме и по всем странам. Данная статья – один из первых шагов в этом направлении.

Список литературы

Анин Д. Россия и современность. К столетию народничества // Континент 1976. № 7. С. 113–151.

Боборыкин П.Д. От Герцена до Толстого. Памятка за полвека // Грядущая Россия. 1920. № 1. С. 334–376.

Валентинов Н. Чернышевский и Ленин // Новый журнал. 1951. №26. С. 193–216

Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 5. – М., 1955.

Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 10. – М., 1956.

Герцен А.И. Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 23. М., 1961

Тучкова-Огарева Н.А. Воспоминания. 1848–1870. М., 1903.

Kuzmenko Olga Nikolaevna (Saint Petersburg, Russia)

A. HERZEN PARIS ADDRESSES

All A. Herzen Paris addresses are found out in the article as well as the detailing of his biographical facts in view of anniversary event: the attribution of Herzen name to our university.

Keywords: Herzen, Paris, revolution of 1848, "The Bell"

СОДЕРЖАНИЕ

ЩИРОВА И.А., СЕРГАЕВА Ю.В. *От редакторов. Герои Великой Победы: ученые нашего института.* 3

СЕМАНТИКА, КУЛЬТУРА И ПОЗНАНИЕ

АРХИПОВ И.К. On semantic and cognitive structures. 13

ДАНИЛОВА В.А., ДАНИЛОВА Г.И. Фразеологизмы со стержневым компонентом «brot» в картине мира немецкого этноса. 22

ЕНИКЕЕВА С.М. Конверсия как разновидность функциональной трансориентации языковых единиц (на материале неологизмов современного английского языка) 31

КОЗЛОВА Т.О. Количественные альтернативы гласных как средство реализации квантитативного принципа иконизма. 41

КОРЮКИНА Е.Е. Развитие англоязычной медико-педагогической терминологии в рамках терминосистемы инклюзивного образования. 47

НИФАНОВА Т.С. Сопоставительное изучение лексики с точки зрения особенностей комбинирования компонентов лексического значения (на материале денотативных классов английского и французского языков) 53

ПРИХОДЬКО А.И. Особенности функционирования фразеологизмов в газетных заголовках. 62

ПУЗАНОВА Н.А. Познание мира и языковая личность 68

ПЯГАЙ А.Н. Моделирование как вид создания подтекстов. 77

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЯЗЫКА

КАРГАПОЛОВА И.А. Социология языка и типы лингвистической рефлексии. 83

МОСКВИТИН Е.В. Парадигматические отношения между лексическими и семиотическими единицами немецкого железнодорожного социолекта 92

ФИЛИМОНОВА О.Е. Некоторые особенности речи детей-билингвов 98

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ЛЕКСИКОГРАФИИ

КАБАКЧИ В.В., ЕГОРОВА К.А. E-lexicography словаря ксенонимов 105

НАШИ АВТОРЫ

СИТНИКОВА И.О., ВАБИЩЕВИЧ Е.С. Отражение гендерных стереотипов в словаре сочетаемости издательства Duden. 114
ШИШКИНА И.П., СМОЛОНОГИНА Е.А. Лексикографическая кодификация и описание неологии современного немецкого языка. 123
ТОЛОЧИН И.В. Об одном парадоксе словарной дефиниции (наречие *ur* в Macmillan dictionary online) 134

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ

ТУРАЕВА З.Я. Заметки о книге Пола Остера “Winter Journal” 141
ГУСАКОВА Т.Г. Художественная модель социального пространства самоидентификации персонажа 150
ПАРФЕНТЬЕВА М.А. Метафорическая структура поэтического текста. 160
ПРИХОДЬКО А.А. Фреймовая структура концепта «ЖИЗНЬ» и ее вербальное наполнение 168
СЕДЫХ Э.В. Категория декоративности в поэзии О. Уайлда. . . . 173
СЕРГАЕВА Ю.В. Мультиmodalный текст: читать, смотреть и/или слушать? 182
ФИЛИППОВА С.Г. Аксиологический аспект описания авторского концепта. 190
ЩИРОВА И.А. О понятии и роли *выдвижения* 198

УНИВЕРСАЛЬНОЕ И КУЛЬТУРНО-СПЕЦИФИЧЕСКОЕ В ПЕРЕВОДЕ

ПШЕНИЦЫН С.Л. Методика выявления лакун как инструмент исследования переводческих решений и развития профессионализма переводчиков 207
СИГАРЕВА Н.В. Тактики убеждения в научно-популярном тексте: особенности реализации и передачи с английского языка на русский 212

**К 145-ЛЕТИЮ ПРИСВОЕНИЯ ИМЕНИ А.И. ГЕРЦЕНА
РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВЕННОМУ ПЕДАГОГИЧЕСКОМУ
УНИВЕРСИТЕТУ**

КУЗЬМЕНКО О.Н. Парижские адреса А.И. Герцена 220
НАШИ АВТОРЫ 229

АРХИПОВ ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ВАБИЩЕВИЧ ЕВГЕНИЯ СЕРГЕЕВНА – магистрант Технического университета Дрездена (Германия)

ГУСАКОВА ТАТЬЯНА GERMANOVNA – аспирант кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ДАНИЛОВА ВИКТОРИЯ АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области медиатехнологий Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

ДАНИЛОВА ГАЛИНА ИВАНОВНА – кандидат философских наук, доцент кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЕГОРОВА КСЕНИЯ АЛЕКСЕЕВНА – кандидат филологических наук, лексикограф издательства KDictionaryes

ЕНИКЕЕВА САНИЯ МАРАТОВНА – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии Запорожского национального университета (Украина)

КАБАКЧИ ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения Санкт-Петербургского государственного экономического университета

КАРГАПОЛОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

КОРЮКИНА ЕКАТЕРИНА ЕВГЕНЬЕВНА – аспирант кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

КУЗЬМЕНКО ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

КОЗЛОВА ТАТЬЯНА ОЛЕГОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Запорожского национального университета (Украина)

МОСКВИТИН ЕВГЕНИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ – аспирант кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

НИФАНОВА ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и германского языкознания гуманитарного института Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова.

ПАРФЕНТЬЕВА МАРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – аспирант кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ПРИХОДЬКО АЛЕКСАНДРА АЛЕКСЕЕВНА – аспирант кафедры английской филологии Запорожского национального университета (Украина)

ПРИХОДЬКО АННА ИЛЬИНИЧНА – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Запорожского национального университета (Украина)

ПУЗАНОВА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ПШЕНИЦЫН СЕРГЕЙ ЛЕОНИДОВИЧ – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ПЯГАЙ АЗЕЛЛА НИКОЛАЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

СЕДЫХ ЭЛИНА ВЛАДИМИРОВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и перевода Санкт-Петербургского института внешнеэкономических связей, экономики и права

СЕРГАЕВА ЮЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

СИГАРЕВА НАТАЛЬЯ ВИЛЕНОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры перевода Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

СИТНИКОВА ИРИНА ОЛЕГОВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

СМОЛОНОГИНА ЕЛЕНА АНАТОЛЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ТОЛОЧИН ИГОРЬ ВЛАДИМИРОВИЧ – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Санкт-Петербургского государственного университета

ТУРАЕВА ЗИНАИДА ЯКОВЛЕВНА – доктор филологических наук, профессор (Германия)

ФИЛИМОНОВА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА – доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ФИЛИПОВА СВЕТЛАНА ГЕННАДЬЕВНА – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарного образования и педагогических технологий Волховского филиала Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ШИШКИНА ИННА ПАВЛОВНА – Почётный профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, кандидат филологических наук, профессор кафедры немецкой филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

ЩИРОВА ИРИНА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английской филологии Института иностранных языков Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена

STUDIA LINGUISTICA

**ЯЗЫК В ПРОСТРАНСТВЕ СОЦИУМА
И КУЛЬТУРЫ**

XXIV

Подписано в печать 10.06.2015. Формат издания 60×84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Гарнитура SchoolBookC. Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,5.

Тираж 000 экз. Заказ 258.

Отпечатано в типографии ООО «К-8»
Санкт-Петербург, Измайловский пр., 18-д.